

The background of the cover is a detailed illustration of a battle scene. In the foreground, a knight in full plate armor is mounted on a dark horse, charging towards the viewer. He is surrounded by other soldiers and a large dragon with golden scales and wings. The scene is set against a dramatic, cloudy sky with a bright light source, possibly the sun or a magical light, creating a hazy, atmospheric effect. The bottom half of the cover is a solid blue rectangle containing the text.

16+

А. Динцов

Альтернатива.

Бой за власть.

А. Динцов

Альтернатива. Бой за власть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54647919

SelfPub; 2020

Аннотация

Бесчисленное множество мыслей было отдано теме времени, и лучшие умы достигали непревзойдённых высот, рассуждая на этот счёт. Но время, известное нам, может оказаться не единственным воображимым... Я предлагаю взглянуть, окунуться и прожить альтернативную действительность, где само время течёт иначе. Где не человечество создало и повелевало технологией, а наоборот.

Содержание

[введение]	4
Конец ознакомительного фрагмента.	222

[введение]

В эпоху, стёртую из памяти временем, когда сама Жизнь не знавала людей, сушу населяли нэогары. Им были чужды кровь и плоть, тепло и доброта; нэогар – это живая сталь, укрытая бронёй. Лица их, – плоские и холодные, чем-то походили на людские, но точно не светившимися словно фары глазами. Очи их были широки и глубоки, а излучаемый свет ярок, как факел во тьме. О выступе для дыхания их лики не знали, зато узкие рты кусали твёрдые губы ради слов. Пища их – ток, а жидкость враг, от которого берегли латы.

Скверные, жестокие натуры нэогаров разорвали два полушария материка, разделённых пустыне-перешейком, на четыре королевства, чьи престолы отдали сильнейшим внутри стран. Наивно полагать, что турниры, коими избирали правителя, были простыми схватками холодных стальных рук. Преклонение пред могуществом природы породило «особые механизмы», обуздавшие власть естества. Рвение к главенству своего «механизма» возвело нерукотворные границы меж державами, закрытыми и враждебными. Гордыня и амбиции то и дело разжигали войны, а власть природы обратилась оружием, против собрата с чужим «механизмом». Мира в этом мире не бывало. Только затишье, чей срок иссяк...

1 эпизод. Бессмертие

Сказать, что любовь к войне у нэогаров в крови – запре-

щает логика, но эта фраза ясней всего отображает суть их жизни. Хотя, на момент царствования Вэнтэра – короля Витры, чей «воюющий механизм» повелевал ветром, перемирие меж странами казалось крепким. Но Вэнтэр не был из тех, кто упускал шансы. Его обуревало рвение к тотальной власти, а в мире четырёх держав, это лишь мечта.

Главная обитель королей, несомненно тронный зал. Помпезность и реки льющего сквозь открытые ставни света нельзя было встретить в залах монархов. Они выглядели мрачно, сдержано, строго, точно как их хозяева. Эталоном готичности служил тронный зал Витры, чей каменный престол отягощал Вэнтэр. Его слава гуляла по материку, крича о себялюбии, бездушии и бесстрашии.

– Сталис, – громыхнул в тишине холодный глас короля, объявив начало военного совета, – сильнейший в Сталии, что лежит за границей, готов пропустить наше войско через свою землю, дабы армия дошла до перешейка.

– Пока его землю, – вставил ехидный до основания укрытых бронёй плат нэогар. – Сталии никто не поможет, я об этом договорился, – с удовольствием заверил улыбавшийся советник.

– Сталис мудр, его войско уже мобилизовано. Даже один на один мы можем потерпеть поражение, – генералу Витры часто приходилось обращаться голосом реальности.

– В войне с «магнитами» соседей? Не смейся, наш «вой» сметёт их оборону, как пыль! – Вэнтэр всегда был самоуве-

рен. Даже когда сила его измерялась чужими жизнями, он видел только цель. И шёл к ней. Шагал так, что сотрясал сам свет, и добывал территории в свою усладу. Меньше чем чужие смерти его волновали только чужие желания, хотя мало кто выступал против войны.

Витра пожрала Сталию как змея мышь, не встретив и половины трудностей, что ожидала. За доверие король державы заплатился жизнью, а народ его – свободой. Как и прочие короли, как и два других народа. С доступом к перешейку и возросшей армией, Вэнтэр протянул пальцы к Валлону, сорвав голову с плеч её короля, а затем подмял и Маггар – соседа, союзника, и предателя «лазурного механизма», процветавшего в Валлоне.

В тот выжженный огнём и стёртый ветром день, на рассвете которого пала королева Маггара, страны, слывшей самым свирепым могуществом, Витра подчинила последнее свободное место планеты, столицу «пламенного механизма». В момент, когда это свершилось – Вэнтэр сделался императором, что видел в самых смелых мечтах. Но с империей, выкованной из четырёх народов молотом смерти и огнём раздора – пришли бунты, восстания и крамолы.

– Видел бы ты, что они вытворяли, – словно пред нэогаром был не император, а давний друг – молвил Вэнтэру его заместитель. Если покоритель всегда был строг, сдержан и хладен, а его латы серо-чёрного цвета видом своим увеличивали владельца, то избранный заместитель, тот, что сплёл

сеть из вранья и интриг победы ради, облачался в доспехи белёсые, лёгкие и узорчатые. – Как они требовали свободы и своей земли... Эти маггарцы чего доброго вытолкнут наши силы за стены своей столицы, – словно мир – игра, а война – миссия, отчитался Кадэн властителю.

– Сложи их стены на землю, да так, что бы жертв побольше, – выдал Вэнтэр, что даже сидя на массивном каменном троне, не мог обрести покой.

– Всех всё равно не перебеёшь, – с насмешливым сожалением молвил заместитель, вышагивая по ступеням, вёдшим на трон. – А если и перебеёшь, кто будет держать твою империю? Только наших соотечественников, на всё не хватит, – выдал заместитель образ грусти.

– И что мне теперь делать? – заметно напрягся тиран, вытянувшись на встречу Кадэну. Его голубые впалые очи встретились с глазами докладчика, цветом и формой схожими с ограненными изумрудами.

– Отними у них разницу, – с лёгкой усмешкой предложил Кадэн. – Пушай все будут как один. Вырежи из них «механизмы», и империя станет общей, а не только витровцев.

Владыка неизбежно задумался, и надолго думы сковали его. Все три победы заслужил в первую очередь Кадэн, ведь не только баталиями Витра покоряла врага. Альянсы, созданные и разлаженные, вот чем помог нэогар, ставший заместителем. Вэнтэр доверился ему однажды, и не прогадал.

Не было угрозы в том, чтобы вновь испытать его мудрость.

Миром да лаской железное население империи никто и не вздумал уговаривать. Кампания императора против раздора четырёх народов затянулась на десятки лет, и обошла стороной привилегированных вельмож, министров, генерала, императора, что естественно... но цели своей Вэнтэр достиг. Смертями, гонениями и болью, но достиг. Он водрузился на чужих страданиях так высоко, как не удавалось ещё никому. Он сотворил то, о чём его предки боялись мечтать: Империя – единая и нерушимая, великая и безграничная.

Иссякли земли, которые можно было отобрать; перевелись войска, которым полагалось противостоять. Но это не означало, что исчезли все имперские враги. Что теперь Вэнтэру не к чему было стремиться, и не стояло пред ним более угроз.

Сталь крепка и опасна, но если нечему её точить – она ржавеет и рассыпается. Две сотни лет со дня триумфа ничто не точило воеводу. Под грузом годов своих, сдавленный пятью веками жизни – Вэнтэр состарился. Даже для живой стали этот срок был внушителен; в среднем, нэогары проживали не более четырёх сотен дней создания. На арену против тирана, вышла сама смерть.

В день неприметный ничем, под низкий голос генерала Кана, что возглавлял основные войска при штурме и взятии каждого королевства, Вэнтэр не взглянул никуда, кроме пустоты. Внешние звуки до него долетали, но бились о врата раздумий и опадали, как осенние листья. Властителя зако-

вали в латы новые и чистые, мрачные и внушительные, но то, что переодеть нельзя было – испачкала старость. Лицо укутал плед шрамов сотен битв, длани скрипели, а ступни пожрала ржавчина.

– Император, – настойчиво окликнул его Кан, – вы одобряете? Спонсирование нового жилого квартала... – генерал несколько озадачился безразличием владыки, но в целом оставался учтив. Его преданные глаза цвета лесной зелени ждали ответа, высвечивая совсем тусклый свет. На широкий воротник его брони самого тёмного из синих цветов спускался ряд брусков шлема – символ высокого сана. Они словно радуга оберегали шею со спины и боков, но не загораживали блестящие на свету щёки.

– Оно важно? – даже голос Вэнтэра состарился. В него впиалась хрипоца и помехи.

– Спонсирование? – не сразу сообразил Кан. – Более чем; на окраинах жилища достигли статуса аварийности, необходимо переместить...

– Одобрю, – прервал его покоритель, передвинувшись к другому подлокотнику каменного трона. Даже законное место теперь казалось ему слишком внушительным, для жалкого старика.

Кан, как подобало генералу, держал руки за спиной, когда отчитывался или представлял своё мнение. Но сейчас он распустил десницы, и покрытые бронёй руки свисли к бёдрам.

– Император, я вижу вашу озадаченность. Если я могу чем-то помочь...

– Не можешь, – снова проскрежетал повелитель. – Иначе я давно бы приказал помочь.

– Что вас заботит? Я способен на большее, чем вам могло показаться, – заверил верный генерал.

– Смерть, – прошипел Вэнтэр, в этот раз выслушав Кана. – Я чувствую её. Смерть ступает мне на пятки. В моём дворце целое крыло отдано лаборатории! – голос владыки не усилился, но слова он отчеканил быстрее, громче, к тому же резко поднялся, и гневно ударил твёрдый подлокотник. Это подкосило устойчивость, и Вэнтэр рухнул обратно на престол. – Эти лодыри на моём полном попечении, но они не способны ни на что, кроме оттягивания конца! – гнев тирана не остыл, зато силы иссякли. – Зачем мне их держать? Ради свежего железа в проржавевшем корпусе? – император зашёлся кулаком по груди. – Ступай в лабораторию, – сымытировал он покой, – и пусть профессора изгонят из меня смерть. Либо я изгоню из них жизнь.

Кану не впервой было слышать подобные указы, и не раз уже приходилось вершить приговор. Не над учёными правда, их император берёт... но терпение его таяло вместе со временем.

Лаборатория, занимавшая всё левое крыло первого этажа дворца, не смотря на жалобы воеводы, бурлила работой, точно муравейник. Нэогары недостаточно смелые, или до-

статочны умныы, чтобы беречь себя от побоищ, выделялись отсутствием брони на облицовке тел. Сероватую футеровку технологи прятали под белыми халатами, но отражавшие свет головы, никогда не покрывали. В улье из полсотни умников, похожих, как две пчелы, не трудно было отыскать заведующего лабораторией. Его рабочее место отделялось от стоявших в длинные ряды столов личным углом, промеж двух высоких окон. Но не это служило главной отличительной чертой. Здешний заведующий весь, с головы до пят был раскрашен чёрно- Белым узором, симметричным и расчерченным. Он был невысок, его коралловые очи выглядели слишком маленькими, от чего казались прищуренными.

Почувяв за спиной что-то недоброе, а на мониторе и столе заметив тень – Чан обернулся.

– Кан? – голос его был неприятен; для нэогара это странно, но он будто гундосил. – Что привило тебя в «Грааль науки»? – спросил учёный нависшего как утёс генерала. Ему даже встать было некуда.

– Я по приказу императора, – сверху вниз ответил визитёр. – Он утверждает, что его срок истёк. И требует не только продлить свою жизнь, но увековечить её.

– Бессмертие? – пискляво отозвался растерянный Чан. – Я уже пояснял императору, это невозможно! Его тело обновлено насколько допустимо, но любой нэогар погибает, конца не избежать!

– Его точно не избежишь ты, если император умрёт. И по-

верь, ты будешь жалеть об этом куда больше, чем он, – Кан не привык просить, как и его повелитель. Нэогар вознамерился уйти.

– Время, – в след ему бросил учёный, даже на железном лице явивший испуг. – Мне нужно время! Хотя бы год, – в голосе его проявлялась паника, а в темпе страх. Кану стоило лишь обернуться, и взглянуть своими зелёными как лист глазами, чтобы технолог исправился: – Полгода, мне и полгода хватит!

– Месяц, – безынтересно ответил генерал. – Большого, у тебя не будет.

В тишине Кан ушёл; ему никогда не было приятно находиться среди слишком умных трусов. Да, они важны и нужны, но стоит исчезнуть сильным и смелым – как профессора отправятся следом.

Это редкость, раскрашенный нэогар, особенно, если краска покрывала его лицо. Вычурный именно этим технолог, заслуживший звание умнейшего в лаборатории, с облегчением развернулся на кресле обратно к монитору, что успел погаснуть. Лишь минуту он взял перерывом, ощущая незримыми ушами, как давило молчание взволнованных подчинённых.

– Император возжелал бессмертия, – громко, но всё равно гундося, поведал он ждущим сотрудникам, – и пригрозил расправой за провал. Сроки вы слышали сами, – оглядывая коралловыми точками другие глаза, Чан взял паузу. – У кого какие идеи? – открытый любой мысли, спросил заведу-

ющий.

Даже будучи королём, Вэнтэр частенько гнул лучшие умы своими поручениями. А став императором, его запросы во все лишились границ реальности...

Президент «объединенных научных ассоциаций империи» – лишний раз доказал заслуженность своего поста, первым придумав путь решения имперского поручения. Только в его голову пришла идея заменить обычное, нэогарское тело, чем-то новым, пойти на нечто кардинальное. Ни без помощи коллег и пинков скоротечного времени – Чан вырастил первого бессмертного, но то был не более, чем сосуд: без сознания, сил, мышления, памяти. Творение лучших умов пребывало в стеклянном цилиндре высотой по самый потолок; помимо низкого подле нэогара человека, совсем ещё юного, не достигшего совершеннолетия по меркам людей, в аквариуме от вздохов бурлила густая зеленоватая жидкость, тёплая, как летний дождь. То, что должно было спасти Вэнтэра от смерти, выглядело беззащитным и слабым. Мальчик на скидку шестнадцати лет, стройный, но крепкий, с тёмными волосами, стоявшими настоящей короной и закрытыми миндалевидными глазами. Не было на нём никакой брони, никакой стали; его покрывала лишь кожа, светлая и гладкая, словно у младенца. Это тело умиротворяло, когда пускало из носа пузыри, а его расслабленные конечности поддавались веянию жидкости.

Но Вэнтэру видеть его было рано, а император не славил-

ся усидчивостью. Каждый новый день, встречая тяготы и муки страшнее прежних, воевода не сползал с трона, разбирая исписанные проблемами бумаги. Этим днём, солнечным и тёплым, в мире жестоком и холодном, его покой потревожил вначале звук дверей, открытых с размаху, а затем голос – немолодой, но чистый и простой, ни то, что у владыки.

– Эй, антиквариат, жив ещё? – шагая к покорителю, выдал нэогар, сохранившийся чуть лучше Вэнтэра.

– Кадэн? – безмятежно выдавил владыка. – Радуйся, что никто этого не слышал... – вернувшись к делам, отрезал властитель.

– Ага, жив значит. Тебе помирать не сегодня – завтра, а наследника ты так и не назвал. Пора с этим что-то делать, – подойдя вплотную к подножью ступеней, с тенью веселья огласил гость. Возраст не то что коснулся, а с размаху ударил и заместителя, но он держался жизнерадостней; хотя, он и был моложе.

– Нет достойных, – даже голубизна очей императора выглядела престарелой.

– Ах, вот в чём беда, – язвительно отшагнул Кадэн в сторону. – А может дело в твоём решении, стать бессмертным? Может поэтому, ты наложил запрет на выборы поединком?

– ...многие знают об этом? – из-подо лба спросил воевода.

– Не переживай, эта сплетня ещё не разбежалась. Но ножки у неё уже растут...

Сменив позу на более грозную, Вэнтэр сложил руки перед собой и, глядя в самые глаза собеседнику – строго изрёк:

– Империя – моё детище, я вложил в неё всего себя и даже больше. Никто не достоин сидеть на моём месте, и обладать моей властью. Я лишь забочусь о том, чем дорожу. Если цена господства – вечная жизнь, я заплачу её!

– Да плати на здоровье, только впредь будь аккуратней. Узнал я, узнают и другие. А нам ведь ни к чему восстание глупцов, желающих усесться на трон, – не меняя ехидной улыбки, остерёг ворчуна его гость.

Кадэн куда больше ненавидел старость, чем его повелитель, но именно Вэнтэру не терпелось скинуть её оковы. Скинуть живо, но время для стариков всегда лениво...

Выбора у хронологии не было, пришлось – Таки унести в вечность назначенный месяц. Но не вышло утащить жизнь императора, или пунктуальность научного главы.

В полдень дня, когда истёк период разработок, в лабораторию «вплыл» император, сопровождаемый одним лишь Каном. Учёный штат замер на месте, заведев едва живого, но тем не менее сильнейшего на свете короля.

– Чан, мне доложили, что ты закончил, – раздался голос покорителя в безупречной тишине.

– Это так, – гордо ответил начальник проекта.

– Тогда спровадь смерть от моих дверей, – прохрипел властитель.

Заведующий учтиво кивнул, ощутив под ступнями не та-

лый лёд, а прочную землю.

– Прошу, садитесь, – молвил он, указав на подобие стула, приделанного к наспех собранному центру для переноса сознания.

Император, медленными шажками подковылял к Чану, сохраняя спокойствие и доверяя технологу, но глубоко внутри себя переживая, опасаясь смерти. Его надежды устремлялись к Кану; в случае чего, генерал не бросит.

Учёный усадил владыку в кресло. Аккуратными движениями он наладил связь между сознанием Вэнтэра и центром, похожим на увеличенный системный блок. Руки технолога неизбежно дрожали, боясь допустить погрешность, но действия были точны, словно Чан делал это в сотый раз.

– Вы готовы? – волнительно прогундосил профессор. Он боялся ошибок даже больше, чем Вэнтэр.

Император слишком размяк на удобном сидении. Его изношенная голова кивнула, беззвучно отдав приказ. Стремление величайшего короля четырёх держав поскорее оборвать жизнь в оболочке механизмов и стали огорчило нэогаров, понимавших это. Но недовольствоваться – не осмелился никто.

Чан, чей груз ответственности почти стал осязаемым, в исторический миг переборол переживания и тревоги; спустив пару рычагов и вбив пароль, он начал перенос сознания.

Из высокой колбы, в которой пребывал человек – стремительно утекла тёплая жидкость. Человек глубоко вдохнул –

первый признак жизнеспособности. Профессор восхитился, увидев это. В отличие от Кана, чьё лицо проявило умение переживать.

Сосуд для покорителя остался на ветвистой подставке, не ограничивавшей движения. Он начал пошевеливать пальцами, локтями и коленями, но лицо его было неподвижно, как и налипшие волосы. Настал наконец миг, когда человек открыл глаза: глубокие, выразительные глаза цвета синей пыли.

Узкий экран выше чела умирающего нэогара явил долгожданную весть – перенос окончился. Прочное стекло круглого аквариума поднялось вверх, впитавшись в потолок. Бессмертный, в полной тишине, сделал свой первый шаг. Но опосля второго шлепка босых ног по плиточному полу – раздался взволнованный возглас:

– Император, постойте! Вам ещё нельзя ходить! – остановил Чан Вэнтэра, слишком обессиленного и напряжённого, для попытки что-либо сказать.

Владыку насухо обтёрли, удерживая полотенцами на весу, и завернули в синий халат, под стать новым глазам. Его уложили на подоспевшую кушетку, с неким трудом разогнув временно чопорное тело. Четвёрка нэогаров – личная имперская охрана, вызванная Каном, унесла его в заранее подготовленную комнату. Туда, где Вэнтэра могли разместить на кровати.

– Какого чёрта, – голосом идеальным для сказок, проро-

нил властитель. – Ужасная слабость... – проямлил он, бесцельно озираясь.

– Император, расслабьтесь, – молвил Чан, подойдя к сонному человеку. – Это последствия переноса сознания, – на редкость нежным, заботливым голосом, пояснил учёный. – Сейчас вы должны выспаться, набраться сил, и самочувствие улучшится, – пообещал он, выпрямив спину подле владыки.

Силы противостоять зову сна иссякли. Возможно, и недослушав Чана – Вэнтэр уснул.

– Проследи за императором, пока он не проснётся, – твёрдо обратился технолог к Кану.

– Вместе со мной, здесь останутся все ответственные за его защиту, – глядя из-под лба, сообщил генерал. – Император не самый добрый нэогар, но его стараниями – наша страна стала единой на обоих полушариях материка, и только за это, он заслуживает вечного уважения. Я знаю, ты его недолюбливаешь, и подобных тебе – больше половины населения. Но что бы вы ни делали – я не позволю ему навредить! – чуть ли не крича изрёк преданный помощник.

– Не переживай, – с одолжением ответил Чан. – Вэнтэр, конечно, мне неприятен, но он слишком важная часть моих исследований. Он ключ к развитию науки. Я сам заинтересован в его сохранности... – ни у генерала, ни у заведующего лабораторией не осталось желаний продолжать диалог. Чан закрыл за собой дверь, отделившись от Кана, и императора.

Никто не мог предсказать, сколько продремлет владыка, а

когда его сон затянулся на двое суток – подозрения напрочь растерзали душу генерала. Но солнце взошло в третий раз, и с поцелуем его света – властитель лениво приоткрыл глаза.

– Император, вы... вы в порядке? – первое, что с тревогой спросил Кан.

– Да! – отрезал Вэнтэр со всей строгостью. – Вызови Чана, – непривычным уху гласом, распорядился человек. Смотреть в его матовые синие глаза было непривычно, видеть тёмные волосы спутанные сном – тоже. Но первой же повадкой, стремлением к самостоятельности и твёрдостью слов, он проявился.

Кан всё исполнил. Президент «научного единства» предстал пред императором, ровно сидевшим на диване. Вэнтэр ещё не успел освоиться в самом себе, от чего внимание с гостя было полностью сдвинуто к коже и телу.

– Вы меня вызывали? – стоя напротив бессмертного, вмешался разработчик.

– Да, – будто он ждал этих слов, ответил тиран. – Что ты со мной сделал? Я будто умер! – глаза его давили не хуже прежнего, и даже подростковое лицо пугало в гневе.

– Не волнуйтесь, вы всего лишь спали, – заторопился Чан оправдаться. – Перенос разума – очень утомительный процесс, а ваше новое тело уникально. Оно отлично от других, но всё же не может не уставать. Восстанавливать силы необходимо, особенно ради вечной жизни, – профессор был напуган, но не подавал виду. Император, как агрессивный хищ-

ник: становился строже, если чуял страх.

– Мой сон был вовсе не сном, – повышать голос человеку оказалось не к лицу. – Я впал в забытье!

– Но сейчас ваше самочувствие стабильно? – когда прав был кто-то кроме него, владыка предпочитал грозно молчать. – Сон неотъемлем, а его небольшое усиление – малая плата за вечную жизнь.

– Ты мог бы о ней хотя бы предупредить, – непреклонен был император. – Я могу пользоваться этим телом, или всё ещё рано? – угодить Вэнтэру было куда труднее, чем выиграть все его войны.

– Конечно, прошу – осваивайтесь, – отступив в сторонку, ележно ответил Чан.

Ни без усилий, воевода поднялся, ни без помощи Чана оделся в непривычные нэогару, но приятные человеку вещи и, обутый в открытые сандалии вышел, только осваивая равновесие плоти и костей.

Его с первого момента бодрствования окружили необычные, непривычные и странные на первый взгляд чувства; они преданней самого Кана сопроводили его к запертым вратам. Массивные, высотой как четыре Вэнтэра бронзовые двери для владыки раскрыли полностью, налив мрачный холл его дворца светом. На первом этаже потолки были самыми высокими, но окон не доставало, и все они располагались высоко. Мраморные колонны врезались в арки, отделанные чёрным и червонным золотом.

С внешней стороны дворца Вэнтэра встретил нэогарский отряд, приставленный к бессмертному указом генерала. Под их защитой император выступил из монументального дворца – жемчужины архитектуры целого континента. Из массивного готического основания – первых четырёх этажей, возвышались ещё четыре, увенчанные небольшими башнями на каждой своей грани. Высотой эти башенки не превышали одного этажа, да и просторностью не блистали; тем не менее, как снаружи, так и внутри, они были по имперски роскошны. Отделка их вобрала львиную долю известных драгоценностей, а палитра цветов благородных металлов, даст фору радуге. Но, пожалуй, главная особенность этого возвышения – самый последний этаж дворца, девятый по счёту; он располагался как раз меж башнями. Его ровно изогнутая крыша, заострённая на конце, была высочайшей точкой. Подобно невычурным комнаткам на гранях возвышения, вокруг него тоже отстроили залы; большие, и само с собой невероятно богатые. Панорамные окна вместо целых стен, позолоченные балконы, помпезная отделка и броский интерьер, так и кричали о любви императора к роскоши. Умалчивал об этом лишь фундамент и основа макушки.

За императором закрылись двери, и его величество всецело отдалось любованию небом.

Личная Вэнтэрова охрана не держала властителя в тесном кольце, но шесть нэогаров всё равно его окружали, глядя за

контур. Тираничный владыка был уязвим как никогда, и обещаем тоже.

Вокруг главного замка, на расстоянии около полусотен шагов росла лишь трава, несколько деревьев, да парочка кустов. Цветов или садов здесь и в помине не было; только мощеная тропинка до внешней стены. Кладка массивным кольцом окружала цитадель императора; её высота и прочность впечатляли не меньше, чем отсутствие хоть одной брешы.

Оказавшись на улице в новом, идеально выполненном теле, император задышал полной грудью. Он улыбнулся, и неслыханно удовлетворённо молвил:

– Я чувствую тепло солнца, мягкость травы, чистоту воздуха; вижу красоту неба... мне ещё никогда, не было так хорошо. Мне легко дышать, легко ходить, я всё так чётко вижу, прекрасное ощущение. Почему Чан раньше не мог это сделать, – коснувшись нового себя, озадачился Вэнтэр.

Вэнтэр – некогда это имя оживляло образ бездушного зла, в мрачных латах и с ледяными глазами. Но теперь, Вэнтэр являлся бессмертным, а сосуд его молодым, и не способным изнашиваться. Тот, кем он стал, был кем-то другим. Тоже Вэнтэром, тоже императором, строгим и властным, но другим.

Он сменил свои покои, стоявшие на первом этаже, сменил тронный зал, заменив всё это роскошью последнего яруса. Вид из его окон стал живописней, обстановка больше подходила владыке.

Когда наступил день, обязывавший генерала представить покорителю еженедельный отчёт об общем положении дел империи, Кан впервые посетил новый зал сильнейшего короля. Сам по себе девятый этаж представлялся длинным коридором, с тёмно-красными бархатистыми обоями на верхней половине стены, и деревянной отделкой на нижней. С широкими арочными окнами, меж которыми своего часа ждали бра, но без занавесей или портьер. Единственные двойные двери на всём этаже, тесненные серебром и золотом в узор крупной змеи отделяли тронный зал, и именно их осторожно раскрыл генерал. За пределами мозаики коридора его стальные сапоги встретил паркет, на котором широким кругом лежал ажурный алый ковёр. Он заправлялся под стол для совещаний из красного дуба, но трона не касался. Хрустальный престол, гордость властелина империи – вонзался в сам пол, и сдвинуть его было невозможно. Узор из мириад ромбиков и тысяч граней мерцающего стекла создавал высокую спинку, широкие подлокотники и пусть твёрдое, зато богатое сидение. На потолке, в свете дня, бездействовала люстра, сделанная словно из факелов, а окна, которых было больше десяти, но все узкие и протяжённые – рябили на округлых стенах, во всём полукруглом зале. Под кабинет владыки отдали четверть лучшего этажа; меньшего, Кан и не ожидал.

– Вы готовы принять мой доклад? – спросил генерал, спрятав руки за спину.

– Готов, – сухо ответил Вэнтэр, что-то вписывая в ли-

сток. – Но прежде, я хочу сам кое-что доложить, – бодрее озвучил властитель, и поднялся с зиявшего всеми цветами радуги трона. Он поманил нэогара к себе, на пути к балконным дверям. Выход к небесному пирсу располагался прямо за спинкой трона, и служил главным его осветителем, ибо выполнен был из чистого, тонкого стекла. Дверь послушно въехала в борозды, проделав отверстие к воздуху и ограждённому перилами балкону.

– Что ты видишь? – спросил Вэнтэр, указав рукой на сбитые в районы и города чёрные с серым дома. Они походили на затупленные спицы, и их было так много, что улицы терялись.

Кан взглянул на вид с балкона, затем на императора, чьи сине-серые одежды шевелились вместе с ветром, и учтивостью сквозь замешательство ответил:

– Вашу Империю.

– Верно, Империю. Так я наказал называть это полушарие материка, чтобы сбавить недовольства черни, что всё ещё помнит старые королевства, – поглядев на генерала, согласился Вэнтэр. – А чего отсюда не видно, но нам известно, что оно там есть?

– Пустыню, и Евразию, – с ещё большим конфузом ответил Кан.

– Евразию, – с ноткой отвращения повторил покоритель, и потопал обратно в тронный зал. – Название северного полушария мы не тронули, ведь Витра и Сталия раньше лежа-

ли там. Евразия меньше, бедней, и холодней, – Кан задвинул дверь, оградив потоки тёплого воздуха, а Вэнтэр уселся на трон. – Тем не менее, с каждым днём туда переползает всё больше и больше рабочей силы, что я вижу как в твоих отчётах, так и во всех остальных. Скажи, это хорошо? – Вэнтэр уже знал, какого ответа ждать; его синие глаза впились в Кана, вставшего напротив престола.

– Нет, – уверенно ответил генерал, – от потери трудящихся рук страдает экономика Империи и существует опасность, что военные гарнизоны отдаленной Евразии не смогут погасить возможные восстания.

– Именно, – удовлетворённо кивнул тиран, и мимолётная улыбка посетила его уста. – Я хочу искоренить это рвение нэогарских масс утечь из Империи. Огласи мой указ и делай всё нужное, пока он не будет исполнен: Категорически запрещается пересекать черту Империи и пустыни, стремиться обосноваться в Евразии и проживать на её территории. Евразия объявляется зоной отчуждения, где будет храниться всё, временно или постоянно не нужное Империи. Эмигранты из Евразии получают жильё, постоянный доступ к питанию и рабочие места согласно специфике способностей. Неподчинение карается смертью, – словно это ничего не значило, безразлично окончил император. Он опустил холодные сапфировые очи к документам, и когда Кан, кивнув, пошёл к двери, добавил: – Надеюсь на тебя, – из уважения подняв глаза ещё раз. Этим крайне просто было подкупить Ка-

на, этот знак ему льстил.

Вэнтэр не всегда искал ключи от чужой самоотдачи, но заместитель его раскрыл императору глаза на важность этого умения. Как гласило правило Кадэна: «Приказ это хорошо, но желание – вот что отлично». И властитель понял, кого нужно ободрять, а кого пугать. Тем не менее, когда президент «объединенных научных ассоциаций империи» вместе с закатом пожаловал в тронный зал, воевода неизбежно изумился. Завидев раскрашенного нэогара на пороге, он одарил его хмурым взглядом.

– Простите, не отвлеку? – осведомился Чан, закрывая двери.

– Уже отвлёк, – выдохнул Вэнтэр. – Надеюсь, не зря? – в красных лучах хрустальный трон отдавал сочными бликами всех оттенков огня, что смотрелось величественно и пугающе.

– Мне хватило смелости взяться за один проект... надеюсь, он вас заинтересует, – без робости шагая к краю длинного стола совета, молвил Чан. – Недавно я выходил за пределы стены, что стоит вокруг замка. Я посмотрел на наших нэогаров со стороны. Они безуданно трудятся, на благо вас и империи, но... разве, они это заслужили? Объединенные народы всё ещё помнят ожесточенные войны, и держат на это обиды. Может быть, нэогарам стоит отдохнуть?

– Отдохнуть? – моментально исказилось имперское лицо недовольством. – Что за глупости? Им незачем отды-

хоть. Они будут покорнее, сильнее уставая.

– Разве? С другой стороны, они тоже чувствуют, у них есть эмоции, нравы и характер. Если их слишком многое не будет устраивать, народ не свергнет вас?

– Нет!!! – вздыбился император. – Мой народ не предаст меня!

– В ближайшее время, конечно нет. Но у вас в запасе вся вечность... – свёл Чан голос к тихому.

– ...допустим. И что ты предлагаешь? – взбодрившись, спросил император.

– Я сумел создать пустое человеческое тело и оживить его, не перенося в него разум нэогара, – улыбаясь, похвалился учёный.

– И что? – Вэнтэр усмехнулся, но ему всё же стало интересно.

– Такого человека легко обратить рабом. Глупой и преданной рабочей силой, самой выгодной из всех, – профессор развёл руки, а чёрно-белое лицо выпустило улыбку.

Синяя пыль Вэнтэровых глаз расширилась, перебив сверканье изгиба уст.

– Мне нравится, – приглушённо признался тиран. – Этот проект достоин жить, – улыбка не отпустила его губы. – Рабы собственного производства... может, хоть это уgomонит зреющие недовольства, – Вэнтэр откинулся на спинку, мечтательно обдумывая свою утопию. – Наводни ими Империю.

Только этих слов Чан ожидал. Теперь, получив согласие от самого императора, можно было масштабировать проект. Одним единственным, уже созданным рабом, ограничиться не придётся. О нём-то Чан и умолчал... о Джаине – таким стало имя первому автономному человеку. Первому, из каскада грядущих...

2 эпизод. Латата

Успех кружит голову сильнее карусели, а слава творца бессмертия и того больше. Удача за удачей соскребли с поведения Чана осторожность; в пору было сказать, что он стал самонадеянным, но учёный отобрал сей повод. Император вновь дал добро его задумкам, а профессор подготовился к этому, будто заранее был уверен. Иначе он бы не решился на самостоятельный, никем не заверенный и никому не известный эксперимент. Но солнце взошло, и вот он, в позолоченных лучах итог самоуверенности Чана. В комнате, куда отлёживаться отвезли императора, едва тот стал бессмертным – свои очи раскрыл новый человек, не бывший до этого нэогаром. Его разум сохранял автономию, воля была свободна, но мысли пока задурманены.

Глаза Джаину достались карие, волосы каштановые, комплекция плотная, а рост внушительный. Но лицо его было настолько добро и безобидно, что верить в злые умыслы за тонкой душой – не хотелось. Как подобало творению Чана, Джаин был строен и мил глазу; в отличие от Вэнтэра его одели сразу, и не в халат. Пусть вещи походили на пижаму,

зато были куда приятнее, чем орнаты владыки.

– Стало быть, три дня, – любой нэогарский голос отличался от человеческого, но ни гундосость Чана, ни его чёрно-Белый лик, не спугнули Джаина. Паренёк на вид двадцати пяти лет приподнялся с кровати, но ноги на пол не спустил. – Созревал ты дольше императора. Ну что ж, не удивительно... адаптация свежего разума к такому же телу должна проходить дольше. Ты поди голоден? Или вы во сне настолько экономичны, что аппетит не просыпается?

– Мы? – человек, как видно, растерялся, да и не очень- То проголодался.

– Уверен, у остальных из твоей серии, всё будет так же. База у людей одинаковая, так что...

– Я раб Империи, – вдумчиво прошептал Джаин, чем отвлёк любившего похвалиться создателя.

– Верно, – присев рядом с рабом, умилённо подтвердил Чан. – Так я и сказал тебе, едва ты ожил.

Это удивляло, насколько пристально раб впитывал каждый звук. Он был словно губклй, что поглощала тонкости странного мира вокруг.

– Так вышло, что именно ты – первый человек, обладающий собственным разумом, – поднявшись над ним, озвучил Чан очевидное. – Успех с твоим становлением открыл мне новые горизонты. Не далее, чем через неделю, я возвращу ещё полсотни бессмертных рабов. Ты мой главный триумф, и именно тебе я доверю их воспитание. Воспитанность,

покорность, преданность, самоотдача – из этих пазлов мы соберём шедевр нэогарского комфорта, – Чан пребывал в искреннем восторге от своей находчивости, но он всё же не упускал такие мелочи, как контакт с куратором. Положив стальную ладонь на тёплое плечо, технолог молвил:– А будешь хорошо справляться, станешь моей правой рукой.

Джаин улыбнулся, не потому, что так надо, а потому, что нежному сердцу льстила вера в него.

– Я... буду очень стараться, – кивнул Джаин, источая добродушие.

– Не отрицай, ты голоден, – убеждён был учёный. – Эту комнату я выделяю в твоё распоряжение, но только сейчас сам принесу тебе пищу. В следующий раз, сходишь ты, – забота об успехе – путь к новым успехам, но рабу нельзя наглеть, и Чан это понимал.

Джаин ещё не освоился, пушай приходит в себя. Но питаться надо в любом случае, и любому, кто хочет жить. Вэнтэр же, за безграничностью своей занятости, не редко об этом забывал, но кому хватит смелости его ругать. Уж точно не Чану...

Вэнтэр брал передышки в частности благодаря Кану, с его часто всплывавшими неотложными докладами. Вот и сегодня, в преддверье полудня, генерал предстал перед мальчишкой- Императором.

– Мы ожидали недовольств, но не полагали, что открыто негодовать будут высшие слои населения, – удерживая ру-

ки за спиной, вступил генерал. – Вельможи и состоявшиеся собственники недовольны не только изгнанием из Евразии и лишением обогащающих территорий, но и отказом в выставлении бессмертных тел на продажу. Если вопрос выборов поединком мы кое-как уладили, рвущиеся к вечной жизни богачи не желают униматься.

Вэнтэр с недовольной терпеливостью выслушал это, переминаясь на хрустальном троне.

– Не их трудами империя росла, и их труды необязательны, при её поддержании. Дай им понять, что мы не намерены долго терпеть недовольства. Император здесь я, и только мне положено бессмертие!

– Вы хотите сказать...

– Избавься от самых крикливых, а остальные умолкнут сами. Только сделай это чисто и тихо, без провокаций, – с Вэнтэром было просто хотя бы в том, что с ним не бывало недомолвок.

Кан кивнул, и пусть он чувствовал досаду душой, голова твердила: выбор они отняли сами.

– Ещё мы получили отчёт от последней поисковой группы, – приглушённо доложил Кан, и властитель напрягся. Спина его стала ровнее, а глаза сузились. – Никаких следов вашего заместителя найти не удалось. В Империи его точно нет, а Евразию из-за беспорядков обыскать слишком трудно...

– Чем только Кадэн думает, – потеряв лоб, качнул Вэнт-

эр головой. – К чёрту его. Одумается, сам вернётся. Ты лучше скажи, что думаешь об идее Чана? И как новость о рабах встретили в народе? – судя по искорке в глазах и слабой улыбке, это владыке и правда было важней.

– Нэогары полны сомнений, – без пауз отчитался Кан. – Многие заявляют, что чужим бессмертием свою жизнь не улучшишь. Другие твердят о заоблачных ценах, и обвиняют Вас в скупости... – передавать плохие вести Кану всегда было неловко. Он чувствовал вину за то, что не позаботился об их благополучии.

– Пусть больше работают, раз им не хватает, – сердито выкинул мальчик на троне. – Ничего, рабы приживутся в Империи, я уверен. А у дураков будет новый мотив покинуть Евразию...

Кан потупил глаза, и расслабил сплетённые за спиной пальцы. Его десницы опустились, и тогда генерал сильнейшего в мире войска, сквозь силу изрёк:

– Я извиняюсь, но можно вопрос не по делу? – даже теперь он не поднял глаз.

– Отказывать тебе, жуткая наглость, – без интереса одобрил воевода.

– Что вы думаете, о Чане? – сморозил генерал, и его тёмно-зелёные глаза устремились точно к трону.

– Что думаю? – усмехнувшись, переспросил Вэнтэр. – Мне слов не хватит, чтобы передать, насколько изумительно жить в этом теле. Я думаю, что Чан не зря считается умней-

шим нэогаром империи. Не могу судить о его мудрости, но интеллектом – я восхищён.

– Считаете, ему стоит доверять? Лично я убеждён – он лицемер, – случайно шагнул Кан вперёд.

– Так можно сказать о каждом, кто чего-то достиг. И даже если так, он важен, и нужен империи, – пожал император плечами, на миг став добрым в тёплом теле.

Кан уяснил позицию императора, и не посмел больше спорить. Вэнтэр почти прикоснулся к неприязни своего помощника, но даже власть бессмертного не могла это исправить. Как и привязчивую натуру победителя смерти – Чана.

Чёрно-белому нэогару было крайне важно, чтобы его слушали, с ним соглашались, и ему подчинялись. Он понимал, что не мог всегда быть прав, и приветствовал советы, но только не критику, которая сочилась к нему со всех сторон. За то, что Джаин стал именно тем, кто покорно последует за заведующим лабораторией даже в огонь, лишь поссоветов сменить маршрут – Чан привязался к первому рабу. Его помощь быстро стала уместной в стенах «Грааля науки», а знания он поедал ещё быстрее, чем Чан был способен их подавать. Компания бессмертного и за пару дней стала технологу родной, не говоря уж про неделю, которую они провели вместе. Провели в трудах, в разговорах и спорах, которыми талантливый Джаин подталкивал Чана к верным решениям.

Прощение президента «научного единства» о спонсировании отдельного центра выращивания людей император от-

верг; «У нас и без науки расходов по разорение. Я выделил тебе весь первый этаж, если мало – возьми второй, но сиди во дворце и делай своё дело»– такой ответ не сильно, но упростил учёному жизнь. В просторных палатах второго этажа, где кроме дежурной охраны никто не блуждал – Чан, ни без участия правой руки и верного штата – организовал простор аквариумов и спальных мест. Пять десятков стеклянных колб от пола до потолка залитые зелёной жидкостью растили рабочую силу, бессмертную и исполнительную. Учёные могли заложить в облик только основные черты внешности, к примеру цвета глаз или волос, цвет кожи и мышечный тонус, который для всех рабов был одинаково хорош. Но рост, черты лиц и вес – дело индивидуальное...

Разные всем, кроме сути своей, люди – раскрыли пятьдесят пар глаз, когда питательная среда утекла из колб. Тонкие влажные стёкла растворились вверху палаты, слившись с потолком. Свежий воздух темноватого помещения прошёлся по нагим кожным покровам, и некоторые распушили мурашки.

Первым, кто предстал перед их открытыми глазами, был Джаин, стоявший на шаг ближе к рабам, чем Чан, державшийся близ закрытой двери. Что очевидно – только первый автономный человек был одет, в изысканный костюм цветов неба и угля. Первый голос, что новоиспечённые рабы слышали, тоже принадлежал Джаину:

– Вы, – ступив к ним на встречу, молвил он, – бессмерт-

ные существа, созданные с целью служить великим нэогамам. Вас ничто не должно отвлекать от угождения тому, кто вами обладает. Своей жизнью – каждый из вас обязан до конца вечности, служить нэогамам, – глас Джаина был громок, а лицо непреклонно. Слушая его, и самому Чану захотелось исполнить указы. Шаги человека были степенны, а зиявшие вниманием очи, что обращались к нему – впитывали звуки подобному самому Джайну, в его первый день. – Я знаю, как много у вас вопросов, и вы получите ответы. Но сперва, вам следует одеться, – указав на стол со сложенными в стопки вещами, объявил Джаин, – выспаться, и отдать себя службе Империи!

Строгой очередью послушные люди потекли мимо разложенных однотипных вещей, а затем прошли путь за возглавившим процессию предводителем туда, где для них подготовили спальные места. Замыкал ряд отборных автономных рабов Чан, чей лик лучился довольством, как бы не был хладен его металл. Но Джаин не поднимал глаз на своём пути, и его облик выглядел сожалеющим. Слова его речи звучали убедительно и чётко, но сейчас – очи наполнились жалостью.

Ничто не помешало спровадить полсотни рабов к спальному залу, где весь пол – один большой матрас, и ничего кроме. Усталость, накатывавшая с каждой минутой, и сон, стягивавший веки – сами разложили людей на пол, обозначив ряды.

К концу процесса размещения, к куратору обучения незамеченным подступил Чан, и глядя на свой успех сквозь амбразуру – мягко молвил:

– Молодец. Мне понравился твой спич, – взглянул учёный коралловой прищурью в очи Джаина.

– Зачем давить на них, чуть-только они раскрыли веки? – с трепетом и первый раб взглянул на Чана. – Гуманнее было бы подождать, пока они выспятся, – и заведующий и его правая рука знали, что это так.

– Это ваша физиологическая особенность, – закрыв глаза на спор, ответил профессор. – Люди запоминают всё, что узнают до сна, с потрясающей точностью. Кстати ты – доказал мне это, – важно кивая, сложил нэогар руки у груди.

– Я рад быть полезным, – неискренне улыбнувшись, ответил Джаин. – Я могу вернуться в лабораторию?

– Да, только не на долго, – дозволил создатель. – Когда я вернусь, мы проведём инспекцию оборудования, и запустим новую партию.

Не дождавшись даже кивка первого раба, Чан покинул его. Да, Джаином не грешно было гордиться, но это ведь заслуга профессора, а не человека. Помнить своё место для него не лишнее...

Визит в тронный зал всегда был волнительным, даже когда вести твои могли только обрадовать. Сам Вэнтэр, его вид и искрящийся хрустальный трон – уже душили смелость.

За парным стуком объявился Чан, и помня ошибки про-

шлого, с той стороны дверей спросил:

– Император, разрешите обрадовать? – Вэнтэр лениво махнул к себе рукой, не отрывая глаз от стопки бумаг. – В нашем распоряжении находятся первые полсотни рабских душ, – похвастался Чан.

– Полсотни? – приподнял император брови, вместе с головой. – Я думал, их будет больше.

– Ну... – Чан осёкся, не зная, что ответить, а это для него было редкостью. – Из того, что было в моём распоряжении, большего добиться нельзя... я... я ведь просил для себя... – технолог мямля загундосил.

– Ладно, сколько есть, столько есть, – пощадил свои уши император. – Ты не затягивай, расширяй производство. Кан уже предоставил пару сотен потенциальных покупателей. Не опозорь нас, – даже просто просить, обычным голосом и простым взглядом, владыка мог пугая.

– Мне так неудобно, – переминаясь с ноги на ногу, проронил Чан, и мальчик поднял уставшие ждаты синие глаза. – Самый первый автономный человек, Джаин – так его зовут... вы позволите оставить его под моим началом? Я нуждаюсь в его помощи, он дельный человек...

– Если нужен, оставляй. И скажи Кану, чтобы отобрал самых влиятельных покупателей и первых рабов вверил им, – на этом повод пребывать в благовидном тронном зале у Чана испарился. Вэнтэр, без сомнений лишённый повода сердиться, но и не особо радостный – изгнал науку из храма власти.

А время изгнало из реальности те дни, когда рабы дремали, и под неусыпным надзором неба – люди разлетелись кто куда.

Первые покупки не превышали одной особи, но очень скоро людской труд сосредоточил на себе неподдельный интерес; от богатого до нищего нэогары возжелали заполучить бессмертного человека-раба, если бы ещё позволить себе его мог каждый... При всём этом – количество предзаказов ушло далеко за тысячу рабских сердец в первый же месяц, когда произведено было чуть больше двухсот. Президент проекта, хоть с Джаином, хоть без – никак не поспевал за аппетитом покупателей.

Золотое пятилетие – так вошёл в историю бархатный период, когда ненасытные нэогарские хозяева, то и делали, что копили средства на покупку раба из плоти и крови. Вэнтэр и без того превосходил богатством любого на планете, а с подобным доходом – равных ему и не станет. Но Золотое пятилетие окончилось, и ажиотаж вокруг людей угас. Стандартом обладание двумя- Тремя рабами. Теперь, личным человеком никого не удивишь; если раньше, чем лучше выглядел твой раб, тем выше был твой статус – теперь, это утратило значения. Никогда не удавалось встретить человека, заплывшего жиром, но сейчас – не удастся встретить человека, у которого жира было достаточно.

Само с собой, падение интереса заставило поначалу сбавить производство, а затем и вовсе его прекратить. Чан смирился с утратой золотых времён; его поглотили новые иссле-

дования, они его и спасли. Если мечам нужна заточка, а войнам брань – учёным нужно утонуть в науке.

Джаин снова умудрился выделиться, даже когда интерес к рабам обветшал. Он отличался от миллионов других людей хотя бы тем, что оставался ухожен и сыт. Одежда его была цела и чиста; пусть не всегда с иголки, но это всяко лучше многолетнего рванья, где от пуговиц или молний остались только следы. Люди поплотней подтягивали пояса из истрескавшейся кожи, и несли своё бремя, неспособные что-либо изменить. В этом даже Джаин был серой массой... но, пожалуй, только в этом. Времени у него порой было так много, что накатывала скука. Из недели в неделю арсенал любимых занятий истощался; со временем всё приедалось, и даже Чан с его поручениями не спасал от тоски.

Когда стало ясно, что грядущий вечер освободился от дел, и во всём дворце не осталось ничего не опостылевшего – Джаин сыскал выход. Он, в лёгком осеннем плаще цвета древесной коры покинул стены замка, открываемые людьми взамен нэогаров. Кости на их спинах, рёбра и скулы – выпирали из-под тонкой кожи, но они даже не жаловались. Что уж там, смотрели только вперёд, дабы не стеснять господина, вышедшего на прогулку. Видеть это первейшему рабу стало больно; он старался закрывать глаза, но от боли не сбежать.

Мощёная тропинка привела его вначале к внешним стенам, а затем в столичный нэогарский квартал. Пусть уже свечерело – в свете уличных фонарей всё ещё можно было уви-

деть нэогара, что гуляя по дороге пинал раба, драявшего улицу, или чистевшего и так чистый дом. И правда, как раб посмел не поклониться хозяину, которого даже не знал.

Эти сцены – новые капли боли в графин человеческой души; смотреть на них Джаин мог лишь с опущенной головой. Между казнью и этим зрелищем – он выбрал бы казнь, но сердце запрещало игнорировать жизнь за круглой стеной. Погода нахмурилась так же, как вышедший человек.

– Какой же я глупец, – проронил первейший раб, вместе со слезой. – Я собственными руками обрёл миллионы людей на вечные мучения. Это казалось таким простым, беззаботным – помогать тому, кем восхищаешься, и слушать его похвалы. Но теперь, это превратилось в настоящую кару – наблюдать за результатом, этой «помощи», – оглядывая десятки сцен бездушия и безразличия к сотням невинных людей, продолжил Джаин свой путь.

Везунчиком считался уже тот, кому позволяли прятаться под крышей от дождя. Но везло не всем, а небо под светлой луной всё поедало черную прозрачные звёзды.

– В нэогарской истории ведь тоже были случаи геноцида... они убивали собратьев только за не такой «особый механизм», за веру в превосходство другой природной силы... Печально, что этот опыт забыт. Чан отличный учитель; благодаря нему, я разбираюсь во всех науках, и нет на свете слов, способных выразить мою благодарность. Но его же уче-

ния всегда твердили – поступать по совести, защищать справедливость, бороться за свои идеалы. Не знаю, какое предательство хуже – его учений, или его самого, но людям нельзя оставаться в этом месте. Мы не обязаны быть рабами, мы не меньше нэогаров, имеем право на свободу! – кулаки Джаина со скрипом стиснулись, а зубы стукнули о зубы. Подняв красные от слёз глаза, раб молвил:– И мы им воспользуемся!

Небосвод заплакал, окропив сухую землю холодным дождём. В мире стали и тока воды не боялись, но даже нэогарам дожди были неприятны. Улица стала пустеть, также стремительно, как и темнеть.

Три года лицемерия, двуличия и подпольной жизни – таковой стала цена свободы. Из запаса вечности это не так уж много, но угроза быть пойманным и наказанным постоянно холодными железными пальцами сжимала шеи революционеров, и делала это по сей самый день. Но у Этого дня было большое отличие – его наметили последним под металлической пятой.

– Нашего картографа казнили, – озвучил Джаин, заняв своё место в скромном ответвлении рудника. Его окружение, ставшее вдохновением волны рвения к свободе – составило всего восемь человек, как раз собравшихся. Сидеть людям приходилось на выступах, выточенных в скале, а освещение поступало сквозь прорехи в потолке. – Его карты обнаружил хозяин, и счёл, что тот планирует сбежать. Нэогары пытали его, но он не выдал напарников. Никого не выдал...

– Но у нас ведь есть, кем его заменить? Кто-то же должен иметь копии карт и разбираться в навигации? – может кого-то новость о казне и задела, но точно не этого загоревшего от изнурительных работ раба.

– Да, но донести вести о замене некому. Другой картограф на самом юге Империи, и даже если выдвинется к границе с пустыней сейчас, вряд ли успеет... – Джаин скорбел, и раздумывал.

– Время ещё есть, я найду, как поскорей переправить его, – пообещал интеллигентной наружности человек, вероятно с плохим зрением, раз он так шурился. – Наши склады провизии с каждым днём всё заметней. Чего нельзя допустить, так это простоя, иначе запасы обнаружат, и отнимут.

– Нам через пустыню три дня переваливать! – излишне громко выкинул крепкий, но сутулый человек в белом халате. Это относило его к службе науке, и он явно боялся замараться. – Если не удастся определить знающего маршрут человека в первые ряды, мы что с едой, что с оружием, застрянем в песках, пока нас не настигнут нэогары. Возможно, нужно переждать...

– Нет, – вмешался Джаин, – Фолт прав. Хватит с нас ожиданий. Мы обещали людям свободу начиная с этой ночи, и нам нельзя подвести их.

– Нам и без еды обойтись нельзя, – смиренно напомнил интеллигент. – Если оружия в Евразии много, и нэогаров нет, что в принципе не факт...

– Факт! – вставил видом своим похожий на солдата раб. – Император объявил Евразию зоной отчуждения. Попытка там поселиться приравнивается к измене, и даже патрулирование с целью разведки давно прекращено. Ни разу никого так и не словили...

– Ну хорошо, – покорно кивнул человек без очков, – в любом случае, имея отрыв от преследования Империи меньше суток, мы не успеем ничего кроме как вооружиться с Евразийских складов. Провизия нам необходима, хотя бы пока первую волну нэогаров не отгоним от границ.

– Это тоже мудро, нам нельзя оставаться без припасов, – выдохнул негласный предводитель – Джаин. – Трудами продовольственного министра за пустыню вывезли все консервы, которые император счёл невкусными. К тому же, там остались поля и сады, но каков с них урожай мы не знаем... Нам необходима пища на первое время, а лучше и на второе, – с этим словом повстанец улыбнулся.

– Меня вскоре начнут искать, и снова избыют, если тут же не найдут, – человек из лаборатории, с квадратным лицом и выступавшими скулами, очевидно нервничал, и обоснованно. – Если больше обсуждать нечего, мне пора.

– Под контролем рабов находится всё, даже слишком многое, – с лёгкой улыбкой проронил Джаин. – Последние три года мы соблюдали осторожность, но сегодня можно раздвинуть грани допустимого. Переправьте хранителя карт на границу Империи дотемна. Пускай люди держат наготове ору-

жие, и защищают его, если придётся. До восхода луны осталось около шести часов, и мы должны успеть. Либо человечество отправится в Евразию этой ночью, либо никогда. Провал – недопустим, – Джаин научился говорить тихо, и вести себя как истинный, оберегающий каждого друг. Но временами он долженствовал становиться лидером, и пробил тот самый час.

Неизбежно, переждав эпоху тьмы – над Империей поднялось солнце, золотыми пальцами стуча в покои Вэнтэра. Владыка перевернулся на другой бок, избегая колкостей восхода, но не только его присутствие мешало спать. В дверь трижды стукнул настойчивый кулак, отняв вместе с мраком тишину.

– Император! – раздался голос генерала, окончательно разорвав связь имперских век. – Люди сбежали!

А это разорвало связь императора со сном. Властителя подбросило кверху, и он впился миг назад спавшими глазами в Кана.

– Что?! – словно раненный зверь взревел он. – Как?! Куда? – такого гнева на нём не было уже давно.

Заправляя верхние вещи в нижние и мучаясь с непослушным ремнём, растрёпанный тиран спеша раскрыл двери тронного зала.

– Мне плевать в Евразию или на Луну! Немедленно верни их! – резко развернувшись на подходе к столу заседаний, потребовал Вэнтэр. – Если сбежали ночью, далеко не ушли.

И Чана ко мне! Живо!

Кан забыл не то что кивнуть, а даже руки за спиной собрать. Он вылетел из тронного зала быстрее, чем слова вылетали из уст воеводы.

– Ох, зря они это, – тихим гневом молвил мальчишка, чуть не проткнув ногтями ладонь.

Когда на пороге раздался тихий шорох, успевший поправить тёмные волосы и мятую одежду Вэнтэр всадил взгляд в амбразуру, где тенью показался Чан.

– Вызывали, император? – прошелестел он, остерегаясь проходить дальше.

– Вызывал! – крикнул император, сделав лицо каменным. – Твои рабы нагло смылись из Империи! Как ты можешь это объяснить? – даже не в полном крике мальчуган был грозен, точно нэогар.

– Я... я не знаю, не понимаю... клянусь, это... они воспитаны безупречно! – Чан покрыл стыд мнимой уверенностью, но что это против гнева Вэнтэра... тем не менее, что-то в его лице переменялось.

– Первый разумный человек – Джаин, верно? Он остался в Империи? – подняв бровь, спросил бывший нэогар, не скрывая иронии.

– Нет, – качнул головой разработчик.

– Это его ты назначил ответственным за воспитание. Но его-то воспитывал ты. Кто из вас виновнее?

– Это не мог быть Джаин, я за ним хорошо следил! – на-

бравшись смелости, выдал профессор. Обижать самое ценное творение, самый главный дар, не позволит даже покорный технолог.

– Тем не менее, больше повернуть такое – некому. Он единственный раб, наделённый властью править другими рабами. Ты сам обучал его, сам вкладывал оружие из знаний в автономные руки. Вот он и вздумал поднять восстание, – разведя десницы, Вэнтэр откинулся на твёрдый трон.

– Простите, император. Это моя вина, – глядя прямо перед водителю в глаза, перестал сопротивляться разработчик.

– Да, твоя, – выпалил тиран, оторвавшись от спинки. – Но что сделано, то сделано, – добившись подчинения, размяк воевода. – Возврат рабов на их места, даже не обсуждается, как и наказание. Главным зачинщиком я считаю Джаина, его мы публично казним. Что до остальных... лишишь их бессмертия, – распорядился мальчишка, так просто, словно пожелал доброго дня.

– Что? – подобного тона не ожидал и сам Чан. – Казнь Джаина я понимаю, но к чему лишение бессмертия? Именно на нём держится выгода в рабах! – воскликнул разработчик, взмахнув кулаками.

– Да, и вместе с выгодой, на нём держится их опасность. Оставаясь без хозяина, они нередко устраивали беспорядки, отбиваясь от общества и формируя разбойные группы. Может хоть смерть напомнит им, что главенствуют здесь нэогары!

Многое мог бы ответить президент «научного единства», указать владыке на ошибки и глупости, но спорить с императором себе дороже.

– Я всё сделаю... – буркнул Чан, понимая, в чьих руках покоилось его будущее. Не скрывая недовольств, он покинул зал. Дверь за ним хлопнула, но Вэнтэр закрыл на это глаза. Одиноким, он вновь устроился на троне.

– Нечерта всяким жить без конца, – буркнул он, закрыв глаза. Его светлокожие пальцы стали массировать виски, и он добавил: – Пускай стареют, болеют и помирают. Больше бояться будут...

Страх всегда гнездится там, где есть жизнь. Страх за её потерю, за потерю близкого, за провал... страх за предательство, которого лишился император, но который дышал в затылок Джаину.

Колоссальная процессия, несравнимая ни с чем, кроме рабского побега – светлой от намотанных на головы тряпок волной захватила пустыню. Предводитель сказал, что важнее уберечь от солнца голову, остальная кожа если обгорит, сознание не отнимет. Вот многомиллионный муравейник из голых спин и укутанных голов плёлся через мириады дюн, под солнцем огромным, и жарким. Вялый марш разрозненных на гигантскую территорию людей почти что смыкал два берега пустыни- Перешейка, куда не редко заходили самые восточные беглецы, дабы хоть слегка охладиться. Среди дюн, утопая в жгущем песке – звавшиеся гордыми революционе-

ры теперь походили на муравьев, испечённых солнцем.

– Джаин, – после глотка противно-тёплой воды, окликнул повстанца один из его приближённых, тот, на ком что тогда, то и сейчас – был белый халат из имперских лабораторий, – тыл передаёт замеченных в паре километров нэогаров, – правый глаз человека был закрыт, левый щурился, а щетина нагоняла лишние годы. – Империя выслала не больше двух легионов, но они движутся не пешими, а на вездеходах. Не все конечно, около половины. Но часть нагонит нас уже к полудню, а вторая добьёт, если первых откинем. Пора вершить первый шаг. Как ты и говорил, придётся...

Джаин остановился, обернув покрытую тряпицей голову к беглецам. Увидевшие это остановились, а за ними остановились те, кто увидел их. Из-под зеленоватого хлопка торчали склонные завиваться волосы бунтаря, ставшего главным, и обжигающий бриз колыхал их.

– Кто слышит пусть слушает, а затем перескажет тем, кто не слышал, – крикнул Джаин, собрав внимание ждущих, блестящих глаз. – Мы знали, что просто уйти нам не позволят. Недолго осталось ждать, прежде чем преследование нэогаров ударит в наш тыл, – это и сказано было так, что печалило. – Но мы знали это, – тут проявилась бодрость, зажёгся лучик надежды. – Мы знали, что за свободу придётся платить. Не жарой и не потом, но отвагой и кровью. Пускай все, кто несут багаж – переходят дальше, и занимают позицию в новом тылу. Те, на ком вооружение, пускай раздают его, а

те, кто взял – выстраивают линию обороны. Мы остановимся здесь, и встретим нэогаров готовыми! Тем самым железом, из которого они ковали нам кандалы! Мы выстоим против них, и доберёмся до Евразии!

Джайн стал одним из немногих, кто не вскинул руку. Прочие взгромоздили над головой кулаки, и заревели все видимые глотки.

Переносчики продовольствий двинулись вперёд, подальше от нэогаров. Со всех направлений они стекали нагруженными рюкзаками струйками, как пот с их лиц. Они делились продовольствием с теми, кто будет биться, с кем-то в последний раз, а с кем-то в первый.

– Напомни мне, – попросил Герд у Джаина, с которым и познакомился бунтарь в лаборатории, и подружился, – что ты там говорил, когда люди боялись бежать? – судя по хитрому лицу, он всё отлично помнил. Но судя по улыбнувшемуся Джаину, ему не трудно было повторить.

– Смертей не избежать, и этот поступок – риск. Но ради того, чтобы смерть была не твоей, попробовать стоит, – предводитель хлопнул ворчливого учёного по плечу, и сам пустился в ряды рабов. Он направился к тому, кто раздавал оружие, а за ним и его скептический товарищ.

Едва ли бледный серпик луны выплыл на вечерний небосвод, как пробравший пол удар имперских кулаков обрушился на стол подле хрустального трона. Властитель стоял над ним полусогнувшись, с рыком испуская вздохи сквозь оスカ-

ленные зубы.

– Что значит отбились? – мрачным взором ударил Вэнтэр по Кану, чьи руки стиснулись за спиной. – Как голозадые рабы могли отбиться от наших сил и продвинуться дальше в пустыню? – владыка рухнул на хрустальный трон, и руки заёрзали по его лицу.

– Простите, мы отправили недостаточное войско, – пристыжено выдавил генерал. – Когда люди заметили надвигающийся с флангов флот, их основная часть двинулась в Еврозию, а отобранное меньшинство осталось держать натиск. Высадившиеся отряды менее чем за полчаса перебили всех брошенных, но львиная доля рабов сбежала, – Кану во всём чудилась его вина, хотя при сражении его даже не было.

– Что Джаин? – свинцовым взглядом нависли синие монаршие глаза.

– Его тело среди убитых не обнаружено.

– Хоть кого-то в плен захватили?

– Нет, – раздосадовался генерал. – Воины пытались, но рабы пускали пули во рты, лишь бы не возвращаться.

Вэнтэр надменно отвернулся, поднял брови и покачал головой, беззвучно ругаясь.

– У людей теперь уйма запасного времени, в Евразии они окажутся минимум на день раньше нас.

Там хранится предостаточно ресурсов, чтобы подготовить нашим силам достойную встречу, – мальчик на троне говорил монотонно, и смотрел в никуда. – Поздравляю, ты по-

дарил рабам шанс отнять у меня половину империи, – сухо пояснил властитель Кану, взглянув на него. – Готовь войска, все что есть. Собери и вооружи каждого, кто имеет опыт стрельбы. Завтра же чуть- Только солнце достанет до зенита – лично ты во главе всей армии отправишься в Евразию, и только попробуй вернуться без людей, – грозя пальцем, будто не всерьёз припугнул мальчишка.

– Да, император, – кивнул Кан, выдерживая строгую осанку. Покинув тронный зал, он расслабился, и руки его распались, вместе с горой на плечах.

Обнявшей холодный мир ночью, жители его – глаз не сомкнули. Беглецы от рабства к свободе прошагали её, гонимые полнеющей луной и мыслями об их железном хвосте. Но хвост потратил время не на бездумный бег, а на дисциплинированную подготовку преследования. Так и стало – разделённые на отряды, легионы и полушария, нэогары выступили со следующим полуднем, но куда уж им было тягаться с оторвавшимися на сутки людьми. Даже учитывая пятиминутные передышки, когда в журчащие животы попадала пища, повстанцев не выйдет догнать прежде, чем те войдут в Евразию.

– Хэй, Джаин, а там красиво? В Евразии? – К предводителю мало кто подходил. С тех пор, как они отбились от преследования, он стал мрачнее ночи. Но Герд, отхлебнувший остывшей воды, подойти осмелился. Халат его так пожелтел...

– Там свободно, а это ведь важней, – обернувшись, сквозь силу ответил повстанец. – Говорят, Витра красивее Сталии, но у границы ландшафт именно этого королевства.

– Сталия... гранитная царица. Я считаю, что красивее там, – имперский учёный говорил с Джаином ради помощи товарищу, но тот сквозь грусть кивал, и скупно улыбался. – Это был их выбор, Джаин. Наши собратья сами того хотели, без жертв на свободу не вырваться.

– Я это понимаю, – взглянув карамельными глазами в очи друга, ответил бунтарь. – И я в этом виноват.

С нового рассвета предводитель беглецов не выронил ни слова. Следующее, что огласили его уста:

– Империя здесь! – выдавил он, раздираемый бурей эмоций на границе Евразии. Собравшийся за спиной Джаина люд держал оружие наперевес, и готовился.

– Отстроить линию огня! – распорядился генерал холодных орд. – Напомним рабам, кто главней!

3 эпизод. Гроза

Не так уж много среди беглых рабов было дураков, из которых интеллект усердно выбивали. Но даже они понимали, что нет ничего ужаснее, чем подчинение тому, кто желает тебе зла. За хорошую жизнь необходимо платить, а когда жизни ужаснее не вообразить – заплатить можно и жизнью.

Людей встретил заброшенный, ветхий мирок, о котором император давно прекратил заботиться. Сталия, с которой начиналась территория Евразия, неспроста звалась гранит-

ной царицей. В здешних рудниках гранита было так много, что он встречался повсюду, и благодаря этому помещения Сталии оставались пригодными к жилью. Улицы её были широки, с просторными проспектами и гранитными памятниками, самые целые из которых Вэнтэр позволил оставить. Дома редко возвышались выше пяти этажей, и в отличие от Империи они стояли в строгом порядке, симметричные и чётко разграниченные на районы и города. Но ужасно пустые... нэогары не отводили мест растительности на своих улицах, но и не трогали древние леса, горы, озёра и реки – природу почитали. Тем не менее, на улочках Сталии, в трещинах меж плитами гранита и из-под недобросовестных фундаментов – проглядывали стройные древки, жухлая травка, а кое-где даже дикие цветы.

Сталия – цитадель «магнитного механизма» славилась покорением любых металлов, известных холодным умам. Совпадение или нет, но небо над этой страной почти всегда было свинцовым, даже когда непогоды не было. В преддверье лета блуждал ветерок, и судя по территории державы, дождь здесь не лил уже давно, но небо всё равно кишело тучами из свинца. Сегодня это казалось уместным, сегодня беглым рабам предстояло отстоять свою свободу. В противостоянии с нэогарами, под командованием именитого генерала Кана, не внушало уверенности даже присутствие Джайна в первых людских рядах.

Тёплый народ не обладал даже пародией на броню, и

здесь таилось нэогарское преимущество, ибо для них латы равнялись одежде. Как император сказал Кану: «Сталь и плоть должны сойтись как игла с пальцем, а когда это кожа могла погнуть металл?».

Генерал одну треть мобилизованных сил рассадил по внедорожникам, чьи крыши уместили на себе страшные пулемёты. Именно эта треть и прибыла к границе, на которой чёрным холодным клином держалась линия огня.

Это предвещали все, и никто не ошибся – вооружение рабов устарело, и в его исправности приходилось сомневаться. Джаин старался наделить каждого чем-то эффективным, но повезло всё же ни всем. Самые смелые, уверенные в себе и оружии люди образовали первый ряд авангарда рабов; их плечи плотно смыкались, но всё равно полоса воителей уединила два берега пустыни – восточный и западный. Менее успешно вооружённые, а так же сильнее взволнованные и трусливые – стояли второй линией, с тем же успехом смыкая берега; под их ногами песок перемешивался с галькой и землёй, а далее – на твёрдом граните Сталии, что вёл на сорок основных улиц страны – держались вообще не вооружённые рабы, чьи руки сжимали арматуры и ломы. Они выстроились вместительным прямоугольником, заполненным тёплыми сердцами. В зависимости от того, куда двинутся нэогары, основной запас людей сможет сместиться или разделиться, дабы те не прошли вглубь. На это, по крайней мере, надеялся Джаин.

Евразия никогда не была землёй людей, и никто, даже Джаин, прежде не видел её воочию. Но не было на свете другого места, где возможной представлялась жизнь без господ, а за это – люди готовы были лить кровь.

– Я видел тебя рядом с Чаном, – крикнул Джаину Кан, что подобно предводителю восстания стоял к границе с врагом ближе всех. – На параде в честь двухсотлетия со дня взятия Маггара; мы сидели далеко, но я видел тебя. А ты видел наш парад, и всю мощь Империи. Скажи, Джаин, ты веришь, что вы сможете устоять? – Кан никак не выделил этих слов, но всё равно вышло иронично. – Здесь собранно лишь начало того, что вас ожидает. У нас есть авиация и флот, дальнотбойное и ядерное оружие. Вам не выстоять, даже если сейчас спасётесь.

Кан смыкал длани за спиной только перед императором. Сейчас он был учтив, но неуважителен.

– Империя доверила нам все свои секреты, – в ответ крикнул повстанец. Глас нэогара сам по себе был громче, со слышимостью у Кана проблем не было, в отличие от Джаина. – Мы знаем, как остановить ваши злодеяния, и отказываемся жить по холодной указке!

– Тогда, не живите, – сумрачно изрёк генерал, и подал знак рукой. Знак, с которого всё началось...

Чёткие как пальцы одной кисти нэогарские солдаты двинулись в бой многотысячным клином, по границам которого расставили искрившиеся вспышками выстрелов джипы, а

внутри – пеших автоматчиков, бивших прицельно, и быстро. В ширину клин холодного войска был не более полсотни нэогаров, и это в самом широком его месте. Завидев, как люди растягивались меж берегами, Кан счёл полезным выстроиться именно так, дабы из огромного множества рабов в бою были полезны только центральные, но Джаин, очевидно, рассчитывал на это. С дальних позиций, куда стальные господа отказались обратить взор и удар – в самый нос острой колонны посыпались массированные залпы, а люд в тех направлениях склонился на колени, дабы проще было целить базуками, ракетницами, гранатомётами и даже простой, подчас самодельной взрывчаткой. Живая стена была тонка и напугана, но вступление в бой приподняло их дух – клин нэогаров нырнул в огонь, холодные глотки разорвались криками, клубни алого огня и серого дыма вскружились над внедорожниками, которым повезло не взмыть вверх. Удары разошлись не равномерно, но всё равно сильнее всего пострадал «клюв» движимого бронированными ногами «меча».

– Рассыпаться! – скомандовал Кан, когда огонь прекратил извергаться из взрывов. – Пробить их строй! Ударить по всем направлениям!

«Посмотрим, чего они добились, разорвав мою формацию», – насупившись, подумал генерал.

Группировками, построенными на разнице вооружения, нэогары разом задействовали весь военный потенциал: начиная пулями и заканчивая искрившимися культями, вы-

несенными из первого удара, бронированная стальная дружина разошлась как пасть змеи, из длинной колонны, расправившись во все направления, что вели к границе с Евразией. И пока строгий строй распадался на сотни отрядов, бежавших к «тёплой стене», в тыл её вливалась вторая треть войска, что преодолела знойный путь пешком. Сверху это выглядело, как русло чёрной стальной реки, что из одного озера, впадало в другое.

Возможности угнетённых рабов меркли рядом с нэогарским напором; всего, что люди могли, всей их самоотдачи – не хватало ни на уменьшение потерь, ни на сдерживание границ. Пуля, попавшая в глаз или шею, была способна не только навредить нэогару, но убить его; жаль, такая точность являлась редкостью, а остальные точки – подобными атаками не тронуть. У людей же всё было иначе: каждый выстрел неминуемо приносил боль, ослабляя и умертвляя бежавшие души.

Стоило холодной орде вступить в ближний бой, как впервые увидавшие смерть, и ощутившие весь ужас боли рабы – разделились на два вида. Одни, сжимая волю и ярость в кулак, отдавали за свободу всё и до последнего вздоха продолжали бить по врагам. Другие, задушенные страхом и отдавшиеся панике – бросали свои позиции, с красными от слёз глазами и отчаянными воплями из уст. Психика слабейших не выдерживала случившегося; они лишались рассудка...

На поле брани не место тишине, и воистину, битва человека с нэогаром была громка. Но всё чаще крики и стоны, кличи и проклятья заглушали лязг стали, что издавали тяжёлые доспехи сами по себе, а в придачу звоны пуль о броню, песни стальных дубин, которыми люди молотили о высокие головы с горящими глазами, и хрусты костей, и чваканье рвавшейся плоти, скрипы внедорожников, по разным причинам сошедших с маршрута и тех, что пробрались внутрь Евразии, чинили беспорядки внутри...

Человеческие души от того и казались более тёплыми, чем тела; люди не требовали биться до смерти. Пострадавших, сильно раненных или напуганных до грани сумасшествия отпускали в тыл, откуда лишённые мужества стоять к смерти лицом – поддерживали смельчаков самодельными гранатами и взрывчаткой. Но усилий, необходимых дабы заставить нэогаров прекратить таран – требовалось безгранично много. В распоряжении людей, не нашлось такой мощи.

– Джаин, что нам делать? – зажимая раненный глаз рукой, как можно громче крикнул человек, чьему посту повезло оказаться рядом с позицией предводителя. – Нас зажимают! Их больше и оружие у них мощней! – голосом полным болезненного страха, добавил он.

– Отступаем, но огонь не прекращать! – перекричав грохотавший неподалёку взрыв, скомандовал Джаин, добивая упавшего на песок врага. Его голос, в отличие от многих других, наполняла решимость. Не стоит думать, что ему вез-

ло больше остальных; волосы коричневого оттенка успешно маскировали рану у виска, вбирая в себя кровь.

Люди, услышавшие команду предводителя – исполнили приказ. Понемногу, они ретировались, и хоть вели нескончаемый огонь – армия Империи влезла в брошенную Евразию. Их отряды как саранча пробивались сквозь редевшую стену защитников, где со своими дубинами, кривыми шестами и острыми прутьями в дело вступало то, что Джаин именовал резервом.

Но чем глубже на улицы Сталии вторгались бронированные двухметровые рабовладельцы, тем выше становился темп отступления, ибо страх лишиться последнего человека в оборонительных рядах рос вместе с угрозой.

Для нэогаров, это стало неким приглашением в гости; криком о намерении проиграть. Воодушевившись преимуществом, холодные группы забыли о пощаде; закончились патроны – не беда, был автомат, которым можно расколошматить ещё с десятков голов. Рабу свезло вогнать свой прут промеж брони? Оторви ему руки, пока сам не отключился от гнетущих искорок внутри. Отвоевал дом, постройку, завод? Обрати их руинами и мусором, раскроши все кирпичи что сможешь, и пускай сгорит сам гранит.

Выход к перешейку, коридору меж полушариями – всегда принадлежал Сталии, но её территории простором уступали Витре. Бесконечный натиск живого железа вытолкнул оппозицию в западный регион Евразии, где тёплые души по-

встречались с Витрой, ныне такой же мёртвой, как её соседка. В этом месте здания были другие. Их было меньше, но они потрясали колоссальной высотой. На просторах обветренной Витры, где ветер завывал, как некогда выли «особые механизмы» – высились горы, и раскидывались дремучие леса. Именно зелёная растительность олицетворяла границы между двумя странами, когда ещё было что разделять. Города цитадели захватчика мира и с прочих сторон окутывали чащобы, густые и зелёные, как глаза Кана. Теперь, брошенные земли поросли ещё сильнее, и ветра с деревьями стало больше. Как и шансов у рабов отстоять свою свободу, отбросить захватчика и вырваться из железных тисков. Среди зарослей от прямых ударов было проще спрятаться, и пусть генерал империи бесчинствовал в Сталии, пусть спалил все прелестные гранитные постройки и растоптал их пепел, свежую древесину – он так просто не сожжёт. Сдвинув основное место сражения туда, где деревьев было больше, чем в Империи нэогаров – людям удалось подобрать удачные позиции и вести огонь под прикрытием.

– Прекращаем отступление! – укрытый зелёным от мха пригорком, скомандовал Джаин, и собратья его прекратили пятиться. – Отгоним их! Перебьём!

– Да нас истребят скорей, чем мы половину уложим! Как им противостоять?! – выкрикнул боец с отдалённой от Джаина позиции.

Ему требовалось отдать должное, он был смельчак и уме-

лец, раз по-прежнему жил и в голосе слышалось больше гнева, чем страха. Главный повстанец понимал, что долженствовал ответить чем-то вдохновляющим. Словив мимолётную идею он раскрыл уста, готовясь выдать речь... но тому, кто спросил, она более не была нужна. Позади него упал взрывной снаряд – настолько быстро превратившийся в яркую вспышку, что воин, должно быть, ничего не почувствовал, прежде, чем исчез.

Увидев расцветавший взрыв, на месте собрата, Джаин болезненно сжал зубы. Под его суровыми красными глазами – родились охрипшие слова, пробравшие весь лес:

– Больше не отступать! Ни шага с места! Бей нэогара!

У людей не было выбора, кроме как подчиняться. Они верили в Джаина, да и не боялись потерять ту жизнь, которая мучила их с самого создания. Всё, что их страшило – это потерять надежду на жизнь, которой они будут рады.

Тёплые солдаты выбрали позиции и стреляли. Стреляли последними патронами и до тех пор, пока их не убивали. Даже скрывшись за деревьями, которые время от времени падали – они не могли находиться в безопасности. Армия Империи сражалась хуже чудовищ. Не замечала ничего и попросту всё уничтожала. Охрипший Джаин, считая себя слишком бесполезным – выбежал из укрытия и, держа одной рукой автомат, а другой раненное, кровоточившее плечо – последним запасом патронов открыл огонь. Он яростно кричал и, целясь в подкрепление Империи, не отпускал ку-

рок.

Решив уgomонить лёгкую добычу, один из нэогаров прошёл сквозь всю череду выстрелов бунтаря и, пожертвовав новым мундиром – кулаком нацелился на голову, что так долго обучал Чан.

Испуганно взирая на летевший удар, Джаин ещё сильнее пожалел о своём поступке, об этом мнимом спасении людей из рабства. Он принял такой исход, решил расплатиться за самонадеянность... как залпом из ракетницы собрата, нэогара пожрал огненный раскат. Прогрепевший взрыв и Джаина отбросил. Разодрав о корнистую землю спину, главный бунтарь остановился; это, несомненно, лучше обезглавливания массивным кулаком, но приятного крайне мало. Главарь восставших, из последних сил держа оружие, начал подниматься, сжимая остатки воли вместе с челюстью. Бунтарь приготовился уже ко всему, но только не к до боли знакомому голосу Кана, что раздался прямо пред встававшим пареньком.

– Как личностью, я восхищаюсь тобой, – держа руки за спиной, молвил генерал.

Джаин, наконец его заметив, испуганно схватил автомат и зажал курок, направив дуло в Кана. Но последний патрон отскочил от нэогарской брони, и генерал добавил:

– Но знай, ты полный дурак! – после чего ногой выбил оружие из рук врага. Удар нэогара сильно повредил локоть революционера; Джаин снова упал на землю, ослеплённый болью. – Рабы загнаны в угол! Пора их возвращать! – из-

рѣк нѳгар, всего парой слов обрекая людей на проигрыш.

Бессердечная, безэмоциональная, бесстрашная Империя сменила огонь на оковы. Людей, едва ощутивших вкус свободы, только свыкшихся с тем, что они более не рабы – что бы те ни делали, как бы ни защищались – отлавливали и вволакивали в клетки, подоспевшие вместе с последней третью войска. Массивные, высокие восьмиколесные грузовики каскадом из более чем сотен единиц застыли с горящими из кабин глазами водителей, что получив сигнал о заполнении «багажом» клеток – разворачивались и мчали обратно, откуда явились – в клятую Империю. Нѳгары прекратили всякий огонь, всякую атаку и убийства. Любой ценой и самой страшной жертвой – они обезоруживали и отлавливали рабов, что бежали от холодных господ как звери от огня.

Джаин, распростѳртый у ног Кана, с ужасом за этим наблюдал. Его сердце обливалось кипящей кровью сожаления, и вины. Как можно громче, он что было мочи крикнул:

– Нет! Не смейте! Оставьте их! Люди – спасайтесь! Убегайте-е-е... – сморщив веки над намокшими глазами, выплеснул Джаин, утихая под конец.

– Радуйся, что императору ты нужен живым.

Последнее, что запомнилось первейшему рабу – глухой удар по голове тяжѳлой стальной подошвой.

Снова открыв глаза – а для этого потребовалось не мало усилий, первый самостоятельный человек увидел ночь. Мрак на всѳм материке встретил революционера сквозь прущ-

тъя небольшой клетки, где вместе с Джаином пребывали ещё пятеро израненных людей, безжизненно глядевших в пол. Несколько подобных клеток держались на грузовиках, что освещали ночной материк фарами. Но и без их помощи понятно было – людей на фронте не осталось. Их либо убили и в слабом свете виднелись трупы, либо пленили и волокли в Империю.

Клетка с главным бунтарём ничем не отличалась от любой другой. Но именно к ней подошёл генерал Кан. Увидев на себе лишь один взгляд, он спросил у Джаина, спокойно, без любых эмоций:

– Скажи, оно того стоило? Вы ведь знали, что проиграете эту битву. К чему подобная глупость?

– Даже тень надежды на избавление от рабства, того стоила, – подползая к краю клетки, схватил Джаин прутья руками. Несмотря на свой проигрыш и положение пленника, он смотрел прямо генералу в глаза, а его голос источал гнев.

– Ты сильный воин. Ты поднял восстание пяти миллионов рабов, и не струсил, когда проиграл. Ты достоин уважения, – убирая руки за спину, невзначай закончил Кан, отступая от клетки.

Услышав это, Джаин отвернулся. Он рухнул обратно в свой угол и, опустив голову, заплакал. Его глаза пролили на кулаки слёзы, но его челюсти – сжались с такой силой, что зубы чуть не треснули.

– Увозите последнюю партию. Мы здесь закончим, – командовал Кан водителям, что безоговорочно отправились в остывшую пустыню.

Клетка с Джаином быстро отделилась от Евразии. Но как бы водитель не старался умчаться от разоренных сражением земель, бунтарь всё ещё мог их видеть. Он не в силах был разглядеть как Кан, в полной тишине, под мрачным небом, лишённым яркости звёзд – махнул рукой. Зато он отчётливо увидел невероятный взрыв, заставивший ночь на мгновение стать днём. Мощь этого взрыва не подчинялась рамкам фантазии; огромный огненный гриб высотой до самого неба расцвёл в сердце Евразии, пробудив на просторах мусорных земель ударную волну, что сравняла с почвой любой объект, посмевавшийся быть выше муравья. Бурливший напор раскалённых ветров вдарил и по Кану, доведя его броню до сотни градусов. Но он даже не сдвинулся с места. Его руки по-прежнему сжимались за спиной.

Пока громогласный взрыв утихал, обращая надежду на свободу в пыль – Джаин, прекрасно это видевший, замер на месте. Его пустое лицо, больше не изменилось.

Помимо внешности, в императоре осталось ещё кое-что истинно детское – нетерпение. Ждать положенного срока для него было худшим наказанием. Связь с генералом отправленных на задание войск поддерживал штаб разведки, но Вэнтэр знал сроки задержки донесения новостей. Хоть прошло уже семь дней с начала операции, и первые партии

захваченных рабов прибыли в Империю с рассветом, ни слуха о генерале с Джаином не явилось. Смирившись с затишьем, властитель утешался отчётами.

– Простите, я вас не отвлеку? – робко спросил Чан, открыв дверь в тронный зал.

– Смотря с какой целью пришёл, – негостеприимно ответил владыка.

– Я разработал инъекцию смертности для людей. Пришёл только уточнить, уверены ли вы, что это необходимо?

Император устало выдохнул, опрокинув голову прежде, чем откинуться на трон.

– Рабов следует наказать. Бессмертными, они, конечно, будут желать свободы, но стоит им увидеть смерть, как мысли будут заняты её оттягиванием, – холодно изрёк тиран.

Чан понурено покачал головой, не решившись заводить спор.

– Если Джаина схватили живым... – проронил учёный.

– Расстрелять его на глазах каждого прихвостня! – перебил профессора гневный крик мальчугана.

– Понял, – сухо ответил Чан. Его резкий разворот и грубое обращение с дверью, сполна отобразили недовольство.

С той стороны роскошного кабинета, он отступил лишь пару шагов от сомкнутых дверей, прежде, чем выкрикнул:

– Чёрт бы тебя побрал! С какой лёгкостью ты портишь мои лучшие творения! – не сбавляя шаг, выдал профессор. – Созданное мною безупречное тело, не знающее старости и

смерти – запачкано твоей наглостью и самолюбием! Мой лучший опыт и самый выдающийся ученик; единственный, кто наконец воспротивился тебе, и его ты убить собрался! – Ударив кулаком стену, и породив сеть расколов над началом ступенек, ученый замер на месте. – Даже, если я пред тобой бессилен, когда-нибудь, ты познаешь ужас подчинения! – сквозь гневное отчаяние выдавил Чан, после чего, резко зашагав, скрылся среди ступеней.

Стоя у дверей тронного зала, это лицезрел Кан. Как давно он ожидал, знал только он, но его мрачный взгляд говорил о давности наблюдений.

Вэнтэр, едва завидев ближайшего помощника – блеснул высокомерной улыбкой.

– У тебя ведь хорошие вести?! – нетерпелив был его голос.

– Да, Джаин доставлен в темницы дворца живым.

– Отлично! – хлопнул мальчишка ладонями. – Начни приготовления к его казни.

– Не желаете услышать доклад, о проведённом сражении? – властитель насторожился.

– В нём есть что-то важнее моего приказа? – с сомнением прозвучало недовольство.

– Люди, несмотря ни на что, уничтожили пятьдесят тысяч нэогаров нашей армии. Это поразительно, учитывая пропасть между нашими возможностями. Но более всех поразителен Джаин, – озвучил Кан. Император, услышав это, левой рукой шлёпнул свой лоб, устало растирая лицо. – Он, про-

стой человек, но смог увести из-под нашего носа пять миллионов людей, провести их через пустыню, и воодушевить на сражение с имперским войском, – едва закончил Кан, как вставил император:

– Он не был простым человеком тогда, и не является им сейчас. Багаж его знаний может соперничать с Чаном, а наглость, нужная для восстания против меня – будет наказана. Люди ответят за свои ошибки, но только Джаин расплатится за каждого, кого увёл за собой.

– Во время битвы, погибло полтора миллиона человек. В Империи пребывают чуть меньше трёх с половиной миллионов, и каждый из них, до сих пор верит в Джаина. Он сплотил их – стал их лидером. Его смерть может вызвать необратимые последствия, – махнув рукой, остерёг генерал.

– Какие последствия? – усмехнулся покоритель. – Они достаточно умны, чтоб понимать – любое их восстание будет подавлено. Что они могут?

– Восстание – лучшее, на что они способны. В принципе, им нечего терять. Что им стоит отказаться работать, позволяя делать с собой всё что угодно, вплоть до убийства?

– Создадим новых рабов. Какие проблемы?

– И эта история, будет повторяться до конца времён.

– Ладно, чёрт вас всех дерит. Что ты предлагаешь? – положив подбородок на скрещенные пальцы, поинтересовался Вэнтэр.

– Оставить Джаина в живых. Пусть люди верят в вашу ми-

лость и избегают гнева. Мы покажем всему свету, что Джэин остался на службе в замке. Благодаря этому, люди последуют его примеру и благополучно продолжают трудиться, – рассудительно пояснил генерал.

– Хм, почти гениально, – осклабился мальчишка. – Хорошо, главный бунтарь останется в живых. Но он, как и все – лишится бессмертия.

– Наказание неизбежно, – расслабленно согласился полководец.

– С официальной причиной разобрались, – устраиваясь на троне, невзначай молвил владыка. – Теперь, я хочу узнать твой истинный мотив, – сменив лицо на дружелюбное, молвил император.

– Это так очевидно? – смущённо отвернулся Кан. – Джэин, настолько поразил меня своей самоотдачей, негибаемостью воли, что я бы предпочёл казнить хоть всех рабов – взамен его. Я считаю верхом несправедливости, казнь такого выдающегося человека, – с некой грустью, пояснил нэогар.

– Скажу тебе честно: если бы не ты, уже завтра самонадеянный революционер до отвала наелся бы пуль. Но я предпочитаю прислушиваться к мнению моих приближённых, даже если речь о личных принципах, – с едва заметной улыбкой, перестал спорить Вэнтэр.

– Спасибо, император, – благоговейно склонил генерал голову. Вэнтэр ответил небрежным кивком...

Властитель всегда был суровым, всегда принимал всё как должное, а когда желаемого не получал – пускался во все пути кары. В подданных его, где-то на глубине их мечтаний жила надежда, что став человеком, тёплым и бессмертным, вечно молодым и властным, он изменится, но нет, это не соответствовало правилам Вэнтэра. Как и не в правилах Чана было тянуть время, особенно с поручениями тирана.

Профессор приступил к исполнению приговора возвращенных рабов на следующий же день. Хоть вместе с главой «научного единства» в этом участвовал весь его штат, активнее всех помогал Джаин. Стыд за провал он пытался хоть как-то перекрыть, безболезненно отбирая у людей вечную жизнь. Только он вводил укол с заветной смертью аккуратно и по всем правилам; остальные – не церемонились.

Основную массу рабов подлечили, одели в целую одежду, но возвращать хозяевам не спешили; кто-то ожидал укол со «старостью», чьего-то хозяина пока не нашли, от кого-то отказались – вот толпы людей и ютились в тюрьмах, ненужных заводах под строгой охраной, или наспех установленных центрах, для особо требовательных учёных федерации Чана. Добравшись до одной из таких, Джаин, державшийся от Чана на дистанции и, по мере возможности сохранявший молчание, наконец приблизился к невысокому нэогару в белом халате и с контрастным узором на лице. Он поднял с подноса заготовленный шприц, и введя тонкую иглу близ ключицы, робко молвил:

– Сколько, мы теперь будем жить? – собрат дёрнулся, но зелёный раствор весь утоп в его теле.

– У вас около восьмидесяти лет, – безынтересно ответил учёный. – Хотя, всё это очень условно... – обернулись коралловые очи к карим радужкам первого раба.

– Восемьдесят лет, – это прозвучало неожиданно обречённо. – Пыль, рядом с бессмертием...

– Ты ведь помнишь, кто до этого довёл, – коралловые точки взглянули Джаину в самую душу. – Император живёт уже очень долго, но он так и остался ребёнком. Не стоит противиться его воле... – вводя новый укол, прогундосил разработчик.

– Это я уже понял... – вздыхая, согласился паренёк со слабой улыбкой. – Хотя, уверен, на моём месте, любой поступил бы также. – Новая шея в бинтах и кровавых потёках, новый укол в её основание.

– Ошибаешься, – снисходительно произнёс учёный. – На такое способен только ты. Ты уникален, ты единственный, кто сумел бы сие организовать. В какой-то мере, я горд твоим поступком, – улыбнувшись, выдал Чан, игнорируя всех людей и нэогаров поблизости, чьё внимание неизбежно сместилось к нему.

Джаин стеснённо ухмыльнулся, отвернувшись от взгляда наставника, и всех прочих.

– Я так стыжусь того, что натворил, – когда лишние уши отвлеклись, признался повстанец. – Мне так неловко, что я

не пришёл к вам за советом. Вина за поступки, что я не совершил – душит сильнее, чем те, что уже не исправить. Было бы проще, если бы меня всё же казнили...

– И думать такого не смей! – воскликнул Чан, на миг рассердившись. – Каждому свойственны ошибки, без них процесс обучения невозможен. Если бы казнили за любую повинность, кто бы остался в живых? Я не скрываю, что бессилен перед намерениями императора, но ему повезло, что Кану хватило ума понять твою значимость. Иначе, императору бы не понравился итог...

Чан подобрал хорошие слова; он не дал Джаину лишиться веры в самого себя. Но смыть с сердца паренька вину, технолог так и не сумел... не сумел ничего поделаться и с продвижением волны смертности, что неминуемо захлестнула Империю. Но даже с этим, с проклятием старости и скоротечностью дней – рабов постепенно разобрали либо старые, либо новые хозяева.

К свободе и безграничным просторам за окном привыкнуть было просто, особенно если всю жизнь звался рабом, и даже в окно редко выглядывал. Но вот, снова пришлось привыкать прислуживать. Снова видеть лишь круглую стену за миниатюрным окном, снова просиживать в маленькой комнатке, на отшибе первого этаже дворца самого ненавистного человека. В этом Джаину повезло меньше остальных; только он примерил роль освободителя, как получил славу зачинщика смертности своего народа. Под грузом этих мыслей, за-

пертый в скромной комнатухе – Джаин опечаленным, размеренным голосом, завёл сам с собой разговор:

– Как же я надеялся, что больше не увижу эту унылую картину, – разглядывая часть имперского парка и древнюю, но крепкую стену, пригорюнился он.

Небо над империей хмурилось, и унывало; дождь ещё не начался, но тучи наполнились им.

– Чёртов генерал Кан, как ему оружия хватило, на такой силы взрыв? – Джаин сгрёб руками покрывало со своей кровати, не заметив этого за горячностью гнева. – Он разом перечеркнул мою дальновидность; теперь, даже та горсть людей, которую я старался защитить на случай провала, наверняка погибла...

Тишину тронула капля дождя, разбившаяся об окно. За ней, резкими стуками раздались другие капли; на улице разразилась настоящая, весенняя гроза. Трезубцы молнии и бой небесной наковальни навеяли безжизненному Джаину ту пару случаев, когда его жизнь была в опасности, но ему помогли. Его спасали собратья во время сражения, создатель на протяжении жизни, даже Кан, отстоявший отмену расстрела. С ним делились водой, которой оставалось мало; его кормили лучшей едой, от которой он старался отказаться; его уважал каждый, кого он подставил или убил – своим стремлением к свободе. – Нет поражения хуже, чем слабость. Шанс есть, пока ты не сдался!

Джаин поднялся с кровати, на которой когда-то отсыпался

сам Вэнтэр, и подступил к истекавшему водой окну. Сквозь спавшие на глаза волосы, сквозь дождь и стену, Империю и пустыню, он взглянул в самую Евразию, после чего выпрямился, и объявил:

– Я не сдамся. И не проиграю.

Меж двумя полушариями, да что уж там... они стали двумя отдельными мирами, и каждый континент был сам за себя – пролегал перешеек знойный и длинный; три дня пути он брал данью за то, что бы с Евразии перекочевать в Империю, и наоборот. Но даже ему не удалось разлучить Евразию с дождём. С весенней грозой, такой же, как в Империи. Далёкая от неё, внушавшая спасение под своим кровом земля Витры и Сталии, от границы с пустыней, до самого противоположного берега – обратилась в руины. Все труды людей, что они успели сюда вложить – стёрлись. Только ставшая вновь обитаемой, облагороженная Евразия, теперь походила на пустырь из камней, палок, брусьев, и трупов. Не стояло ни одно здание – всё лежало.

На первый взгляд среди развалившихся пустошей, от людей остались лишь тела, умершие молодыми. Но среди обломков зданий, а точнее на цокольном этаже завода, укрытого под столкнувшимися над ним многоэтажками, вокруг едва горевшего костра – теплились выжившие. Удивителен был сам факт того, что там остались живые люди, но сказать, что они жили, увы, было неверно. На них по-прежнему остались следы крови и мелкие, не успевшие зажить раны.

Как посуду они использовали консервные банки, как столовые приборы – руки. Пища их была скудна: запасы однообразных консервов, да спасенные в бункерах по поле Джаина сдобные ковриги. Пожелтевшими без ухода зубами, выжившие жевали зачерствевшее тесто, сидя вокруг тухшего костра. К небогатому ужину двенадцати выживших подоспели ещё шестеро, мокрые и сопливые. Без тепла, в сырости и разрухе, они все были простужены, и угнетены.

– Никаких других выживших, – огласил тот, кому повезло дышать. Хотя, везение ли это...

– И что куда хуже, никаких хранилищ с едой! В этих развалинах хрен разберёшься, – пнув камень под ногой, выругался другой член отряда, с колючей бородищей и дурным нравом.

Герд тяжело вздохнул, брошенный Джаином и удачей в этой дыре, но не брошенный жизнью. Он наконец отказался от белого халата, а его квадратное лицо поросло щетиной.

– Бросайте свои карты в костёр, всё остальное мы уже сожгли. В них всё равно нет проку, – как ни странно, упасённого от рабства человека послушались, и огонь хоть слегка разошёлся. – Вот слушай потом сказочки о свободной жизни, – подставил он руку под щёку. – Сидел бы себе в лаборатории, обедал, спал в тепле. Если вот это Джаинова свобода, – развёл Герд руками, – я лучше буду рабом.

– Джаин укрыл тебя, да так старательно, что во всей резервации выжил только ты, – тихо произнёс коллега по несча-

стью. – Мы- То спасались сами, но зачем ему спасать тебя?
И те полсотни умерших...

– У повстанца был некий план, ныне бесполезный, конечно же. Как- Нибудь, я вам расскажу...

4 эпизод. Гегар

Победа. Очередная победа, одержанная императором в этот раз над уступавшими во всём рабами – полностью изменила положение дел в Империи. За последние четыре года, минувшие с поры его триумфа – нэогары закрепились на руководящих, почётных постах, тогда как людям – досталась вся грязная работа. Не осталось ни одного охранника, солдата, рабочего, строителя или сборщика нэогаров, которым бы не являлся человек. За такие льготы хозяин-нэогар обязывался обеспечивать своего раба, или же рабов, всем первостепенно важным. Убить, покалечить или оставить человека без крова – запрещал закон. Уменьшение численности людей вредило производительности Империи; об их надлежащем состоянии переживал лично император. Хоть это, слегка облегчало людскую жизнь.

Виновник рабских бед, а также самый влиятельный человек планеты – безмятежно просиживал в тронном зале. Внешне он ничуть не изменился; на вид ему по-прежнему было около шестнадцати. Под грузом стандартного для властителя разбора документов – его лицо хранило холодное спокойствие.

Скучную тишину на последнем этаже дворца прервал

звук разошедшихся дверей, за которыми показался Кан. Вэнтэр, воспользовавшись моментом, откинулся на спинку трона. Вдохнув свежий ночной воздух, император закрыл уставшие глаза.

– Вы меня вызывали? – учтиво спросил генерал.

– Да, – складывая руки за головой, раскрыл мальчишка веки. – Тебе не кажется, что последнее время в Империи скучно? Любые дела упираются в разбор бумаг. Я вовсе не отказываюсь от своей работы... просто считаю, что давно не расслаблялся.

Вэнтэр прервался на паузу, решив увидеть реакцию генерала. Ничего кроме заинтересованного молчания, он не лицезрел.

– Я уже давно об этом думаю, и решил, что Империи нужны развлечения, – изогнулись уста тирана. – Как тебе идея возвести на восточном полуострове арену «Бойсдракс»: особый лагерь, на чьей территории разместятся ринг для сражений, и тысячи мест для зрителей? – а главное, для Вэнтэра.

– Но... вы сами запретили такого рода лагеря, признав их слишком расточительными, – слегка растерявшись, припомнил генерал.

– Это было во времена великих войн, когда на счету был каждый нэогар. Сейчас, ситуация иная.

– Если строить арену – придётся готовить участников схваток. Но кто в наши времена добровольно пойдёт на бойню? – более решительно оспорил Кан.

– С тех пор, как человеческая раса заменила наш низший слой, некоторые нэогары остались безработными, и не имеют возможности приобрести раба. Таких случаев мало, из-за них нет смысла рушить систему, но именно их можно подтолкнуть к подобного рода заработку, – пояснил Вэнтэр. – К тому же, таким образом, можно решать нэогарские конфликты, если приговор суда противников не устроит. Арену «Бойсдракс» можно применять как устрашение для нэогаров, преступивших закон. Только посмотри, насколько это удачная идея, – гордясь своей находчивостью, закончил мальчик.

– Если вы уверены в этом решении, я не смею спорить, – приклонив голову, смиренно согласился нэогар. – Но для возведения подобного проекта необходимы огромные вложения и рабочая сила. Вы ведь это осознаёте?

– Спрашиваешь, – с одолжением ответил властитель. – С этим, у нас проблем нет. Я вызову тебя, когда улажу бюрократию, – генерал сильнейшей армии и сам не заметил, как обратился помощником.

– Да, император, – кивнул Кан, и распустив руки, покинул зал. Император, надменно улыбнулся.

Несмотря на горделивость, он выглядел слишком довольным, для злобного тирана. И слишком бодрствующим для подростка, пусть и прожившего больше пяти сотен лет. Воевода частенько плевал на ночной сон, а потом ругал Чана за гнусные синяки под глазами своего тела. «Вам нужно меньше усердствовать» – советовал ему профессор. «Нужно де-

лать тела покрепче!»— отвечал государь.

Но и после этого, заведующий дворцовой лабораторией не сильней щадил других людей, что служили под его началом.

Джаин, к примеру, в этот самый час, по-прежнему трудился, нигде кроме «Грааля науки». За ускользнувшие четыре года он изменился довольно сильно, особенно рядом с неизменным Вэнтэром. Лицо первейшего раба осунулось, каштановые волосы поредели и более не блестели, под впавшими очами прописались мешки; на щеках и подбородке укрепилась трёхдневная небритость, внешне прибавлявшая великому бунтарю пару лишних годов. Форма одежды осталась неброской, под белым халатом, подобным тому, что всегда носил Чан.

Забывая следить за временем, Джаин так и проработал почти до часу ночи. Наконец подняв глаза, он сомкнул веки, расслабленно потянувшись. Закончив краткую передышку — первейший раб заметил, что в лаборатории не осталось ни одного сотрудника, кроме него и Чана, возившегося в дальнем углу цеха с непонятной установкой. Все остальные места — давно опустели.

Прикрывая рукой зевающий рот, Джаин встал со стула и, снимая рабочий халат, крикнул Чану:

— Я не успел всё закончить. Если позволите, продолжу завтра... вернее, уже сегодня, просто спустя пару часов. — Сна вождедел даже его голос.

— Понадеемся, что спустя пару часов — всё это, уже окон-

чится, – тихо ответил Чан. Повернувшись в сторону своего подопечного, учёный не спеша зашагал к нему. С серьёзным лицом, он приглушённо изрёк:– Сегодня ведь, тот самый день?

Опустив глаза, Джаин скованно выдавил:

– Да, по моему графику – сегодня.

– Вот и хорошо. Именно этого дня, людской народ так долго дожидался...– сблизившись с человеком, безрадостно произнёс разработчик.

– Вы слишком сильно рискуете. Прошу, отправьтесь в Евразию вместе с нами! – стараясь не кричать, довольно громко воскликнул Джаин, смотря Чану в самые глаза. – В Евразии вас с радостью примут, но если вы останетесь здесь – нэогары быстро поймут, кто помог нам снова сбежать.

– За меня не волнуйся, в Империи я не пропаду. Каждый живущий на этом свете человек, словно часть меня, ведь вы – мои драгоценные творения. Я больше не могу смотреть, как вы стареете и умираете, под гнётом рабства, – дрожащим голосом, промолвил Чан. – Ты и представить не можешь, как сильно я хочу отправиться с тобой. Но ты настолько мне важен, что я не смогу перенести твоей смерти, если придётся увидеть её. Именно поэтому, я останусь в Империи, и позабочусь о Вэнтэре. В этот раз, именно я его вразумлю. А все вы, должны жить свободно и счастливо, ведь именно счастье – смысл любой жизни! – воодушевившись, закончил Чан. На его металлическом чёрно-белом лице проявилась улыбка –

слабая, зато искренняя.

– Вы, – шмыгнув носом, буркнул бунтарь, чьи глаза мгновенно покраснели, – вы самый великий нэогар! Ваша мудрость породила новую расу, и она же её спасла! Я до конца своих дней, буду чтить вас, – почти заплавав, пообещал Джаин.

Слабая улыбка на чёрно- Белом лице стала чуть ярче. Чан приобнял дорогого его душе ученика, покрывая грядущую пустоту теплом временной близости. Но краем своего вечно прищуренного глаза, учёный заметил у приоткрытых дверей лаборатории нечто неуловимо промелькнувшее: быструю, пустую тень. Это заняло всего мгновение, и несомненно насторожило профессора; переведя взгляд на вытиравшего глаза Джаина, он мягко произнёс:

– Уже поздно, тебе стоит отправиться в свою комнату. Когда всё начнётся, лучше быть наготове.

– Да, вы правы, – отступив от профессора, направился бунтарь к выходу. Уже у самых дверей, он кинул на Чана последний взор – глазами полными слёз, и сжато добавил:– Берегите себя! – после чего поспешил уйти.

Чан же, рухнул в стоявшее за его спиной кресло, накинул ногу на ногу и, рассмеявшись, приподнял голову вверх. Уткнувшись в потолок лаборатории, он сквозь широкую улыбку, язвительно молвил:

– Интересно, что Вэнтэр теперь будет делать?

Прогулявшись по длинному, мрачному коридору – Джаин вошёл в свою комнату. Включив свет, он лениво дошёл до кровати и, рухнув на неё – тяжело вздохнул. Оставаясь в тишине, он объявил бой сну, что так желал затмить его разум. Ни слова больше он не произнёс; первейший раб лежал с открытыми глазами, чего-то выжидая. Изредка зевая и частенько поглядывая на часы, висевшие над окном – бунтарь не оставлял надежд. Но стрелки перевалили вначале за два часа ночи, затем за три... даже в настолько поздний час, Джаин не уснул. Он так и продолжил лежать, держа руку под ухом и томно смотря по сторонам. Увидев, что стрелки вот-вот коснутся циферки «4», революционер засмеялся. Мирный смех быстро перерос в громкий хохот, и Джаин стал лениво подниматься.

– Какой же я дурак, – сквозь смех выдавил бунтарь, присев на край кровати. Поборов признаки истерики, Джаин подковылял к окну и, открыв его – залез на подоконник. Он свесил ноги с внешней стороны дворца; покачиваясь на прохладном ветру, человек устремил взгляд в небо, где уже давно весела полная, яркая луна. – Даже не знаю, есть ли кто на свете, глупее меня? Я четыре года строил какие-то графики, составлял схемы и чертежи; раз в неделю отправлял в Евразию воздушные посылки с инструкциями, поправками и нужными материалами, рискуя при этом и Чаном и самим собой, а для чего... похоже – просто так. Столько рисков и трудов, надежд и желаний спасти людей, ради очередного провала... –

заполняя обратно в свою комнату, повстанец прикрыл окно. В прежнем одиночестве, он решил унять уныние:— Хотя, это ведь к лучшему; теперь, Чану не придётся отвечать за наши глупости, — но даже эта мысль, не подняла ему настроение. В таком же отчаянии, он снова сел на кровать, и упав головой на подушку — хрипящим голосом вымолвил:

— Надежда всегда умирает последней, но даже она — мертва.

Всевластный император, по сей час сидевший в тронном зале, зевнув — перевёл взгляд на часы. Увидев, что в силу вступил четвёртый час утра, он на выдохе произнёс:

— Завтра закончу. Подождёт арена лишний день... — эти слова разлучили его с хрустальным тронном, уставшая рука погасила ночник на столе, и затёкшие ноги потопали к дверям. В самом изысканном коридоре главного замка Империи было восемь дверей, последняя из которых, вела в личную спальню властителя. В её умиротворяющей обстановке он скинул роскошные одеяния — мечту любого другого человека, облачился в пижаму — белоснежную бархатную рубашку с замысловатым голубым узором и такие же мягкие штаны, при этом самому себе сказав:

— Выплюсь, и разберусь с «Бойсдракс», — словно кроме этой, причин вставать не предвиделось.

Под тёплым тёмно-красным одеялом, без огней последнего светильника — воевода повернулся на правый бок, спиной к выходу на балкон. Уставший император быстро ощу-

тил объятья мира дремоты; глубокая усталость и уютная кровать – всё, что нужно человеку для стремительного сна.

Тишина, покой, мрак ночного неба – билет в первый ряд тура сновидений. И владыка занял заветный вагончик, когда громыхнул мощный взрыв – неприятным рёвом выбив мальчишку из сна. Не только неожиданный взрывной толчок, но и яркая оранжевая вспышка за окном – донесли весть о восплававшем поблизости пожаре.

Треск и гул взрывного очага заставили Вэнтэра скинуть с себя одеяло и, забыв о тапочках – побежать к окну. Буквально выбив дверь на балкон – император крепко схватился за невысокие перила, чуть не перекинувшись вниз. В разных точках Империи, но довольно близко к замку – он увидел внушительные кратеры, не лишённые горячих языков. Один из их семейства – уничтожил ворота внешней крепостной стены, оставив на её месте лишь запечённые руины.

В голове Вэнтэра промелькнула мысль, что было бы неплохо, если б пострадали только стены дворца. Но остальными мишенями предстали фабрики и заводы, на которых трудились люди.

– Это ещё что за...?! – в яростном удивлении, гневно рассматривая пылающие места – воскликнул император. Его глаза забегали меж тусклых очагов, отблёскивая недовольством. Но когда взгляд оказался на линии горизонта, известный каждому тиран – замер на месте. Шок – заметный на всём его лице – моментально сменил удивление, а безжиз-

ненно приоткрытый рот, даже не пытался издавать звуки. Вэнтэр врос в свой балкон, не сводя изумленных глаз со слабо освещённой лунной дали.

В покои мальчишки вбежал Кан, с порога крикнув:

– Император, вы должны проследовать в укрытие! – голос генерала переполняла тревога, что он пытался спрятать под криком.

– Это мой сон? – сам у себя спросил владыка, прибывая в глубоком шоке.

– Император, медлить нельзя! – снова окликнул его Кан, подбегая к Вэнтэру. Но забежав на балкон, генерал и сам увидел, как примерно в километре от Империи – огромная, невероятно гигантская, колоссально громадная фигура робота – ударила новым залпом.

До дворца громадине оставались невообразимые расстояния, но она всё равно пугала габаритами – высокими и толстыми ногами, широким длинным цилиндрическим туловищем, от которого в разные стороны, но точно по Империи ударили десять новых ракет. Руки этого гиганта, были не менее внушительны и массивны, хотя бы из-за того, что длинной опускались ниже колен.

Позади разлетающихся в далёкие друг от друга точки ракет, эта огромная тёмная фигура продолжала громоздко шагать. Такая картина даже Кана, заставила окаменеть рядом с императором, который, не дыша, на это глядел.

Все десять запущенных снарядов упали где-то на просто-

рах Империи, озарив ночь новыми – яркими взрывами. В этот раз огонь охватил и топливные заводы, из-за чего взрывная мощь возросла в десятки раз. Насмотревшись на цветшие пламенные столбы, генерал наконец пришёл в себя и положив руку человеку на плечо, тревожно проговорил:

– Император, оставаться здесь опасно! Вы должны отправиться в...

– Да не переживай, – перебил его Вэнтэр спокойным, задумчивым голосом, – эта бандура не целится в замок. Она просто сеет хаос, – пояснил он, не сводя взгляд с феноменального гиганта.

– Тогда, что прикажете делать? – суматошно спросил генерал.

– Я... да не знаю я! – воскликнул мальчишка, резко развернувшись. Он оттолкнул Кана и быстрым шагом направился к выходу. Сжав зубы, его голова породила мысль: «В армии больше нет нэогаров, а эта штука однозначно пришла за людьми. Значит, нет смысла приказывать выстраивать оборону; если дать им оружие, он сбегут ещё проще... Чёрт подери, и что мне с этим делать?!» – выбив руками двери спальни, озадачился Вэнтэр, продолжая в одной лишь пижаме шлёпать по коридору. На его лице прописался ярый гнев, а сжатые в кулаки руки нервно мотались.

Тот самый громадный робот – широкими, сотрясавшими землю шагами, наконец вышел за грань пустыни. Его огромная нога наступила на территорию вражеской цитадели, и за

этим последовал новый залп, снова десятью ракетами. Они ударили по другим точкам Империи, и заставили мирный континент вновь окунуться в пылающий хаос. Рядом с теми старыми и ветхими постройками у окраин Империи, которые гигант безмятежно давил – можно было приблизительно понять, что его рост равнялся высоте пятисотэтажного здания, а высокий и широкий в радиусе цилиндр-туловище, даже внешне казался невероятно вместительным. Состоял этот невероятный робот из потёртого, старого металла, в основном серых цветов. Кое-где видны были сшитые листы меди, портившие общий тон. Своей обшивкой монстр внушал эффект заброшенности, старости, но шагал и действовал – на диву чётко.

В его небольшой, практически незаметной на огромном туловище голове – располагался центр управления, где сидели десять выживших людей. Каждый занимался чем-то своим; в круглом центре у руководителей были свои стулья, мониторы, и основная панель. За главным экраном, обозревавшим Империю – сидел тот самый глава выживших, что носил в себе планы Джаина. Герд, сходясь с император и разнясь с повстанцем – не изменился совсем.

– Цельтесь как можно точнее, мы можем запускать снаряды только в те точки, которые заранее покинули люди, – командным тоном напомнил наводчикам знаток, внимательно смотря в монитор.

– Мы так припоздали... Хотя бы стратегия Джаина не

успела просрочиться, – насмешливо молвил один из наводчиков. Ответный взгляд Герда усмирил его, и возвратил к работе.

– Больше медлить нельзя, включайте прожектора и динамики, мы должны объявить свою цель! – распорядился староста, и центр управления взялся за дело.

Пока собранный из металлолома монстр топтал разных размеров и предназначений здания, нэогары, паникуя – разбежались кто куда. Они, забывая друг о друге и переживая лишь за себя, со всех ног убегали, стараясь спастись от атак гиганта. Разразившиеся по всей Империи пожары никто не тушил; попавших под обломки, покалеченных собратьев – нэогары не щадили и продолжали укрываться. Паника и страх пред смертью превратили их в безумных зверей, спасавших свою шкуру. Что довольно удивляло, так это отсутствие людей; в отличие от толп нэогаров, они даже не показывались на улицах и не пытались разбежаться. Рабов попросту не было видно, как и не слышно было их криков или же стонов.

В поглощавшейся с каждой минутой всё большими беспорядками Империи, которые с собою принёс ужасающий гигант, начиная его головой и вплоть до похожих на плечи креплений – ровной линией поднялись динамики, размером большие, чем командный центр. Длинные прочные ручки расправились в стороны, и промеж трёх гибких пальцев зажглись прожектора, по одному на каждой «ладони».

Мощности их света хватило, чтобы более чем ярко осветить широкие участки городов, а переводя лучи в разные стороны – гигант обратился самой яркой луной в истории. С огромной высоты, на всю Империю, зазвучал человеческий голос, который не перебить ни одному нэогарскому:

– Людской народ! Этот робот – ваша свобода! Бегите! Бегите на свет Гегара!!! – убедительный, отдававший жутким эхом голос – пробудил в Империи волну бунтующих рабов. Прятавшиеся в безопасных местах люди повыскакивали из укрытий, и ориентируясь на яркие световые указатели – большими группами ринулись к Гегару. Они держались поближе друг к другу и пока нэогары занимались собственным спасением, без особых препятствий мчали к творению выживших. Единственными помехами становились завалы на дорогах и рухнувшие здания, но даже это не остановило людей на пути к свободе.

Невероятный своим размером Гегар – прекратил шагать. Он остановился на месте, примерно в конце Имперских окраин. Перед его ногами раскинулся жилой, пока невредимый город, где всё равно бушевала паника и царил беспорядок. Ютился шум и всполох, на усладу понимавшим это управляющим.

– Внешние люки открыты! Гиды заняли свои посты! – доложил ответственный за вместимость.

У ног Гегара, с двух сторон каждой ступни – гиды открыли проходы, и самые первые подоспевшие к спасителю, верени-

цей потянулись внутрь громадины. На фоне общей суматохи видны были только сгруппированные люди, всё ближе и ближе подбиравшиеся к заветным лестницам внутрь Гегара.

Напротив дверей императорского дворца, отшагивая от своей лаборатории, показался Чан, сжимая в руках небольшую ракетницу. Сохраняя серьёзное лицо, он беззвучно вытянул неприметное оружие к сомкнутым дверям, и смело сдвинул курок. Его хмурому взору, под которым таилась душевная радость – предстал неслабый взрыв, что вынес прочные врата. В получившуюся небрежную расщелину, сквозь дым и по мелким камням – ринулись рабы замка, среди которых был и Джаин. Проскользнув мимо дражайшего учителя, он умиротворённо кивнул; в ответ, Чан сделал тоже самое. Считая это моментом расставания, умнейшие создания Империи обменялись прощаниями.

Люди, чьи сердца переполнились радостью, воодушевлённо помчали к далёкому силуэту Гегара, видимому сквозь пробитую во внешней стене дыру. Примерно в центре пятидесяти убежавших рабов находился Джаин; его скорость уступала остальным, ведь он серьёзно устал.

Главный бунтарь уже не верил собственному счастью – вот свобода, прямо перед его глазами. Но перед ними же, проблеск счастья вдруг погас – в тени императора.

Соскочив с балкона третьего этажа – самого низкого во всём замке – мальчишка ловко сократил путь до революционера. Едва приземлившись перед бежавшим человеком,

Вэнтэр с размаху ударил его в живот. Шокированный повстанец не то, что упал, а буквально отлетел в обратную сторону. Проехавшись спиной по земле, он сдавленно промычал и приподняв лишь голову, услышал:

– Куда собрался? Тебя я не отпущу! – злобно улыбаясь, заявил Вэнтэр. Его превосходство сочилось отовсюду, даже из очей Джаина. Владыка ровно стоял, крепко сжимая подростковые кулаки, а за спиной его пятнистым глазом горела луна. Глаза цвета синей пыли наполнились гневом и высокомерием, что подчеркнули слова:– Моё тело куда крепче и сильнее ваших, а сражаться я обучен нэогарской жизнью. Однажды, твоё спасенье отстояли, но теперь – ты труп!

Юный тиран бросил угрозы одному лишь Джаину; и его слова, и пристальный взгляд – нацелились только на него. Остальных рабов, что суматошно сверкали пятками – он вообще не считал за мишени.

Многие из тех, до кого сгустку злобы дела не было – уже успели выбежать за стены вокруг дворца. Каждый видел, что грозило Джаину и кто пред ним стоял, но лишь трое истинных смельчаков – преподнесли поддержку. Набросившись на императора, им удалось повалить его; ещё больших усилий потребовало сдерживание попыток выбраться – мальчишка не преувеличивал своих сил.

– Ты в Евразии нужней, чем мы! Беги, пока он не вырвался! – сдавленно потребовал один из бунтарей.

– Да! Спасайся! – почти приказал Джаину другой, как раз

получивший ногой по щеке.

– Я не могу вас бросить! Я вас не оставлю! – взволнованно ответил Джаин, едва держась на ногах. Обеими руками он сжал живот; Вэнтэр постарался привнести побольше боли.

– Да беги уже!!! – крикнул последний доброволец, положивший себя благу революционера.

У Джаина почти всегда был план действий; он предпочитал заранее всё продумывать. Но в этом случае, он совершенно растерялся; хоть преданное помощи собратьям сердце требовало выручить самоотверженных добровольцев, инстинкт выживания, вперемешку с принуждениями людей – подчинил его ноги. Первейший автономный человек пустился в бега, бросив троицу смельчаков, что из последних сил сдерживали прыткого тирана. Когда глава бунтарей покинул пределы внешних дворцовых стен – император, наконец, скинул с себя рабов, разбросав служителей замка кого куда. Его гнев лишился всех пределов; злость, с которой мальчишка набросился на ближайшего к себе человека – окрашивала глаза в оттенки красного. Способы и силы, вложенные в избивание раба – были ужаснее, чем бесчеловечные.

Лишившись страха пред смертью, другой паренёк, что очухался быстрее третьего – вздумал помешать владыке. Он ногой посмел отбить воеводу от окровавленного тела своего собрата, чем только перевёл безмерный гнев на себя...

Просторы Империи никто не осмелится назвать скудными. Но чего только не сделаешь, ради долгожданной свобо-

ды. Объединившись с группой рабов, что служила на отдалённом имперском заводе – Джаин, без передышек, пробежал до самого Гегара. На пути его отряда не вставало особых препятствий; этой сотне человек поистине повезло. В числе последних беглецов – Джаин забрался в ногу Гегара. К тому времени, когда там показался революционер, очереди – как небывало. Поднявшись по надёжной лестнице внутрь стопы, лидера беглецов встретили более удобные ступени, что держались на стенках внутри полых ног. Не обошлось без особых постов для командующих людей, чьими трудами был возведён Гегар. Только завидев человека, чей облик смахивал на старину Джаина, гид крикнул:

– Джаин! Вы спаслись!

Повстанец приподнял измождённый бегством лик, где одарённые блеском карие глаза увидели некогда знакомого человека.

– Пройдёмте, вас заждались, – увлекая Джаина за собой, паренёк то и дело оборачивался на пути.

Набравшись решимости с очередным резким выдохом, лидер оппозиции умчал за сохранившим молодость парёнком.

Вели их сотни и сотни ступеней, не редко переходивших в вертикальные лестницы. Стезя эта открыла автору проекта виды на внутренние просторы махины, служившие временным жильём. Весь его безмерно вместительный корпус разделили на целую тысячу ярусов, где и ютились люди.

Они словно улитки заползали в домики, слабо освящённые бледными лампами, с потолков метром в высоту. Вновь совершившие побег рабы лежали кто на спине, кто на животе, лишь преступая к отдышке, различая раны и ссадины впервые с тех пор, как получили их.

Отнюдь не мало сил ушло на подъём к самому верхнему ярусу Гегара – его голове. Добравшись до командного пункта, чьи серебристые двери раздвинулись в стороны – Джаин упоенно молвил:

– Вы представить не можете, как я рад, что хоть кто-то выжил, – задержав на Герде взгляд дольше, чем на прочих, выплеснул бунтарь. – Я мечтал об этом дне. – В компании родных сердец, он растаял.

– А кто ж не мечтает о спасении? – Такой уж Герд человек – не злобный, но колючий. – Раз уж ты выжил, прими в награду честь затушить пыл императора, – воспитанный в духе прогресса человек, очевидно, не придумал нужных слов, чтобы деликатно сместить эту ношу со своих плеч, на Джаина.

Герд поднялся с места, уступив микрофон повстанцу. Взглянув на неприметный шарик, что венчал упругий трос – революционер почувствовал сухость во рту. Ему было понятно, что сказанные слова должны были выбить из Вэнтэра всё высокомерие, но это и заставляло волноваться. Перебором страх провала, Джаин неспешно подошёл к «туннелю» до колонок, и изрёк:

– В мире не должно существовать рабов и хозяев, ведь рабство – лишает счастья, а значит, и смысла жить, – голос первейшего разумного человека разлетелся по всей Империи, чем отвлек императора, занятого избиением полумёртвых людей. – Эта ночь стала триумфом людской расы, и я лишь прошу нэогаров: Оставьте нас в покое. Гегар, которого видит каждый из вас – оружие массового поражения; не заставляйте, это повторять...

Оставив заинтригованных слушателей в замешательстве, Джаин погасил прожектора на руках гиганта. Но он не позволил Империи надолго угаснуть; из оружейных люков, рывших весь корпус Гегара – феноменальный монстр пролил град боеприпасов, что принёс с собою в обитель жестокой стали. Возможно, лишь парой единиц меньше тысячи, различные ракеты, бомбы, гранаты – всё рассыпалось по видимой Империи.

На секунду, Вэнтэр заметил позади ног махины, что топтала его окраины – первые проблески солнца. И тут же нежное свечение затмили алые взрывы, погрузив Империю в огненно-дымный туман. В арсенале мальчишки таилось множества взглядов негодования, но этот – хмурый блеск проигравших глаз, что не выпускал силуэт Гегара – был уникальным. Лишь хмыкнув, подросток отвернулся от бардака в своей державе. С недовольным, опечаленным видом, он юркнул в сторону дворца, не желая любоваться рассветом, чьи ростки затмевал Гегар. Из разломанных ворот замка выбе-

жал Кан, проведший беспорядки непонятно где.

– Император, выслать преследование? – тревожно осведомился он.

– Нет. Оставь их. К чёрту рабов, – сухо ответил мальчик, пройдя мимо генерала, но не сдвинув взгляд с прямой точки впереди. Его состояние ещё никогда не было таким подавленным; лоб покрылся каплями пота, руки испачкались остывшей кровью, а под пристальным взглядом можно было заметить слабую дрожь, которую Вэнтэр не мог сдержать.

Кан, с неким отстранением смотрел на горевшие имперские города, где порой раздавались новые взрывы, только подоспевших к «вечеринке» заводов.

Чан, наблюдая то же из лабораторных окон – откровенно радовался, что выдавал багрянец его глаз.

Не так уж быстро Гегар развернулся лицом к земле, ставшей местом его «рождения». Устремив взор своих зелёных глаз туда, где люди не будут рабами – он вновь тягостно зашагал.

Среди всех обломков, костров, уцелевших или разрушенных зданий, что оставил монстр, лишь однажды показавшись в чужих землях – не осталось ни единого человека. Только во дворе замка тирана лежали три трупа. Во всём нэогарском государстве, на целом «холодном» материке – не было ни единой человеческой души. Так казалось на первый взгляд, и по большому счёту, это было правда. Но среди за-

брошенных домов на имперских окраинах – скрывалось исключение.

У ветхого, полуразвалившегося дома, вблизи пустыни, в след далёкому Гегару, «уплывавшему» в рассвет – смотрел последний человек Империи. Именно человек, и вовсе не раб, ведь все рабы освободились. Он, как ни странно, был абсолютно цел; среди хаоса явно не мелькал. Некий настрой враждебности придавали ему не только суровые глаза и мрачное лицо; его тёмные волосы, почти касавшиеся плеч, лёгкая щетина, тонкий шрам через нос, крепко сжатые автоматы, что дулами почти упирались в землю, торчавший из-за спины меч, и чёрный старый плащ – всё внесло вклад в облик нелюдимости.

Как смотрят спасённые на спасителей – так смотрел человек на Гегара; восторженно, и умиротворённо. Но обернувшись ликом к Империи – туда, где вдалеке обосновался дворец тирана, избежавший спасения проронил:

– Теперь, тут только я. И ты поплатишься!

5 эпизод. Дань

Растаяв за горизонтом разрушенной, укрытой дымком гасших очагов Империи, гордо шагавший Гегар, тяжело переваливался с ноги на ногу, соблюдая направление в родную для него Евразию.

Над перешейком, что предстояло пересечь, ради возвращения домой – пылало полуденное солнце, чьи жаркие объятья накаляли корпус освободителя до уровня кипящей ду-

хоты. Это был единственный непродуманный нюанс плана повторного спасения людей, принудивший их к поистине горячей прогулке. Пик жары стоял и в центре управления, ведь крохотная голова была ближе всего к светилу; последний раз струйки надоедливости пота на телах управляющих пересыхали ночью.

Куда смотришь, то и видишь – мелькнуло в голове полудремавшего Герда, вид которого был ещё изможденней, чем Джаина.

– Джаин, – проронил он, решив отвлечься от духоты, – ты совершил непростительный грех, взбунтовался против императора. Как выжить умудрился?

– Честно говоря, меня чуть не расстреляли, но случай помог спастись... – опечаленно взглянул повстанец на друга, покорившись горестной улыбке.

– На радарх и следа имперских преследователей нет, но они ведь не отпустят нас просто так. Не лучше ли подумать о плане противостояния? – разбавил беседу другой член управления, настороженный собственным замечанием.

– Нет нужды переживать, – уверенно ответил предводитель, – я более чем уверен, что Чан позаботится об императоре. Ему хватит сил вразумить его, – взглянув в сторону растаявшей Империи на одном из экранов, с некой тоской молвил бунтарь. – А в крайнем случае, – продолжил он, вновь собравшись, – мы воспользуемся трудами третьей вахты, – заявил Джаин.

Не осталось никого, чей лик не преобразило изумление; об этой вахте явно никто не слышал. Вняв общее смятение, Джаин пояснил:

– Третья вахта на славу постаралась, когда устраивала тайники. Честно говоря, я и сам был удивлён, узнав, сколько в Евразии съестных и оружейных запасов. Используя пусть и старое, но действенное оружие – под прикрытием Гегара, нам однозначно удастся поставить Империю на место, – гордо закончил Джаин, чей дух вдохновлял.

– Хочешь сказать, что раскрыл нам ни все тайники? Но почему? Знай мы о них, шансы на успех бы прибавились! – возмутился глава управления.

– Их я оставил на случай, если вы спасёте нас, – спокойно отразил нападку Джаин. – Как я говорил, припасов более чем много, и по моим расчётам, вам вполне хватило бы того, о чём вы знали, – разведя руки, указал великий бунтарь на центр управления, имея в виду Гегара. – Ну, я, пожалуй, пойду к остальным. Там наверняка нужна помощь... – вставая с кресла, огласил Джаин. Металлические двери, что служили входом в центр – раздвинулись перед ним, образовав выход. Меж ними, Джаин взялся рукой за начинавшиеся перила, и обернулся. – А вы всё-таки молодцы, – похвалил он мастеров, глядя на каждого в отдельности и всех вместе. Его глаза, венчавшие умиротворённый изгиб губ, тоже сияли добродушием. – Вы возвели настоящее чудо; Гегар именно таков, каким я его представлял. Ваше ма-

стерство и отвага заслуживают вечной памяти, – после чего негласный вождь покинул пределы дверей, и они сомкнулись. Управляющие, хоть и не ожидали таких слов, не столько удивились, сколько с благодарностью расслабились. Даже ворчливый Герд усмехнулся и, повернувшись, пробормотал.

– Ты-то всё равно достойней...

Империя – именно она нынче укрылась позором поражения. На её горизонте показался лишь один робот, творение рук людских, но никому не хватило мочи остановить его; Гегар пришёл, покромсал утвердившийся порядок дел, взбаламутил русло нэогарской жизни, и ушёл, как ни в чём не бывало, а живая сталь только помахала на прощание, и погасла к этому полудню. Но всё ещё пылал Вэнтэр; не наружностью своей, зато нутром. В нём безостановочно бурлило призрение, его горячило разочарование. Уже давно он прибыл в тронный зал; этой ночью, сон с ним не сотрудничал. Хоть для владыки это вновь, вместо бумажной работы, он позволил себе выйти на балкон. Опершись на перила локтями – властитель оглядел разрушенный, опустошённый материк. Всё уже успокоилось, угроза миновала. Но пред глазами цвета синей пыли не прекращали всплывать фрагменты ночи. Будто кадрами, владыка постоянно видел шагавшего Гегара, повсеместные пожары, панику, гибели – хаос.

– Чёрт! – воскликнул Вэнтэр, оторвавшись от перил. – Пора уже прекратить об этом думать! – нервно сообщил он сам себе. – Но... неужели... неужели рабы сильнее Импе-

рии? Нет, это невозможно! – ударив рукой поручень, возмутился тиран. Сжав зубы, он недовольно взглянул на горизонт. Тихо и суматошно, тиран проговорил:– Я... я сделал глупость, когда распустил армию! Я сглупил, когда снял с Империи дозорных, – резко развернувшись в направлении трона, осознал Вэнтэр. – Я был глуп, когда отказал Кану в проверке Евразии! Но больше, я не ошибусь, – рухнув на хрустальный трон, подпёр подросток щёку кулаком. – Эта ночь дала мне понять, насколько Империя распущена. Но я непременно займусь этим. Я больше никому не позволю ослабиться, – напряжённо отчеканил властитель. – Я наведу здесь, былой порядок! – окончил он тихим гласом, с кричащим о самых строгих целях взглядом. Этим же он окрасил свой призыв генералу явиться на ковёр императора. И Кан явился, в самые скорые сроки.

– Вызывали, император? – как всегда уважительно спросил он, опосля стука в дверь.

– Да, – отрезал Вэнтэр, не отрываясь от заполнения какой-то бумаги. Генерал, ещё с порога уловил настрой мальчишки и, аккуратно прикрыв дверь – зашагал к престолу. – Огласи мой указ, – наконец изрёк Вэнтэр, откинувшись на трон. – Я вновь собираю армию. И призываю служить всех, кто может ходить, и у кого целы руки. Тех, кто сильно пострадал, или кроме смерти ни на что не горазд, можешь не трогать.

– Но император, такая реформа вызовет массу недо-

вольств. Нюгары отвыкли принадлежать войскам, да и вы сами обещали, что для них больше не наступят военные дни, – возразил Кан, скрипнув десницами за своей спиной.

– Я и об этом подумал, – снисходительно заявил Вэнтэр, скрестив руки на груди. – Ты прав в том, что недовольства будет через край, и именно поэтому, я повышаю ставку каждого солдата ещё на две зарплаты. Такой ресурс как армия – больше не будет расходоваться на военные нужды; по крайней мере, первое время. Всю рабочую силу – собранную под началом наших войск, я хочу пустить на реставрацию Империи. Нынешними темпами мы и к следующему году всё не восстановим, а так, процесс многократно ускорится.

– Если вы хотите использовать армию как рабочую силу, то кому быть охраной, кому отвечать за военные нужды? – несколько нервно спросил Кан.

– Раз уж мы привыкли к рабскому труду, придётся хоть что-то вернуть в привычное русло, – на выдохе, ответил Вэнтэр.

– Вы хотите пойти войной на людей?

– Нет, – недовольно растянул мальчик, – от войн слишком много расходов. Раньше как-то жили без людей, и дальше проживём. А они и сами скоро с голода вымрут, – уложив подбородок на скрещенные пальцы, с каплей гнева утешился Вэнтэр.

– Уверен, вы понимаете, что это не так. Их почти два миллиона, они просто так не погибнут, – махнув рукой в такт

шагу, воскликнул Кан. – Неужели, вы боитесь их? Вы считаете, они сильнее нас, потому что у них есть Гегар?

– Ошибаешься! – ухмыльнувшись, отсек мальчик. Кана это, заметно удивило. – Я считаю – они сильнее, потому что едины. Они готовы жертвовать собой, ради своих «великих» целей, – скорчился юнец, будто на языке у него оказалась горчица. – А Империя, стала такой «сильной», что позабыла этот принцип! Я лично хотел остановить Джаина, но мне помешали люди, – прислонившись спиной к трону, вскользь поведал Вэнтэр. – Мы не можем идти на них войной, пока не наведём порядок в собственных рядах. И именно это – наш приоритет! – закончил государь свою речь. – А на счёт военных нужд, у меня другая мыслишка, – только закончил владыка, как дверь в тронный зал громко распахнулась, и за ней показался Чан. Держа его руки связанными за спиной, учёного затолкнул в зал нэогар, лишь немного выше Чана и довольно похожий на него: глазами, белым халатом и тщедушным ростом.

– Император! – вступил пленитель, вволакивая Чана в зал власти.

И Кан и Вэнтэр изумились, опешили от такого зрелища, хотя в отличие от покорителя, что слегка приподнял брови, Кан был откровенно недоволен этакой дерзостью. Врываться к владыке без приглашения, во время приёма генерала... катастрофическая бестактность.

– Этот нэогар – предатель! Я могу доказать, что он со-

участник очередного побега рабов! – голосом же, удерживавший скованными руки Чана нэогар, отличался.

С этими словами, в тронном зале воцарилась тишина. И Кан, исписавший свой лик шоком, и Чан, недовольно глядевший в сторону от правительства, и даже связавший его нэогар – сохраняли молчание. Это продолжилось до тех пор, пока Вэнтэра не задушил смех. Он откровенно, закрыв глаза загоготал, скользя по трону и прикрывая руками лицо. Это повергло собравшихся в ещё больший шок; такой реакции, от такого человека, ожидать не смел никто. Когда воздух в лёгких мальчишки окончательно иссяк, и краткие вздохи прекратили помогать, он проронил:

– А то не ясно, что Чан в этом замешан, – после чего выпрямился и закинув ногу на ногу, высокомерно спросил:– А ты у нас, собственно, кто?

– Я – заместитель президента «Объединённых научных ассоциаций империи», – склонив голову, решительно произнёс нэогар.

– И к чему столько сложностей? Так и скажи, ты заместитель Чана, – с усмешкой ответил повелитель. – Теперь не удивительно, что именно ты его сюда приволок. Тебе ведь хочется занять его место?

–...сейчас куда важнее, что этот нэогар предатель, и он должен понести наказание! – несколько растеряно, ответил заместитель.

– Ну, это само с собой. Чан понесёт ужасающее наказа-

ние, которое будет помнить до самого конца своих дней, – переведя взгляд на Чана, саркастично согласился владыка, но взгляд его похолодевших глаз неизбежно устрасил учёного с чёрно- Белым лицом.

– Значит, вы не станете его казнить? – запереживав ещё сильней, переспросил нэогар.

– Да разве ж я могу? Ты думаешь, почему именно он президент этой вашей ассоциации? – спросил император, но, не дождавшись ответа, пояснил сам:– Он – самый высоко-развитый нэогар Империи, на данный момент. Убить его, себе дороже...– прислонившись к трону, закончил Вэнтэр.

Это заставило замолкнуть нэогара обвинителя, а Чана расплыться в восхищённом удивлении. Кан единственный – кто просто хмыкнул, отвернувшись в сторону.

– Знаешь, кого я ненавижу, больше всех остальных? – глядя прямо в глаза заместителю, вытянулся Вэнтэр в его сторону. – Подобных тебе! Даже поступок Джайна я ценю больше, чем твой, – с заметной агрессией, сообщил он. – Кан, будь добр, проводи этого... нэогара... обратно в лабораторию, – поручил Вэнтэр, и Кан, без задержек и мягкости, указал заместителю нужный путь. – А мы, Чан, обсудим твоё наказание...– интригуяще озвучил Вэнтэр.

Монарх и не думал высвободить его руки; это мог бы сделать Кан, но он лишь вывел излишне ушастого нэогара, и закрыл дверь с той стороны. Стукач, как виднелось по лицу, деревянной походке и страху обернуться – побаивался

генерала, но увидел бы он его умиротворённый лик, страхи б унялись. Кан увлёкся своими думами, и толком не следил за отпрыском лаборатории.

– Как императора можно не уважать, как можно желать ему зла? – искренне не вразумляя, раздумывал нэогар в броне самого тёмного синего оттенка. – Он ведь справедлив, честен, силён, предан своей стране и своему делу! Для кого-то он жесток, но это лишь строгость. Кто-то винит его во лжи, но это стратегия. Вэнтэр стал императором не за яркость своих глаз, и этим нажил полмира врагов... жизнь скупа на правосудие, но даже это императору не помеха.

Восстановительные работы, а точнее, самая их заря – разбор мусора и завалов, учёт погибших и спасение повреждённых, предварительные подсчёты затрат, давались с трудом обленившимся по самый край нэогарам. Разрозненные группы изнеженной бездельем стали не распространиться даже по всему материку, законно им принадлежавшему. В столице, где поводов хлопотать было меньше всего – рабочая сила собралась в излишке, а во внешних городах, и тем более окраинах, которые веками захватывала пустыня и обращала самой собой – жёлтой пылью, нэогары не намеревались появляться.

Места, близкие к перешейку, были ужасно душны, и жили там лишь по принуждению. Лачужки, отстроенные изгоями, простояли долго, но вскоре от них останется только песок, припавший к пустыне. Но, пока этого не свершилось, и сте-

ны с крышами стояли – халупы могли сослужить последнюю службу.

Ни нэогарам, возведшим их, зато человеку, готовому отомстить.

В на вид самом целом домишке, из всех что последний имперский автономный человек видел – он приканчивал свой скромный ужин, по задумке последний в его жизни. Когда от жёсткого мяса, чёрствого хлеба и выжатой на пищу томатной пасты не осталось ничего – усидчивый мужичок загасил костёр, горевший прямо на ветхом каменном полу. Самозванный мститель поднялся, накинул потёртый чёрный плащ, погрузив в рукава руки с воздушной лёгкостью. Нацепил на спину заточенный меч, нагой, как шрам перечёркивавший нос, укрыл под мрачной накидкой пару автوماتов, и, размеренно постукивая прочной подошвой кожаных сапог – вышел на землянистую улицу. Его суровый, нелюдимый взор тотчас устремился сквозь любые помехи – точно в замок юного тирана. Именно к нему, мстительная персона начала путь.

Чем ближе его тропа подходила к жилому кварталу – опустевшему с наступлением вечера, тем гуще тьма накрывала дорогу; оставаясь незамеченным, он под прикрытием самой природы, высидев в разведке – продолжил шагать, озираясь как вор в богатом доме. Изредка встречая чудом уцелевшие уличные фонари, мститель менял маршрут, выбирая тёмные закоулки. В этом ему помогала сама луна, усердно

прячась за мрачными тучами, и звёзды – света которых едва хватало, чтоб увидеть их самих.

Но было на свете то, что даже во тьме виднелось, а слепец и без глаз прорисует в голове этот облик, облик величественного Гегара, чьи сотрясавшие пустынные пески шаги без передышки таранили перешеек, пока наконец не обрушились на Евразию. Но и тут маршрут не оборвался; клокоча словно гром, спустившийся наземь, Гегар подступил к ближайшему восстановленному укрытию выживших, и лишь тогда тяжело остановился. Из всех его подвижных креплений, обжигавший как пустынный зной пар вырвался словно из турбин ракет, и колоссальный спаситель замер, а подле ног его раскинулось убежище. Из ступней таких больших, что не каждый корабль шире и длинней – донесли звуки открытия износившихся люков, а после, губительный для тревоги раскат вдоха свободы. Суматохи, давки, мелкой ругани и нервозности в процессе извержения спасённых из Гегара было не избежать, но серьёзным происшествиям не позволили даже зародиться. Уставшие, сонные, измученные дорогой ещё сильней, чем побегом люди – едва стоя на ногах, проследовали за спасателями, что проводили всех бывших рабов к подготовленным укрытиям. Всего удалось отыскать и облагородить пять бункеров королевства Сталии; её гранитные подземелья могли бы пережить и нечто большее, чем взрыв разоривший целое полушарие. И пусть они пребывали в отдалении друг от друга, колонны людей, что даже на

твёрдой земле чувствовали подскоки шагов Гегара – брели туда, где могли без тряски отоспаться. Дряблое шмотьё взамен матрасов, а плотные вещи вместо одеял – и никакой еды не требовалось, чтобы людской народ в одночасье вымер. Исключением как всегда стал Джаин; ни о каком сне он и слушать не возжелал. Вождь, и самые приближённые к нему, – собрались в древнем полуразрушенном зале, чей гранит по сей день образовывал помещение.

– Надеюсь, вы достойно содержали создателей нашего будущего? – трепетно осведомился великий бунтарь, словно стеснённый истинным именем своего вопроса.

– Да, они в полнейшем здравии и ни в чём не нуждаются – с самого момента прибытия к нам, – с некой гордостью, ответил один из первозданно выживших, вечно молодой и незнавший смерти.

– Это замечательно, – расслабленно закрыл Джаин глаза. – Без них, мы попросту вымерем... а с ними, наше будущее разделят потомки. – Лучезарную радость повстанца не скрывала даже тень усталости.

– Впереди работы больше, чем неимоверно много; как на землях Евразии, так и в людских головах... и это, кстати, при условии, что Империя к нам не сунется, – невзначай напомнил Герд, ловко лавируя стеклянным стаканом, в котором ниже краёв плескалось что-то чайного цвета, но крепкого вкуса.

– Да, тут нельзя не согласиться... – поникнув, покивал

революционер, опередив грядущие причитания приятеля. – Именно поэтому мы уже завтра разбудим наших собратьев. Работать необходимо как можно больше, отдых сейчас непростительная роскошь.

– Мы вытащили вас с одной каторги, чтобы затащить на другую? Джаин, вздохни хоть раз, дай люду отдохнуть. Дай той свободы, о которой столько говоришь, – в своём тоне отрезал Герд. Вождь благодушно улыбнулся, глядя карими глазами в душевное зеркало Герда.

– Трудиться слыша угрозы, или похвалы; работать на благо кого-то, или себя; выбирать занятие думая своей головой, или следовать указу – самый бесполезный выбор. Наше поколение должно зачать будущий мир, выстроить фундамент для грядущего человечества. Отдыхать – недозволительно, если мы хотим свободы. А мы ведь её хотим? – кивнули все, попавшие под взгляд вождя. И даже Герд, устало ухмыльнувшись, долго царапая затылок короткими ногтями, одобрительно покивал.

С согласия, мини-собрание окончилось, и участники его разошлись. Пути их разминулись также, как мнения Герда и Джаина, за глаза прозванных заклятыми друзьями.

Каждому отвели под наблюдение свою базу из бывшего бункера, и каждый примкнул к ней. А затем за каждым пришёл сон, который не удалось прогнать даже рассветом, что пришёл за ночью. Но выбираться из дремоты людям либо было необязательно, либо не приходилось, ведь многие оста-

лись на страже, и следили за песчаным горизонтом, а один единственный, спасённый от спасения – рассвету не обрадовался вовсе.

Добровольно взваливший на себя ношу мстителя человек солгал бы, обозвав пробуждение солнца неказистым, но с ним на улицы хлынули чипы и платы, одетые в доспехи, и пришлось мужичку подыскивать укрытие. Лезть в подвал уцелевшего дома ни в чью голову не взбрёт – рассудил он, и укрылся среди перепачканных пылью и мазутом проводов питания многоэтажного дома. Мститель как мог придерживался графика, и корил себя за то, что не мог невозможного.

Император же, хоть и лёг спать довольно рано – проснулся к девятому утреннему часу, наплевав на свой график. Сонный и заспанный, он лениво вылез из-под одеяла, сменил пижаму на имперский костюм и, зевая во все зубы – направился в тронный зал. Туда, по его приказу, принесли завтрак, включавший давно остывший крепкий чай, некогда мягкие вафли и пиалы с мёдом, шестью джемами и сгущённым молоком. Вэнтэр к ним даже не притронулся; его заинтересовал только чай, и очередные стопки документов.

– Вы проснулись? Разрешите доложить? – настойчиво заявился Кан, даже не стукнув в дверь.

– Доложи. Может хоть твои новости меня взбодрят... – лениво, не убрав чашку ото рта, ответил мальчуган, и только сейчас решил зачерпнуть краем запечённого теста густое варенье из малины.

– По вашему указу армия вновь сформирована, а новые условия публично объявлены. Большинство нэогаров без проблем вернулось в войска, и ждут дальнейших указов; но совсем не мало и тех, кто наотрез отказался служить во благо Империи, – доложил генерал, глядя выше трона и держа десницы за спиной. Он собрался что-то добавить, но Вэнтэр его опередил:

– Всех, кто со мной не согласен, согласиться заставь, – укрыв недовольство безразличием, выкинул он. – Для этого, как нельзя кстати, подойдёт арена «Бойсдракс»; всё необходимое, я подготовил. Любого, кто способен принести пользу, но отказывается это делать – ссылай на восточный полуостров. Вначале они возведут мне арену, а затем сразятся на ней. Или мигом помрут; воля выбора священна, – Вэнтэр отлично понимал, что никакого выбора не давал, и от этого ему стало чуточку лучше.

– Да, император, – склонив голову, Кан покинул зал. Его реакция казалась неоднозначной, да и поведение в целом удивляло... но властитель не долженствовал забивать подобной ерундой голову.

– Даже Кан не взбодрил... – взгрустнул мальчишка, поглощая терпкий чай.

Кан направился к своему кабинету, в котором появлялся довольно редко. Хоть Вэнтэр и предлагал ему монументальный зал – достойный звания генерала имперской рати и первого советника владыки континента, нэогар всегда отка-

зывался, не считая это необходимостью. Открыв серенькую дверь, подобную многим другим на первом этаже дворца – Кан встретил взгляд Чана, сидевшего на одном из гостевых стульев. В чёрно-белом лице генерал увидел собственное изумлённое отражение, и привёл себя в порядок, нахмурившись, как обычно.

Технолог сжимал в руках несколько свёрнутых бумаг, а его лицо будто чего-то усердно ждало. Кан, не дождавшись объяснений, спросил сам:

– Ты тут чего, меня ждёшь? У тебя закончились посылы-ные? – на пути к своему месту.

– Нет, моё дело нельзя никому доверить... – провожая Кана взглядом, ответил учёный.

– Тогда говори, что хотел, и возвращайся к предательствам, – усевшись на стул, выкинул генерал.

– По личному приказу императора, я должен сконструировать и ввести в обращение новый тип боевых нэогаров, – озвучил Чан с тусклой улыбкой, намереваясь растерять генерала, и успешно это сделав. Хотя скорее, Кан занервничал. – Они должны заменить наших охранников и наступательную силу, обладая примитивным разумом и чёткими инструкциями на любой возможный случай, – с расстановкой закончил технолог, постукивая пальцем о свёрнутые чертежи.

– Ясно. И тебе нужна моя помощь? – взбодрившись, подчеркнул Кан.

– Да. По крайней мере, император разрешил её у тебя про-

силь.

– Если это во благо Империи, я не могу отказать, – снисходительно согласился генерал.

Чан встал с места, скинул на сидение все свёртки, кроме одного, и разложив чертёж на генеральском столе – пояснил.

– Это первый инновационный вид – кентавр. – Кану предстал подробный, заполненный измерениями и пометками рисунок нэогарского туловища с четырьмя лошадиными ногами, что крепились на конский корпус. Выше пояса, это существо ничем не выделялось; оно походило на любого штатного нэогара. Голову его венчал остроугольный шлем, из которого торчали гибкие стальные прутья, словно опавшие перья – небольшое отличие от стандарта. Нижняя часть тела – главная опора и особенность, смотрелась совсем ненатурально; она кричала о своей роботизации. Разве что хвост выглядел реалистично, хотя состоял из острых длинных заточек. – Такое радикальное решение как конский стан – предаст воину дополнительную скорость и силу бега, – пояснил технолог свой замысел. – Вместо обрыдлого оружия, для них спроектированы специфические жезлы, способные стрелять сгустками сжатой энергии, которую не требуется перезаряжать...

– Интересная идея, – замедленно выдавил Кан, не дослушав похвалы Чана до конца. – Таких тварей будет сложно убить в реальном бою. Но разве с конским корпусом, они не будут неуклюжи?

– Честно говоря, это их единственный минус, – сворачивая схему, Чан заменил её другой. – Кроме того, что их легко бить сзади... Но, настолько серьёзная прибавка к скорости, того стоит, – развернув следующий чертёж, добавил разработчик. – Далее – самурай, – показав на схему невысокого, пригнувшего колени, довольно щуплого робота, что в тонких длинноватых руках держал протяжённые односторонние клинки. Его корпус был тонок и хлипкок, на короткой шее держалась небольшая голова, которую завершал длинобортный плоский убор. – Особенность таких воинов, как и первооткрывателей военного дела – мастерское владение мечами. К тому же, они в два раза легче любого нэогара, так что скорость и точность движений, у них на высоте, – не сводя глаз с чертежа, прогундосил профессор.

– А тебе не кажется, что таких примитивных вояк слишком просто убить? Меч, никогда не был грозным оружием... – так и не подняв голову с кулака, безразлично прокомментировал Кан.

– Да, именно поэтому самураев должно быть бесчисленное множество. Их сила заключается в количестве, ибо их создание почти ничего не стоит. Не хочу сказать, что проектировал пушечное мясо, но они подходят как раз для таких целей, – оскорбился технолог, сворачивая листок в трубку. – Что скажешь? Упрекнем меня, с высоты своего опыта, – предвкушая недовольство и критику, учёный прижал два свёртка к груди.

– У тебя всего две схемы? – Кан искренне этому удивился; его зелёные глаза стали чуть больше. – Я уж готовился до вечера тебя выслушивать. Что же тут скажешь... мне понравилось, – сплетя меж собой пальцы, выдал Кан. Настал черёд и Чану изумиться.

– Выходит, ты одобряешь мои разработки? – коралловые точки технолога блеснули.

– Да, твои пешки достойная замена бежавшим рабам, – не сумел Кан полностью воздержаться от упрёков. Он расслабился на скрипнувшем кресле, а Чан одарил его колким взглядом.

– Не смею больше отвлекать, – едва их отношения стали чуть теплее, как снова вздыбилась стена.

– Постой, – окликнул его Кан, отстранившись от спинки и оперевшись локтями о стол. Генерал вновь занервничал, а Чан в своём белом халате безмолвно ждал. – Ты ведь говорил с императором... на тему побега рабов, – взглянув эрудиту в глаза, выдавил нэогар. – Тебе не показалось, что он напуган? Гегаром, или ещё чем...

Всем видом Кан дал понять – для него это был серьёзный вопрос, и он желал дельного ответа.

– Напуган? – усмехнувшись, переспросил профессор. – Я бы назвал это разочарованием, или может, стыдом, за нашу беспомощность, – вяло поразмыслил технолог, – но точно не испугом.

– Вот как... – глядя на стол, отстранённо проямлил Кан.

– Как-то так, – Чан наконец ушёл.

Правой руке сильнейшего короля полегчало, и совсем не от одиночества, в котором он вновь очутился. С собою умирник в халате унёс долю его переживаний; вот бы он ещё и насущные проблемы прихватил... но этого Чан, увы, не сделал.

Некогда Империя и Евразия были лишь полушариями одного материка. Теперь, они стали самостоятельными мирами, меж которыми держались две связи – перешеек, и время, но даже оно в разных глазах двигалось с разницей.

Когда наручные часы выставленных в дежурство людей достигли высочайшей точки, с разных концов занятых укрытий прогулялась волна криков, призывавших встать. Людское племя, лениво приходя к бодрствованию, смочило высушенные глотки, сдобрило урчащие животы, и только после этого откликнулось на Джаин зов.

Под открытым, ясным и просторным небом, собрались все до единого беженцы, чей взгляд и внимание всецело отдались главному бунтарю. Перед раскинувшимся на огромное пространство, как в даль, так и вширь людским народом, на собранной сцене – стоял Джаин, и все его доверенные выжившие. Не смотря на приятную погоду, чистое небо, слабый аромат свежести, и радость от долгожданной свободы – обстановка на собрании была неприятной; она будто давила, рушила спокойствие. Хоть людей было предостаточно, сильный гул не стоял; по толпе бегал шёпот, но не более того. Когда из расставленных в стороны от сцены динамиков,

тех самых, что использовал Гегар – зазвучал голос вождя, утих даже шёпот.

– Мы, наконец, собрались все вместе, на свободе, в целостности, в просторной далёкой Евразии... – с бодрой улыбкой начал он. – Это означает только то, что мы одержали долгожданную победу. Империи не удалось помешать нашим стремлениям! – воодушевлённо и гордо, сакцентировал Джаин внимание. – Но всё же, одну проблему Империя нам оставила... – опустив глаза, огорчился повстанец. – Теперь, мы смертны. Как сказал Чан – смертный человек проживёт около восьмидесяти лет. Нельзя сказать, что это мало, или много, но это опасно, ведь со временем – мы все исчезнем... – глядя в толпу, довольно тихо предупредил бунтарь.

В массах проснулся ропот, порой тихий, а порой кричащий: «Действительно!» «Это так!» «Что же теперь делать?» «Как нам быть?».

Джаин жестом рук смерил народ, и колонки вновь понесли его глас:

– Изучая историю империи, я узнал довольно много ценных фактов. Мы все знаем, что новые нэогары появляются регулярно. Это происходит благодаря производству новых «сыновей» для желающих «отцов». Точно так же, как нас выращивали в колбах – нэогаров собирают на заказ. Каждый нэогар – это личность, но созданная другой личностью, – заинтересовал и запутал своих собратьев Джаин, такими всем понятными фактами. – Но мало кто знает о суще-

ствовании королевы Магны, ведь Империя мечтает об этом забыть. Она была проектом одной из четырёх великих стран, по облегчению продолжения нэогарского рода. Она должна была без посторонних вмешательств производить на свет новых нэогаров. Этот эксперимент не удался, – качнув головой, ненадолго затих бунтарь. – Магна – не сумела производить себе подобных. Для нэогаров – это оказалось недоступным даром. Но не для людей. Мы, в силу своих биологических особенностей – можем создать продолжателей нашего рода! – заявил Джаин, громко и чётко. Великий бунтарь огласил добрую весть, но остался серьёзным, и люд вместе с ним.

– Если у нэогаров не получилось, разве у нас есть шанс? – воскликнул один из зрителей, чьи брови почти накрыли недоверчивые глаза.

– Не стоит забывать, что мы обставили Империю уже дважды! – косо улыбнулся Герд, известный народу прямым участием в сотворении Гегара. Когда на первый план вышел его голос, внимание тут же сместилось к бессмертному. – И третий раз, тоже у нас в кармане, – протягивая руку в сторону входа в убежище, которым пользовались ещё первые выжившие, изрёк он. Оттуда, из тени перекошенного дверного проёма, спешно шагая, вышла милого вида девушка. Лишь сам факт её появления, уже поверг людской народ в удивление.

Тонкие женские ноги, обутые в кожаные туфельки, аккуратно шагали к Джаину. Поверх телесных колготок была на-

дета зелёная юбка, немного ниже колен. За её пояс заправлялась приталенная белая сорочка, с тонкими зелёными полосами и небольшим, светлым воротником. Густые коричневые волосы, аккуратно обрамлявшие лицо и спадавшие на плечи – замечательно сочетались с большими карими глазами, в которых так и отражалось смущение. Даже сквозь лёгкий умелый макияж – видны были слегка розовые щёки.

Эта молодая, поистине привлекательная девушка – произвела фурор, правда только внутри бывших рабов. Несмотря на бурю эмоций и смешанные внутренние чувства – народ остался спокойным, продолжая удивлённо наблюдать. Подойдя к Джаину, творец людского будущего совсем засмушалась и опустила глаза, по сильнее прижавшись к предводителю. Рядом с ним ей было спокойней, подле него обитало чувство уверенности. Обняв девушку – вождь во весь голос возвестил:

– Эту прелестную барышню зовут Марина – в дань королеве Магне. И она – мать троих детей!

6 эпизод. Месть

Не встречал ещё император Вэнтэр таких проблем, которые не смог бы разрешить; и не важно, сколько на это уйдёт времени. Почти век ради хрустального трона, на котором он восседал, два века ради бессмертия, пол десятилетия ради утопии, или тройка дней ради налаженного контроля над материком – всё едино для мальчика- Тирана, с самыми синими глазами и чёрной душой.

В свете белой дуги на мрачном небе, а также желтоватых звёзд, что с высоких столбов лили свет на нэогарские кварталы – можно было увидеть всеобъемлющие восстановительные работы. По крайней мере, они усердно велись днём; ближе к ночи, нэогары взялись за отдых. Практически все завалы разобрали, а на каждом разрушенном здании виднелись первые этапы работ по реставрации. С наступлением ночи, холодные души практически исчезли с улиц; если кто и остался, так это патруль.

Совокупность плюсов для нэогаров усложнила задачу мстителю, оставшемуся в Империи. Но, не смотря на это, ещё до наступления одиннадцатого часа ночи – последний человек среди холодной расы, показался напротив ворот внешней дворцовой стены. Новые ворота установили первым делом, а любой кирпич, в пригодности которого закрались сомнения, заменили на новый. Как и полагалось в такое время, крепостную стену укрыли мрачные тени. Тем не менее, осторожному в каждом движении мстителю, удалось разглядеть самураев – недавно созданных Чаном пешек. Мужичку, впервые их увидевшему, было плохо понятно, что это за твари, и на что они были способны. Также он не вразумлял сколько их было вокруг стены, зато точно понимал – двоя стояли прямо у ворот, и ещё двоя на самых поворотах за видимые края. С их позиций, область у дверей, вероятно, была недоступна, да и смотрели они точно перед собой, даже не шевеля маленькими головами.

Мощеная тропка, ведшая от самых дверей главного в Империи замка, пролегла через мостик, что в свою очередь переправлял пеших через ручеёк, быстрый и кристально чистый. Вымокший в его мелких водах человек выбрал выгодную позицию для наблюдения из-под креплений моста, и пока вода прозрачными локонами стекала с него – обдумывал свой план.

Безупречно тихо он извлёк из-под мрачной накидки собственноручно заточенную полосу железа. С разгона максимально быстрого, какой возможен был подуставшему мокрому человеку – мужичок вонзил «клинок» в глаз первому самураю, около правой двери. Развернув меч остриём к левому охраннику, он разрубил часть головы первого, и отсёк всё, что превышало глаза – второму. Оба самурая, не издав ни звука, грохнулись на землю – словно неисправная кучка металла. Мститель проделал убийства настолько тихо, настолько умело и талантливо, что сам не поверил своему мастерству. С нэогарами, что дежурили у врат раньше, было бы труднее... а эти пустышки лишь предприняли первые попытки обороны, когда его заточка отделилась от правой головы.

Скрежет стали и металлический звон обмякших доспехов мог бы навлечь беду, но нет, другие пары самураев смотрели в свои стороны. Пустоголовые пешки – проигнорировали нападение.

Вскоре через венец каменной ограды перелетела верёвка с

толстым крюком и, держась за соломенного цвета трос – последний человек Империи предпринял беззвучный подъём, где стыки меж крупными кирпичами служили чем-то схожим со ступенями. Уцепившись пальцами за самый верх, мститель осторожно выглянул из-за последних камней свежей кладки. Его внимание наткнулось на вход в сам дворец. Достигнув глазами грань видимости дверей замка – его очи округлили кентавры, монументально стоявшие по бокам от дверей. Некогда бронзовые половины калитки, если и осталось теми же, то потемнели и сменили орнамент; после рабского побега, главные амбразуры обратились руинами... Картина перемен явно удивила бессмертного Империи, но округлые глаза быстро сменились на решительные, после чего висевший человек – приготовил небольшой пистолет. К его короткому дулу крепился глушитель – по всей видимости, самодельный. Парой точных выстрелов – мужичку удалось прострелить глаза обоим кентаврам, сохранив былую тишину. Конские стержни под ними искосились, и табунщики упали, с разбитым и тусклым глазом у каждого. Перецепив крюк с верёвкой – билет сквозь внешние стены, мститель с комариным свистом спустился внутрь дворика владыки континента.

Красоты ради, на последнем этаже дворца слабо горели симметричные бра, а во имя безопасности, в это самое время – генерал имперской армии и двое его подчинённых, шагали по широкому коридору. Обычно не было нужды за-

ниматься чем-то подобным, но обычно – прижавшись к стенам коридора не стояли кентавры, чередуясь с самураями через одного. Они были неподвижны и бесшумны; на нэогаров, проходивших мимо – реакцию не изъевляли. Но это не означало, что они расслабились; у самураев в готовности держались клинки, у кентавров – жезлы.

– Генерал, разве не опасно зачислять не прошедших испытания воинов в личную охрану императора? – спросил идущий шедший Кана подопечный, уж очень рвавшийся к ореолу.

– Император технологу доверяет, в отличие от меня. Властитель счёл правильным тестировать пешек временем, с чем я не согласен. Мы допустим это, но всегда будем на чеку, – Кан был учтив как сын с отцом подле Вэнтэра, но вблизи собственных подчинённых, умел держаться как истинный атаман. Он не оборачивался, когда говорил с кем-то ниже себя, и никогда ничего не спрашивал. Его рвение уберечь повелителя заслуживало похвал, но генералу было невдомёк, что тёплый мститель уже успел пробраться внутрь замка через окно, иначе он бы не покинул последний этаж, оставив сильнейшего нэогара, ставшего мальчиком, на попечение непроверенным пешкам.

На первом, просторном этаже готического дворца – нелюдимый мужичок не встретил ни единой души. Среди множества арок, украшений, ювелирных ценностей и наследственных нэогарских достоинств – в тишине блуждала только

пустота. Тихо прокравшись к широкой винтовой лестнице, мститель прижался к стенке и, обхаживая ступеньки – крепко сжал оба своих автомата. На следующем этаже, украшенном не менее роскошно, мстителя засёк первый нэогар. Едва ли он приготовил табельное оружие к огню, мужичок устранил броненосца пульей в самый глаз. Звук от выстрела раздался чётко, в такой-то тишине; даже помощи глушителя было достаточно. Но выбора действий у диверсанта не было, поздно стало сетовать на случившееся. Оставалось только бежать, и бежать так, как ноги его не торопились ещё никогда.

Каждый грядущий этаж, как оказалось – охранялся всего одним нэогаром, которого мститель при первой же возможности пристреливал. На бегу, его меткость стала такой же шаткой, как пламя свечи на ветру, и далеко ни с первого раза удавалось отнимать у противника жизнь.

Звуки выстрелов разносились по замку, как грозовой гром после ослепительной молнии; из-за шума, охранники верхних этажей спускались на нижние, где их ждала пуля, выпущенная с мольбой угодить в глаз. Весомая проблема возникла тогда, когда закончились патроны, и мстителю пришлось перезарядить оружия. Тогда-то он и получил первые раны: сильный удар в грудь и задетое пульей ухо. Отбив нападение врага клинком, выдернутым из-за спины взмахом таким резким, что развод отобразил серп – бессмертный заимел преимущество. Но польза оказалась скоротечной; после

пары успешных парирований стала сломалась о сталь, высокой ценой отбросив недобитого противника.

Мститель бегом помчался по ступенькам и, убивая охранников на лету – наконец поднялся на последний этаж. Оказавшись там, среди роскошных стен просторного коридора, мужичок с укрытого плащом и тенью пояса сорвал гранату, отделив смертоносное ядро от чеки. Взрывчатка тотчас отправилась на лестничный пролёт, и едва скрылась в тенях и гуле рвавшихся кверху солдат, как жестокий и беспощадный рокот взрыва пожрал путь на верхний этаж.

В красном зареве кончины лестничной клетки, тени лучшего яруса увяли, и облегчённый своей победой мятежник развернулся к цели – коридору лично императорского этажа. Беззаботность и лёгкость в миг сползли с его лица. На арене показались пешки прославленного Чана, в невиданной прежде концентрации.

Не потребовалось и трёх секунд, чтобы недалёкие вояки приняли человека за врага. Ближайший к цели кентавр, а за ним и самурай – пустились в бой.

Мститель взревел, криком пробуждая остатки смелости и сил. Выбор действий сгорел вместе с лестницей, так что бессмертный пустился на таран. Ещё с расстояния ему удалось множеством неточных выстрелов убить первых напавших тварей, и даже навсегда уложить самурая второй волны. Но на этом успехе – автоматы опустели. Удобным оружием обладали кентавры – у их жезлов не могли иссякнуть заря-

ды. Как раз таким, алым стукотом энергии, ударил ближайший кентавр, целясь точно в нарушителя. Тут себя и проявила неуклюжесть полуконя в узком коридоре: мститель извернулся, и залп лишь испортил пол.

Выкинув бесполезные автоматы вперёд – каратель обнажил поломанный клинок и с ним – пустился в бой.

Пока нескладные кентавры со всех сторон пытались ударить его передними лапами или напрыгнуть сзади, человек пронёсся между ними и ловко уворачивался, хотя изворотливые самураи изрядно ему мешали. Только из-за них, он получил множество серьёзных, глубоких ран; пару раз его ударили об стену и пронзили насквозь клинком – к счастью, не в смертельной точке. Но даже в этом танце с болью и соревновании со смертью, мститель – не собирался уступать. Таким тяжким путём он добрался до своих автоматов, крепко их схватил и, запрыгнув под ближайшего кентавра, прикрываясь от удара самурая. Этого времени ему как раз хватило, чтобы наспех перезарядить оружия и меткой пулей – прострелить головы ближайшим меченосцам. Выбравшись из-под бушевавшего зверя, мститель спиной вперёд рванул к дальним дверям. Вражина помчались к нему с обеих сторон, отрезая пути отступления и перекрывая тьмой своих лат сам кислород. Но чудеса судьбы, как показала практика, любили людей; после череды удачных залпов, человек присел на корточки и позволил тем врагам, что были позади – столкнуться собой всех тех, что спереди. Моментально подскочив в пол-

ный рост – смельчак, в окружении яростной стали развернулся туда, где виднелась последняя дверь этажа: его цель, его мишень, и его смерть. Ведь там, по мнению императора – теплилось лучшее место для спальни.

Подбежав к заветной двери на близость прицела, мститель прострелил дверную ручку. Его лицо впервые оттенило верой в собственный успех, как тут же исказилось гримасой страдания; в спину человека ударил выстрел кентавра. Алый сгусток энергии поразил самый центр поясницы, и сдавленно застонав – человек рухнул. Он растянулся прямо перед дверью в покои Вэнтэра; его голова пала как раз по центру входа. Сжав левую руку в кулак, стиснув зубы и наплевав на страшную боль – мужичок замахнулся. Он почти выбил плотную дверь, когда его кулак с громким хрустом прижала к полу неогарская нога. Неудачно попытавшись крикнуть, скованный болью мститель, с трудом поднял очи. Если вначале они горели ненасытным гневом – стоило увидеть возвышавшуюся фигуру Кана, как глаза блеснули безмятежной кротостью. Это стало ответом на холодный взгляд недовольного генерала.

– Чёрт! Как? Как ты здесь оказался? – едва слышно, хрипло спросил мститель.

– Ты наделал столько шума. Неужели считал, что я не вмешаюсь? – непреклонно ответил Кан, покачав головой. Зелень его глаз никогда не была такой томной.

– Он... он замучил, убил, заморил голодом, лишил кро-

ва и друзей стольких людей... Как, как такой как ты, может служить ему? Служить такому демону? – выплюнув густую кровь, проговорил мститель, всеми силами стараясь встать.

– А кому, по-твоему, следует служить? Верить в добро, справедливость, и закончить, как ты? – не отрываясь от мстительных глаз, спросил генерал. – Уж лучше служить демону, но быть уверенным в завтрашнем дне. Не считаешь?

Под звуки генеральского голоса, мстителю удалось направить руку с автоматом в сторону двери, и лишь немного приподняв дуло, он спустил курок. Кан сего не ожидал, и явно изумился, когда дверь с тихим скрипом приоткрылась. Затаив дыхание оба соперника заглянули внутрь, и почти сразу увидели императора. Он, подпирая рукой подбородок, смотрел в приоткрытое окно. Помимо пижамы, на его плечах колыхался шёлковый халат – насыщенного фиолетового цвета с богатыми золотыми плетениями. На лёгком прохладном ветру, вместе с тёмными непослушными волосами, слегка развивались рукава халата – свисавшие на подоконник. В тусклом белом свете далёкой луны, его безразличное лицо, хотя оживлённый взгляд – казались ещё более холодными.

– Красиво сказано, Кан, – проронил император, так и не оторвавшись от окна.

– Вы не спите? – удивлённо спросил генерал, позабыв обо всех манерах.

– Такой шум и мертвеца разбудит, – наконец повернувшись, сонно ответил Вэнтэр. Он просунул руки в рукава ха-

лата и, завязав пояс – медленно зашагал к мстителю.

Внимая звуки поступи, измученный Менос, по-прежнему сжимая зубы – снова и снова сжимал курок. В ответ, доносились лишь пустые постукивания внутри ружья. Под их мелодию, монотонную и пронзительную, чёрные мстительные глаза медленно закрылись. Пальцы его расслабились, отпустив курок.

– Ты знал его? – спросил император, приблизившись к человеку. В его взгляде – читалось отвращение.

– Да. Он был одним из зачисленных в армию людей, – убрал ногу с кулака мстителя, ответил генерал.

– А-а-а, вот откуда столько боевых навыков, – смотря сверху вниз с прямой шеи, владыка потыкал ногой тело. – Раз уж он сам помер, уберите его отсюда, – повернув голову к самураям, распорядился Вэнтэр.

– Менос был смелым и сильным человеком. Позвольте похоронить его, как погибшего воина? – без переживаний, хотя с некой тоской, попросил нэогар.

– Ты кое в чём прав; не смотря на глупость, он достоин уважения. Этим меня и поражают люди, – отходя от Кана, начал император. – В них столько сил, хотя они так слабы. Наверно именно поэтому, они сумели дважды обставить нас, – медленно уходя от спальни, устало закончил Вэнтэр.

По указу его, ему и генералу для спуска подставили лестницы, и пусть такая стезя была опасна и малоприятна, властитель отказался от помощи. Кан сопровождал его, избегая

демонстрации своей опеки, а позади держались самураи, переносившие погибшего нарушителя.

– Я всё реже и реже понимаю, о чём он говорит, и что думает, – прожигая лесной зеленью невозмутимый затылок покорителя, безмолвно проронил Кан. – Неужели, это и есть разница, между людьми и нэогарами?

Словно бы ощущая очередную смерть обездоленного собрата, будто бы прожив это вместе с ним, Джаин, проснувшись в небольшой уцелевшей комнате одного из подбитых жилых домов, встал со старой расцарапанной кровати. С великим революционером её делила та самая девушка – показанная на собрании. Она была отвёрнута в другую сторону и не заметила, как проснулся бунтарь; Джаин, понимая это, прикрыл её раскрытые голени одеялом, после чего подошёл к окну. Посмотрев через стресканное стекло на часть людских поселений и тусклые звёзды, во главе которых плыла яркая луна – великий бунтарь понурено вздохнул. Он погрузился в безрадостные мысли, когда на его плечи легли нежные и тёплые руки Марины. Вздогнув, Джаин лишь растерянно проговорил:

– Ой, прости, я разбудил тебя?

– Не переживай... хоть мы долго не виделись – я не разучилась примечать, когда тебе тяжело, – стараясь спрятать смущённые глаза, не отпускала она предводителя.

– Всё-таки, ты удивительна. Именно ты стала первой выращенной мной и Чаном женщиной, из-за чего первые пол-

года жизни провела вдали от всего мира. Единственным, с кем ты контактировала – повезло стать мне. Вот ты и привязалась к великому бунтарю, – засмеявшись, развернулся Джаин к Марине.

– Может ты и прав... но ещё с того дня, когда ты дал мне имя и рассказал о моём предназначении – я уже чувствовала что-то необычное, – прижавшись к Джаину посильней, рассказала девушка. – Может, поделишься со мной, своими переживаниями? Тебе полегчает, – наконец подняв голову, нежно взглянула Марина бунтарю в глаза. Джаин с улыбкой выдохнул; это должно было стать смехом, но стыдливость подавила его. Повстанец, не размыкая уст, изгибал их, уводя за собой девушку. Присев на жёсткий матрас, выслушав скрипы старых ножек кровати, великий бунтарь погрузился в воспоминания тех далёких дней, когда соиздание Гега-ра только пережило зарю. Его карие, такие же как у Марины глаза, словно бы увидели то время, и он приступил:

– Дни, когда нас только возвратили в Империю – самые худшие на моей памяти, ведь мы за какой-то жалкий месяц лишились всего, от бессмертия, ради которого были созданы, до свободы, к которой едва прикоснулись. Но как минимум я – не лишился надежды, и заразил ею Чана, главного технолога нэогаров, который не меньше моего негодовал над смертностью, и боялся нашего исчезновения. Полгода мы с ним перекладывали основные занятия лаборатории на штат, а сами корпели на схемами строения королевы Маг-

ны. Я считал себя таким мудрым, таким всезнающим, – Джаин с улыбкой покачал головой, словно ему стало за это стыдно, – хотя Чану так и приходилось обучать меня чему-то тому, что я доселе не знал. Мы перерыли все генетические открытия умнейшего нэогара, наложили их на древние документы эксперимента с Магной, и к концу первого года, сотворили настоящее чудо, – судя по взгляду блеснувших глаз, это не было только гордость за открытие, но и задумывалось как комплимент Марине. – Мы вырастили тебя.

Никогда первейшему рабу не забыть тот день, с которого начался отсчёт жизни первой женщины. День, когда от неё отпрянула зелёная жижа, стекло пустило на кожу свежий воздух, когда Джаину выпала честь обтереть её, и помочь одеться. Прочие люди переносили это стойко, как монументы, смотрели прямо, молчали и не шевелились, пока их не двигали. Но Марина была другой... она активно помогала себя одевать, в очах её с самого начала пылал огонь, и только она заговорила первой, прежде, чем услышала что-то сама. «Я так рада знакомству» – вот, что она сказала, хотя не знала ни своего имени, ни Джаиного.

– Чан тогда был занят, и не мог присутствовать при этом, но без него всё равно ничего бы не было, – эти слова невольно навлекли на революционера тоску, из-за отсутствия преподавателя, и собственной ничтожности в замке императора. – Без него не обошлось и в продолжении. Именно он организовал для тебя укрытие, недоступное другим нэогарам.

Ты наверняка помнишь, что было дальше... следующие полгода к тебе приближался только я, – эта мысль стала приятной для них обоих; под этими словами явно таилось больше воспоминаний, чем они были готовы озвучить. – И вот подошел тот изумительный день, когда твоё чрево наполнилось жизнью, – по старой привычке ладонь Джаина легла Марине на живот, уже давно ставший плоским. Умилению его лица от памяти того момента, когда оттуда его что-то толкнуло, не было конца, а Марина лишь хмыкнула, своими руками сжав персты бунтаря.

– Жаль, что ты не видел, как она его покинула. И жаль, что это случилось лишь раз...

– Ты уж прости, пришлось приврать про ещё двух детей, – осёкся Джаин, понимая, что этот поступок порочил его, но был необходим. – Твой статус это помогло взрастить, и эффект на люд произвело желаемый. Надеюсь, ты не обижаешься? – трепет в голосе принудил понять, что предводителя это тревожило.

– Если и ты не злишься, что я прервала тебя. Продолжай, – попросила девушка.

Джаин на секунду задумался, но затем отодвинулся и промолвил:

– Чан помог мне даже после успеха, когда знал, что ты беременна. Он выкупил десяток рабов, подкупил всех, кто мог стать угрозой, и незаметно для общественности, тебя выслали в Еврозию, – с этими словами кадры всплыли отягоща-

ющие, но тогда оба человека радовались. Марине надоели прятки, а Джаину больше не приходилось за неё бояться, и пусть тогда они надолго расстались – это было светлым вечером, и дело не в яркости луны или звёзд. – Успех опьянил меня; стыдно признаваться, но я приступил к дальнейшему процессу возвращения женщин даже прежде, чем ты добралась до Евразии. Чану переживать успех было проще; он нэогар, и подобное с ним уже случалось. Если бы не его участие, я бы точно прокололся и был казнён... Я хотел в неделю выводить по десятку новых людей, но Чан заставил довольствоваться тремя, и спасибо ему за это. Тем же путём их переправляли в Евразию, и так же, как ты, они здесь по сей день.

– И у каждой уже по два, а то и три малыша, – в шутку насупилась Марина, – а у меня всего один, зато самый старший, – эта мысль растянула уста Марины в улыбку. – Ты хоть помнишь, сколько Артуру лет? – мать первого дитя планеты смотрела так хитро, что очевидно не сомневалась в знаниях бунтаря.

– Три года и три месяца, – без раздумий ответил Джаин. – надо будет завтра же навестить его, а то так и останусь для сына чужим дядей, – с этими словами сердце Джаина что-то кольнуло, хотя он пошутил, и прежде в душе его страха за это не было. – Я очень дорожу нашей семьёй, но это ведь не похоже на семью? – взгляд карих глаз хотел поддержки, но в зеркале души Марины обнаружил лишь согласие. – Ни-

чего, мы обязательно вернём укрытых детей матерям. Когда всё, наконец, уладится, образумится, когда мы убедимся в невмешательстве Империи и создадим в Евразии достойные условия, семьи воссоединятся, но пока, это слишком опасно. К тому же, нам на возделывании целины нужна любая помощь, важна каждая рука, и вклад свой вносят даже женщины, – Джаин сжал руки матери своего ребёнка, то ли согревая её, то ли греясь самому. – Ради возведения свободы.

– Да, я понимаю, и не могу дождаться того дня, когда Артур вернётся к нам, – блеснув мечтательной улыбкой, согласилась Марина. – Но неужели угроза настолько велика?

– Император не умеет проигрывать, я отлично это осознал. Я никогда не прощу себя, если хотя бы один малыш пострадает... – махнув головой, выдавил Джаин, сильнее стиснув пальцы в бездумном гневе.

– Я хотела бы помогать в том укрытии, где содержат детей, – скованно буркнула Марина, решив, что настал подходящий момент. В глазах её, что пытались спрятаться, был намёк на смущение, ведь она просила лёгкой работы над любимым делом, но вовсе не по лени своей, а из любви.

– Народ знает, что мы с тобой вместе. Знает, что у нас общие дети, но не знает, что ребёнок всего один. Пока, тебе лучше держаться здесь, рядом со мной, и быть примером для других девушек, которым не смогу стать я, – быть вождём гораздо труднее, чем грузчиком. Чужие жизни и судьбы не давят на спину, зато сжимают душу. А её вылечить гораздо

сложней...

Марина не смогла скрыть огорчение, но поправив волосы, и отчистив от них лицо в форме сердечка, она обольстительно улыбнулась, и придвинулась ещё ближе, хотя это казалось невозможным.

– Может, мне стоит догнать других рожениц, ведь такой пример будет наглядным, – ответ на это мог быть лишь один – поцелуй.

В завязавшемся споре за право прилечь поверх своей любви, выиграл Джаин. Он избавил Марину от пут ткани на бархатистой коже, не препятствовал её тёплым рукам в том же деле с собой, и не позволял их устам разомкнуться на дольше, чем пара мгновений...

На глазах этой бледной, одинокой луны, свершилось многое. Убийство, предательство, страсть, любовь, но белёсое око ночей вторгло свой тусклый свет, а значит и взор, в место последнего происшествия ночи. В лабораторию замка Вэнтэра, где свой пост держал последний, самый стойкий из умных нэогар.

Свет снопами таранил окна, и только его лужи сгоняли с Чана тени, только свет экрана, работавшего перед ним – противостоял красноте его маленьких глаз.

– Так и не закончил Джаин расчёты, а с ними было бы куда проще довести это устройство до ума, – прогундосил профессор, не отрываясь от монитора. – Хотя, оно же к лучшему. И он, наконец, свободен, и я снова буду рассчитывать

только на себя. Только так, не придётся испытывать разочарование... – с наигранной бодростью проговорил Чан, пряча тоску и грусть где-то в глубине себя.

Только его голос утоп в тишине, как свойственный открытию двери звук прошёлся по пустому цеху. За ним раздались шаги самураев, один из которых был цел, а другой без руки. Позади зацокали кентавры, один с поломанной ногой, а второй с разломанным жезлом. В «квадрате» солдат стоял император, чьи людские шаги не были слышны на плитах лаборатории. Властитель успокоился, хотя лёгкое недовольство, стало чертой его внешности такой же обыденной, как краска на лице Чана.

– Рад, что ты всё ещё здесь. Я думал, сбежишь, – без особых эмоций, сказал мальчик, и позади него закрылись двери. Точный как стрела взгляд сапфировых глаз вцепился в учёного.

– Вы очень зря продолжаете во мне сомневаться. Я не покину свой дом, – заверил Чан. Окинув взглядом недавние творения, он спросил, искажившись волнением:– У вас, я вижу, что-то случилось?

– Да как сказать... моя новая охрана сдавала тест на пригодность. Свою тройку эти создания заработали... – с непонятным настроением, поведал Вэнтэр.

– И вы, в столь поздний час, решили мне об этом сообщить? – учтиво продолжил опрос учёный.

– Не совсем. В принципе, мне было ясно как белый день,

что в Империи останутся людишки, желающие отомстить. Один из них только что проявил себя, само с собой неудачно. Вообще-то, именно таких глупцов я и планировал использовать как испытание твоих солдат. Теперь мне ясно, что только этих пешек, для моей безопасности не хватит, – отведя руку в сторону, заявил владыка.

Чан, уже более недовольно, хотя слегка растерянно, изрёк:

– Если в моих нэогородах есть конкретные недочёты, я исправлю их.

– Твои нэогорода замечательное пушечное мясо; нет смысла их переделывать. Хотя на металл для самураев, ты поспешил; их покромсал даже простой клинок, – насмешливо сообщил воевода. – И название, кстати, неудачное – самураи вымерли за тысячи лет до нашего создания... – качая головой, затараторил император.

– Если вы не хотите вносить коррективы в производство самураев и кентавров, – позволив себе сесть в кресло, начал профессор, – то чем я могу быть полезен?

– Новой разработкой, – Вэнтэр точно не хотел, чтобы край его губ загнулся, но он сделал это.

Явив мимолётное удивление, Чан в своём кресле напрягся, но заговорить не успел.

– Никто не обеспечит мне большую безопасность, чем я сам. Поэтому, я хочу, чтобы ты создал мне личное защитное устройство.

Вняв поручение, Чан не столько удивился, сколько расте-

рялся.

– Какое, к примеру? У вас есть задумки?

– Пока я переваривал итоги нападения того смельчака, я понял, что человеческий потенциал – никогда не превзойдёт нэогарский. Совершенно любой человек – проиграет совершенно любому нэогару. Моё тело бессмертно, оно не стареет, чем очень мне нравится, – собрав руки на груди, сменил владыка рассеянный взгляд, на уверенный, – но раз уж речь зашла о моей защите, мне нужен ещё один покров; само с собой, нэогарский. Он должен всегда быть при мне, возможно частью меня, но при этом, не лишать меня этого облика, – замолчал мальчишка, указав руками на своё лицо. Хоть ему было что добавить, он решил дожидаться реакции Чана.

– Каждая новая ваша идея, в разы сложнее предыдущей. Наверняка следующим поручением, станет машина времени... – пряча глаза, выдал разработчик.

– Мне воспринимать такую колкость, как отказ? – хмыкнув, переспросил Вэнтэр.

– А у меня есть право отказаться? – смело узнал учёный, косо смотря на владыку.

– Само с собой, заставлять тебя я не в праве. Помилование ты заработал, создав новых нэогаров. Я сдержу своё слово и не трону тебя. Если ты не хочешь за это браться, придётся искать других разработчиков, – начиная разворачиваться, пояснил Вэнтэр.

– Думаете, такие найдутся? – окликнул императора Чан, и сразу добавил:– Ваша просьба поистине трудна.

– Именно поэтому, я обратился сразу к тебе; не зря ведь, ты лучший технолог Империи, – строго глядя на Чана через плечо, ответил Вэнтэр без спешки.

– Я осмелюсь вам кое-что предложить, и, надеюсь, вы не решите меня казнить.

Император, медленно развернувшись к учёному лицом, хрипло произнёс:

– Я тебя слушаю.

– В обмен на совершенный девайс, обеспечивающий вас нэогарским покровом – вы отмените все военные планы и намерения относительно Евразии и людского народа. Вы больше не станете пытаться вернуть их в рабство, и оставите жить своей жизнью! – на повышенных тонах отрезал Чан. Вэнтэра это лишь на секунду удивило, а затем позабыло.

– А в случае, если они сами подадут инициативу к военным конфликтам? Если начнут зажимать наши границы или снова попытаются на меня напасть?

– Я уверен, они не позволят себе такой глупости...– замешкался учёный, не ожидав сего ответа

– Но, если такое всё же случится, я получу право вести ответные ударные операции? – будто получая удовольствие от торга, поинтересовался Вэнтэр.

– Да. Хотя я убеждён – вам не придётся. На таких усло-

виях, я со всем согласен, – когда договариваешься с такими, как Вэнтэр, необходимо быть уважительным. Чан поднялся с кресла, в знак почтения.

– Значит, мы договорились, – спешно шагая к Чану, подвёл Вэнтэр итог, протягивая ему тонкую человеческую руку. Под едва заметной улыбкой на детских устах, их ладони скрепило рукопожатие.

– Уже завтра я займусь замами и первыми планами, – пообещал Чан.

Опустив руку вниз – император, глядя учёному в глаза, лишь добавил:

– Хорошо. Буду ждать более точных сроков, и вестей, – после чего развернулся, собираясь уходить. Когда его охрана закрывала двери – мальчик соизволил, глядя через плечо, промолвить:

– Удачи в разработках, – и двери захлопнулись.

Оставшись в тусклом лунном свете и полной тишине – взбудораженный Чан, медленно шагая к выходу, с тенью недовольства, рассудительно проронил:

– Надо же, а я думал, он казнит меня... Видать тема его безопасности стала слишком острой, раз он впервые согласился кому-то уступить, – скидывая халат, определился профессор.

Вэнтэр, держа сложенные руки у груди – стандартным шагом возвращался на свой этаж, в окружении почти целых охранников. Покоритель шёл ровно и смотрел прямо. Каж-

дое его движение, не говоря о лице – преисполняло высокомерие и самодовольство. Несмотря на это, он, продолжая шагать – засмеялся, и опустил голову вниз. Тихо посмеиваясь, воевода отвернулся в пlyingшие на стенах окна и, широко улыбаясь, молвил:

– Всё же, не зря этот нэогар стал президентом «Объединенных научных ассоциаций империи», – замедленно произнёс он. – Чан не просто лабораторная крыса. Помимо научных познаний, он обладает прекрасным рассудком, да и с логикой у него всё отлично. Знает, что я не решусь от него избавиться и пользуется своей незаменимостью. Это поражает даже сильнее, чем раздражает, – склонив голову на бок, рассудил он. – Мне – ради собственной безопасности, пришлось пожертвовать половиной империи... хотя, я всё равно не планировал снова возвращать рабов. И Евразия мне не нужна. Но, как ни крути, я ощущаю себя проигравшим... – опустив руки вниз, Вэнтэр зачем-то поднял голову вверх, уперев взгляд в потолок. – Да ну, уж Чан создаст что-нибудь действительно шедевральное. А проблемные людишки и континент-свалка – не большая цена...

7 эпизод. Кулак

Отколовшийся от жестокого металлического родителя – ущемлённый людской народ, впрочем, как и его создатели – с головой пустились в разрешение огромной кучи нависших проблем.

Немного больше года потребовалось на расчистку основ-

ного Евразийского мусора. Всё, что только сумели обратить в пригодные к повторному использованию материалы – стало основой первых подобиий поселений. Ещё за год, примерно в центре людской цитадели – раскинулись небольшие деревеньки, состоявшие из маленьких домиков, базарчиков, небольших заводов и первых фабрик, призванных возвращать в Евразию дух прогресса. Почти во всех скромных домах жили семьи – дружные первые семьи. Пока молодые девушки держали хозяйство и следили за детьми, чей контраст характеров и нравов не поддавался счёту, их мужья трудились на благо своего народа.

Среди множества профессий осталась и обязанность следить за Гегаром. Он степенно возвышался на самой границе заселенных земель и пустошей, которыми только предстояло овладеть. О нём круглыми суткам заботились выбранные мастера, прошедшие серьёзную подготовку. На его содержание выделили целых двести человек, дабы ни один уголок гиганта не остался без заботы. Понимая важность такого идола свободы, как Гегар – Джаин лично возглавил ответственных за его сохранность, и сам проверял выполнение работ внутри него. Громадину по сей день поддерживали в постоянной боевой готовности, ведь только Гегар мог стать гарантом людской свободы.

Как раз к тому времени, когда солнце скрылось за горизонтом, и на небе загорелась первая пара звёзд – в труднодоступный кабинет Джаина пожаловал гость. Толстоватый

мужичок, на вид лет сорока пяти, приодетый в деловые вещи, с круглыми очками поверх узких глаз – никак не мог отдышаться. Это не удивительно, ведь ему пришлось пройти свыше тысячи ступеней внутри Гегара – чей командный центр стал кабинетом великого бунтаря.

– Извиняюсь за грубость, но вам давно следовало спустить свой рабочий зал на землю, – часто вздыхая промеж сжатых руками коленей, промямлил пришедший.

– Я каждый день, и каждый вечер, добираюсь сюда и отсюда, – откладывая бумаги, учтиво начал революционер, чей облик, по большому счёту, сохранился. – Не считаете хамством, так запускать дарованное вам тело, что затрудняетесь пройти дистанцию, лёгкую для вашего равесника?

– Думаю, стоит сразу снова извиниться, – наконец отдышавшись, продолжил мужичок, – но я не перестану отвлекать вас, пока не добьюсь чёткого и заверенного документально ответа: Когда в Евразии появится государственная армия? – подойдя вплотную к столу предводителя, закончил министр.

– Вот уже больше пяти лет, – опуская сложенные руки под стол, промолвил первый раб, – Империя никак себя не проявляет. По поводу возможных угроз было собранно множество советов, на которых голосованием было решено установить круглосуточное наблюдение за всеми направлениями вокруг поселений и сформировать отряды ответственные за чрезвычайную эвакуацию людей. Также существует

специальная группа, необходимая для моментальной активации Гегара, – разъяснил бывший повстанец, безмятежно сидя на стуле.

– Существует мнение, что маскируя истинные цели под безразличием – Империя копит силы на вторжение в Евразию. Гегар утрашает, я согласен, но многие считают, что мы обязаны сформировать Евразийскую рать, и как можно скорей приступить к её тренировкам! – повысив голос, воскликнул гость.

– До тех, пор пока в нашем распоряжении есть Гегар – мы не нуждаемся в дополнительных защитных органах. Рабочую силу и без того есть куда расходовать, рук нигде не хватает. Этого монстра, – разведя руками, – хватит для обороны! – отрезал Джаин.

– Империя действительно уже более пяти лет не напоминает о себе. Будто мы совершенно не нужны нэогарам. За такое количество времени – можно было накопить военную мощь, превосходящую потенциал Гегара, ведь его вооружение не модернизируется так же быстро, как вооружение Империи, – перейдя на низкие тона, напомнил министр. – Евразия сейчас уязвима, а значит под угрозой – все мы! Я не хочу ничего требовать или надоедать, но прошу, как следует рассмотрите идею формирования армии на нашей территории! – не сходил со всей идеи пришедший человек.

– Я не вправе обмануть надежды нашего народа или действовать самостоятельно. В Евразии пройдёт всеобщее голо-

сование; по его итогам, будет принято окончательное решение, – медленно поднимаясь со стула, объявил король.

– Благодарю, что уделили внимание, – приклонив голову, плавно развернулся мужичок. Когда двери закрылись, отрезав гостю обратный путь – великий бунтарь рухнул на стул. Развернувшись к мониторам, что ещё со времён спасения людей отображали пустынный пейзаж, он убрал руки за голову. В тишине растворился тяжёлый вздох.

– А какое решение приняли бы вы, Чан?

За прошедшие со времён рабского побега годы, Империю с лихвой успели восстановить. Ровные здания – обитель богатых томных украшений, вновь наполнили нэогарский континент, придавая ему угрожающее величие.

Свои охранные посты заняли сгруппированные отряды самураев и кентавров – в чей строй не было внесено изменений. Пользуясь лишь подобием рассудка и обладая чёткими указаниями, они превратились в прекрасный низший слой.

Трудами покорённых народов, как и народа покорителя – по воле императора отстроили арену «Бойсдракс». На восточном полуострове Империи – там, где в океан уходил просторный земляной «балкон», отдалённо напоминавший полукруг – возвышался теперь железный монолитный амфитеатр. Круглая арена радиусом в десять метров, из прочнейших титановых сплавов – окружалась множеством цельных зрительных мест, похожих на длинные скамьи. Все сидения держались на высокой, невероятно толстой

внешней стене, что являлась замкнутой в самой себе границей этой конструкции. Снаружи, арена походила на гигантский широченный цилиндр, края которого вблизи не получалось разглядеть. Изнутри же, это были возвышавшиеся от ринга зрительские места, способные вместить до сотни тысяч нэогаров. За восточной стеной, той самой, на которой держалось роскошное ложе императора – постоянно бурлили океанские воды. Частые волны снова и снова плескались о холодное железо. Шумные столкновения океана и арены мешали только на востоке – там, где беспокойная вода омывала стальную конструкцию. С остальных направлений – стена оставалась сухой; там же, не идеально чистой.

Вэнтэр, чей облик ни претерпел ни единого изменения, неделями на пролёт любовался жестокими масштабными бойнями. Сидя под навесом ложа и вкушая свежие фрукты, он отменно видел все детали сражений. Не могла остаться без внимания его правая рука – знамя новейшего подарка Чана. Практически до локтя кожу юного тирана сжимала стальная перчатка – будто отрубленное нэогарское предплечье. На тонкой подростковой руке этот дар смотрелся громоздко; он зрительно уменьшал пальцы, что безжизненно свисали с ладони, и расширял всё остальное; не самое изящное творение. Зато польза девайса, была неоспорима.

На закате очередного дня, проведённого на мягком троне – достойной замене хрустального престола, император объявил о завершении боёв. Победа сильнейшего за весь

день нэогара закончила ожесточённые схватки – высекавшие искры из тел соперников.

– Здешние сражения завораживают; ты очень зря так мало присутствуешь на них, – молвил довольный Вэнтэр Кану, пришедшему за владыкой. Мальчишка лениво поднялся с лежака и, пока подходил к генералу, в ответ услышал:

– Простите, я не любитель таких зрелищ...

– Всё ещё злишься, что я разрешил законно отнимать нэогарские жизни? – опередив Кана, спросил владыка, заглянув ему в глаза.

– Такой способ решения проблем как раз в нэогарском духе, но эти схватки, превратились в цирк. Ценность чужих жизней, становится ничтожной, – отвлечённо закончил генерал.

– Ты строишь проблемы на ровных местах. Благодаря «Бойсдракс» должников и преступников стало в разы меньше, а общий уровень миролюбия только возрос, – говоря на редкость быстро, возразил Вэнтэр, зашагав вперёд. – Ни к чему рушить эту систему.

– Я ведь не спорю, – следуя за владыкой, усмехнулся Кан.

Спасение генерала было там же, где проклятие – ответственность за решения он не нёс, и вину за ошибочный шаг на него не повесят, но он долженствовал устранять последствия.

Императора отлично понял бы Джаин; надобность принимать решения изрядно утомила их обоих, но если для маль-

чишки это было игрой, то для революционера – миссией всей жизни. Уже который раз она вынудила его задержаться на рабочем месте до самой ночи, до самой сени луны и звёзд. Они стали его единственной компанией на пути домой, где отца и любимого мужа всегда дожидались Марина, и пятилетний сын.

За полночь «тёплый» мир опустевал, и в тишине его приходилось избегать звуков открытия двери своего небольшого уютного домика. Джаин разулся, скинул на плечики пиджак, и дойдя до кухни, где планировал забить пустоту желудка – увидел Марину, печально сидевшую рядом с остывшим ужином. Она подпирала щеку кулаком; засыпая, на ходу пробормотала:

– Ну вот где... где твоя совесть? Ты точно хочешь, – прервавшись на зевок, замолкла она, – чтобы Артур родного отца забыл.

Вождь племени людского с повинностью хмыкнул, опустив глаза. Прежде всего, Джаин приветственно поцеловал мать своего ребёнка, и сев за стол, ответил:

– Ты ведь понимаешь, что это не так. Стройка будущего не заканчивается никогда, а мы в самом её начале...

– Случилось что-то серьёзное? Ты говоришь об этом печальнее, чем обычно, – зрачки девушки затрепетали; волнение и правда захлестнуло её. – Неужели... Империя?

– Нет, – качнул повстанец головой, и у Марины отлегло. – Ко мне сегодня пожаловал диковинный гость, – Джаин взял-

ся за ужин, но мысли его точно не отдались вкусу жаркого, – он-то и озадачил меня на весь день. Ну и ночь, соответственно, – ждавший объяснений взгляд женщины не отреагировал на запинку. – Он чуть ли не требовал сформировать армию, утверждая, что Империя неминуемо нас атакует, – вкушая всё новые порции еды, рассказал он. – Ужин, кстати, очень вкусный, – первейший раб действительно отвлёкся; хоть что-то смогло заставить его унять тревоги.

– Ага, был бы он ещё и тёплым, ты б вместе с тарелкой съел, – качая головой, молвила Марина, устало вставая из-за стола.

– Скажи, ты как считаешь, Евразии нужна армия? – с неподдельным интересом спросил бунтарь.

Совсем недавно Марина была сонной, но теперь приободрилась, как не смогла бы даже днём. – Лично я считаю, – продолжил Джаин, прекратив вкушать еду, – что пока у нас есть Гегар и мы поддерживаем его готовность к бою – страхи неоправданны!

– Гегар, говоришь? – выстрелив взором, переспросила Марина. – И, похоже, всё. Если его обойдут, шанса на победу, не останется... – затихая, подвела итог девушка. Джаин в этот момент изменился. Он не удивился, и вроде не задумался, но что-то в нём стало другим.

– Может, в чём-то вы правы. Может, нам действительно нужна армия...

Всеобщее голосование – призванное решить, стоит ли

формировать вооружённые силы – практически единогласно решило их сформировать. Но никто из людского народа не думал, что до конца человеческое войско будет создано только лишь спустя целый год. На подготовку всего необходимого для армии потребовалось уйма как времени, так и сил. Составить все необходимые планы и расписания занятий, подготовить специальные места для солдат и тренировок, разработать систему призыва и ввести столько реформ, оказалось трудней, чем планировалось. Зато, по завершению работ, и в Евразии появилась собственная, подготовленная рать.

Ох, как Вэнтэр полюбил взирать с уютных хором на взывавшие к смерти сраженья нэогаров. Хоть круглыми сутками была способна его безжалостная натура наблюдать за чужим отчаянием, но как бы ни хотелось, постоянно бои проводить не представлялось возможным. В день, когда «Бойсдракс» прикрыли на подготовку новой недели боёв – император безрадостно заперся в тронном зале. Дело подошло к обеду, бумажной волокиты был полный стол, а скука, вперемишку с ленью, душили его.

Император отложил ручку и потянулся на троне, разминая затёкшие суставы. Выдохнув, тиран расстался с престолом, сжав правую руку в кулак. За какую-то мимолётную секунду – стальная перчатка разрослась до облежавшей всё подростковое тело брони, и теперь в тронном зале стоял невысокий, но крепкий безликий нэогар. Каждый участок его бро-

ни раскрашивали серые, и в подавляющем большинстве случаев ониксовые оттенки; латы отторгали свет, мерцая ярче трона из хрусталя, но, увы, не отдавали радужными бликами. Помимо того, что подарок гениального Чана, получивший лаконичное название – Кулак, ни капли не стеснял движения, он был более, чем лёгок; даже простой ребёнок, запросто мог бы его носить. Со стороны – Вэнтэр в активном Кулаке походил на маленького нэогара; только его голова не вписывалась в стандарт роботизированной расы. Она покрывалась нестандартным шлемом, где броскими казались только стеклянные вставки для глаз. Концепт облика всего Кулака как раз и рассчитывался на создание угрозы, что навевал нэогар, не убивая при этом изящность и лёгкость человеческого тела.

Ровными спокойными шагами, за которыми прошёлся шлейф цокота стали о паркет – властитель подошёл к дверям зала и распахнул их, дабы встретить стоявшего напротив самурая. В голове вояки мигом разыгралась угроза, и практически без промедлений – самурай, вытянув свой меч вперёд, кинулся на повелителя. Он бы пронзил императора насквозь, если бы тот не подставил под удар раскрытую ладонь. Клинок, с неприятным звоном, сломался сразу после столкновения. Сжав оставшееся остриё, мальчишка поднял самурая в воздух и со всего размаха ударил об пол – напрочь выведя из строя.

К этому времени, один из ближайших кентавров выстре-

лил сгустком энергии, но Вэнтэр отразил удар собственной волной, чем возвратил выстрел хозяину. Со спины к владельцу Кулака сумел пробраться новый кентавр и, поднявшись на задние лапы – собрался ударить передними. Император лишь протянул свободную руку под брюхо напавшего, и мощным толчком прозрачной энергии – подбил его вверх, да с такой силой, что вбил в потолок.

Вэнтэр остался на месте, причём на удивление спокойным – хотя, совсем близко к нему уже промелькнули два самурая, готовые с разных сторон ударить клинками по шее мальчишки. Даже не показалось удивительным, что их совместная атака просто разбила острые оружия. Самураи проскочили мимо цели, когда император раздвинул руки и прошептал:

– Киобаку! – после чего оба щуплых нэогара притянулись к его раскрытым ладоням. Без труда подняв их в воздух, Вэнтэр размазал каждого об пол – практически полностью разломав покрытие защитников.

Владыку половины известной суши не прекратили атаковать; самураи с кентаврами со всех уголков последнего этажа пустились в бой. Но на лестнице верхнего коридора показался обескураженный Кан, что разглядев смуту – пронзительно крикнул:

– Прекратить! – после чего защитники Вэнтэра замерли на местах. Это забавляло, ведь их создали ради его безопасности, но они так бездарно держали с ним бой.

Услышав приказ, пешки мирно возвратились на свои посты, приняв безмятежную стойку.

– Кан, опять ты всё испортил! – выпрямляясь, буркнул Вэнтэр, собирая броню в Кулак.

– Я всё же отправлю этих нэогаров на внесение вашего боевого образа в их базу данных. Иначе, вы вскоре дворец без крыши оставите... – приблизившись к Вэнтэру, строго проговорил генерал, удерживая руки за спиной. Голова его приподнялась, заманивая и владыку посмотреть вверх. Действительно, на потолке красовалась глубокая вмятина, пронизанная змеистыми расколами.

– Ну почему ты такой грузный? Этими стычками, я развеиваю свою лень, – будто это в порядке вещей, бить свою охрану, ответил обиженный юнец.

– Вам стоит поучаствовать в сражениях «Бойсдракс», если так желаете выплеснуть силу. Ну а пока, вас ждут на обеде, – протягивая руку к уцелевшей лестнице, учтиво сообщил Кан. Император лишь хмыкнул, зашагав вперёд. Генерал, вернув руку за спину, проследовал сзади. А за ним хвостом не стал никто, кроме времени. Кроме хронологии живого мира, которая бесконечно спешила...

Каким бы странным историки это не назвали, но все последующие шестнадцать лет, что Империя, то и Евразия – провели в мире, покое. За это время не случилось ничего выдающегося; всё, чем занимался людской народ, это отстраивал свой континент и расширял границы мелких дере-

вень. За это время успели появиться четыре основных города, и именно города, а не поселения или деревни. Вокруг самого большого, оставшегося столицей, раскинулись ещё три, немного меньшие по размерам, но вовсе не по заселённости. Вдоль ровных улиц, по которым ездили первые автомобили, расположились мощёные тротуары, по которым свободно передвигались люди. Это чувство: спешить куда-то среди своих собратьев и знать с уверенностью: любой твой поступок – тень твоей воли, и ничьей больше, невозможно было передать.

Большинство людей, ещё помнивших рабство – состарилось; сосуды их душ изнашивались, запачкались морщинами, заостенели, покрылись пятнами, а волосы на выдавших всякое головах поредели и поседели; их жизни не были сказкой. Собственно, и жизни у них долго не было... Улицы наводнили молодые юноши и девушки, а так же их пока лавирующие на грани преклонности и свежести мамы.

Вождь Евразии, а именно так прослыл в народе Джаин, сохранявший уважение и почтение на протяжении всех прошедших лет, наконец, решился на ответственный, неизбежный поступок. Осознавая свою неминуемую смерть, когда бы она за ним не явилась – он объявил имя приемника, которому вверит пост предводителя, и позаботился о том, что бы этого вождя, законно звали королём. Первым королём Евразийского государства, единственного Джаинского наследника – Артура. В свой двадцать первый год, уза-

коненный минимальным для короля, сын великого бунтаря унаследовал ношу постаревшего, седого, морщинистого отца. Своим наследнику подарком Джаин нарёк Белый дворец, самый первый настоящий дворец Евразии, в самом её центре. Шесть этажей облицованных белым мрамором, с крытым крыльцом, опёртым на колонны, балконом на верхнем этаже, похожим на клюв гордого орла, с резными окнами, лепниной на гранях каждой внешней стены, которая на крыше продолжала и развивала птичий орнамент. На ровных, матовых, чистых белых стенах не замечалось ни то что царапинки или трещины, а даже шва мраморных плит, белых, и словно мягких на ощупь. Изнутри же, все опоры потолков украшались картинами тех, кто пристрастился к художеству; свет, где он мешал, перебивали роскошные портьеры, а на полах незамысловатые узоры образовывал дощатый настил, и лишь в множествах покоев дворца ступать можно было по тёмному паркету, или ковру поверх него. В этом архитектурном шедевре, в самом его центре, располагался тронный зал – по старой традиции, на верхнем этаже. Как и в императорском – в этом зале у дальней стены стоял широкий буковый стол, чей тёплый оттенок беж мирно сливался со светлыми стенами. Далее, подлокотниками почти трогая стол – на подвижной основе высился Евразийский трон; сидение изящное, богатое, и удивительное. Каркас его был выполнен из малахита, о чём говорил изумрудно-чёрный узор. Его замысловатый рисунок нигде

ни разу не прерывался, основу полировали до блеска, и пусть он не играл радугой, как Вэнтэров хрусталь – имел удивительной красоты гляцевую основу. Его спинку, сидение и подлокотники оторачивал бархат, такой же мягкий и приятный, как пустынный песок. Сидеть на нём составляло одно удовольствие, а если опереться на мягкие подлокотники и откинуться в спинку, не трудно было заснуть, дрейфуя между стенами на шести колёсиках... такой престол больше подходил на дорогой офисный стул, но именно на малахитовой перине восседал новый король.

Артур считался достойным сыном своего отца. Он со всей самоотдачей бился о государственные дела, старался не прибегать к чужой помощи, любой совет обдумывал сам, а всё из мечты юности – превзойти великого отца. Артур вырос светлым мальчиком, и это применялось к любой грани его персоны. У него были светлые, отдававшие пшеном волосы, едва касавшиеся плеч, светлая тонкая кожа, глаза, словно заключившие в себе малахитовые кольца, с изумрудной радужкой и чёрным зрачком; именно глядя в них, любящий отец решил с базой трона, и именно с его кожи взял белый цвет дворца. Одежды короля всегда выглядели опрятно; он предпочитал зелёные одеяния, украшенные росписями сочных цветов и множеством пуговиц; его стесняла собственная щуплость, он прятал её под свободными орнатами. Редко его можно было встретить без длинных рукавов, бивших в пол брюк и воротников типа стоечки. В типичном для него

«мундире», король, что обучался ремеслу у легендарного революционера – изучал сводки новостей родной Евразии. Новый глава управления позволил себе передышку, и на троне развернулся к широким окнам – начинавшимся с пола и тянувшимся до потолка. Из всех пяти идеально чистых рам, только средняя – выводила на балкон. Несмотря на хорошую, тёплую погоду, окна и двери в зале были закрыты, а Артур, хоть и хотел выйти на балкон – не решался.

Тоскливую тишину прервала открывшаяся дверь; в отличие от имперских двух, в этом зале, она была одинока. Развернув трон в сторону звука, Артур услышал слова вошедшего человека:

– Простите, вас желает увидеть Джаин.

Опустив глаза вниз и прикрыв ладонями нос – король, дрожащим голосом, нерешительно спросил:

– Ему, стало лучше? – распущенные волосы должныствовали вытягивать круглое лицо, но не выходило.

– Боюсь, наоборот. Он сказал, что желает проститься со своим первенцем... – отводя взгляд, тихо ответил паренёк. Его внешность не могла оставить без удивления, хотя бы потому, что его волосы, ровно свисавшие локонами – выкрашивал тёмно-синий цвет, игравший на свету голубыми переливами. Его глубокие глаза, слегка прикрытые волосами, поражали простотой и спокойствием, а унылое острое лицо – не выказывало эмоций. Вся его внешность поражала остротой, и такими же являлись его манеры. Рост этого человека

немного превосходил средний; он мог бы видеть макушку стоявшего короля.

Артур, нерешительно поднимаясь с трона, нехотя зашагал к выходу. Тоска и в его взгляде и на его лице не покидали юношу до самых покоев Джаина, где он встретил отца. Первейший автономный человек до самого своего конца прожил в том доме, который возвёл собственными руками, хотя ничего ему не стоило перебраться во дворец, подобный тому, что он даровал сыну. Повстанец благородно жил, благородно бился, и благородно погибал. Он отлёживался в своей спальне, под тонким одеялом. Хоть его срок ещё не иссяк, и он не провёл под небом даже половину сотни лет, постоянные переживания, вечный недосып и тяжёлая работа – расписали его морщинами, истощили, похитили здоровый цвет кожи и волос... его организм не выдержал нагрузок. Видом своим, Джаин уподобился глубокому старцу, с жидкой бородёнкой, которую трудно было сбривать из-за глубоких складок на лице. Рядом с революционером долг его подвигам отдавали только два человека – товарищ по несчастью Герд, и заплаканная Марина, уже не самая молодая женщина. Но, несмотря на мелкие морщины, наполненные горем глаза и опухшее от слёз лицо, она по-прежнему оставалась красивой и женственной матерью.

– Я прожил долгую, хорошую жизнь, – хрипло произнёс отец, друг, любящий и любимый первый мужчина, когда к окружению присоединился сын. – Я делал всё, что было в

моих силах, ради людского блага, – продолжил он, и слёзы навернулись на глаза короля, хотя он всеми силами сдерживался. – Теперь, эта ноша – всецело твоя, – замолчал великий бунтарь, глядя сыну в самые глаза. По правую руку революционера скорбно молчал Герд, молодой гладковыбритый паренёк с квадратным лицом и бесконечным запасом сомнений. По левую его руку, со стороны сердца – Марина, и каждое звучащее слово жгло её душу всё сильнее.

Артур, чьи очи покраснели и намокли, губы дрожали, а слова не покидали горло – спешно подошёл к Джайну, и присел подле него, на место, что освободил королю Герд.

– Эта ноша тяжела и опасна, а ошибаться тебе нельзя. Но я верю, что ты со всем справишься, – благословил своего наследника первейший раб, понимая всю бурю эмоций внутри него.

– Я не подведу тебя, отец! – наконец выдавил Артур, стиснув челюсть, вытирая побежавшие по щекам слёзы и не находя места рукам.

– Я часто советовал тебе, как стоит поступать, и уверен – моя наука вырастила достойную замену. Оберегай наш дом от войн и бед, заботься о нём, и всех его жильцах... – выдыхая в такт кашля, оставил Джайн последние нотации. Расслабившись на подушке, он сжал запястье паренёка в своих ладонях, глазами не властвуя над тем, что творили десницы. Великий бунтарь улыбнулся, и подвёл речь к концу: – Одобрю мой последний проект, и знай Артур –

я всегда буду верить в тебя, – прошептал Джаин, и выцветшие глаза скрылись под веками. Его ладони расслабили хватку, и одеяло перестало шевелиться, от вздохов самого первого, разумного человека.

Марина заплакала в голос, безутешная в своём горе. Дабы мать не обезумела, сын обнял её. Ему пришлось обойти кровать и помочь Марине встать, чтобы унять сокрушения женщины.

Герд не стал влезать в семейное горе, хотя Джаин не редко звал его своим братом, а если подумать, тем он и являлся. Товарищ повстанца не заплакал, но его глаза и сухими были способны выразить боль, какую не понять не пережив всё то, что было между заклятыми друзьями.

В этот же день, спустя всего час – Джаина сожгли на главной Евразийской площади, пред очами всего народа, опечаленного до глубины души. Его имя первым высекли на «Золотой плите почёта», что нашла пристанище в том самом месте, где вначале бушевал последний для вождя костёр, а затем земле преданся его прах.

Первенец великого бунтаря, остался у «Золотой плиты» дольше многих других; компанию ему составили лишь мать, томно сидевшая на скамье неподалёку, секретарь, сообщивший печальную весть, пара преданных Джаину граждан, и сварливый профессор, чья слава, как создателя Гегара, давно минула.

– Простите, король, но последний проект вашего отца по-

прежнему ждёт одобрения, – монотонно напомнил Артуру секретарь. Это парадокс, но его острое лицо было самым безликим из всего, что видывал Артур. Тёплая раса скорбела об утрате, а этому человеку с синими волосами хоть бы что. Он был словно из камня, только двигался и говорил.

– Я обо всём помню, – вяло ответил король, – ещё пять минут, и вернёмся во дворец, – огласил он.

Артур заставил себя отойти от плиты, от последнего памятника его отцу, дабы присесть рядом с мамой. Его рука легла на плечо первой женщины и, выжимая бодрость, король вымолвил:

– Мам, ты прости, если я не вовремя... но теперь, я боюсь тебе будет одиноко, в вашем доме... Я буду рад, если ты согласишься перебраться в Белый дворец. У тебя всё ещё есть семья, ни к чему быть одной, – в глазах мамы своей легко было увидеть и отца. Артуру тоже пошёл бы на пользу её переезд.

– Я давно знала и понимала, что его смерти не избежать. Но сколько бы я не готовилась – боль от утраты всё равно не уgomонить, – тихо, глядя вниз, порой роняя слёзы на сухую землю, ответила Марина. – Мне будет проще остаться дома – там, где я прожила счастливую жизнь, рядом с любимыми людьми... Прости, если обижаю, – взглянув на своего сына, отказалась первейшая женщина. Ей это стоило труда, и принесло ещё каплю боли, но она сделала это. Выбрала свой путь.

– Я понимаю, – растягивая губы улыбкой, закивал король. – Будь я тобой, наверно, поступил бы также, – сын замешкался, отчётливо видя горе в материнском сердце, но не зная, как его одолеть. – Я почаще буду навещать тебя, обещаю, – поцеловав маму в щёку, пообещал король, гонимый с места своим долгом.

– Только, не копируй своего отца. Не забывай, о своём доме, – попросила избранница Джаина, с тёплой улыбкой на лице. Ей не было обязательно, чтобы сын помнил о её доме. Главное, чтоб помнил о своём...

– Ни за что, – решительно качнул Артур головой, но ведь сейчас, он делал именно это. Покидал мать и свой дом, во благо государства...

На живых сердцах целого континента осталась тоска, боль утраты и глубокая печаль, ведь всем был люб вождь Джаин, каждый привязался к нему, а теперь скорбел. Но слёзы больше не затмевали их глаз, а новые дела всё сильнее отвлекали от горести... даже если это простые, обыденные мелочи.

В Белом дворце, ставшем королю и домом, и рабочим кабинетом – Артур любовался солнцем, что уже отдалось в объятия горизонта. Из панорамных окон его тронного зала, на непомерно удобном престоле, чья бархатная обивка держала словно сотнями ручонков – вид был воистину королевский. Но покой не бывает вечным, и любое блаженство встречает конец.

– Документация подготовлена. – Секретарь короля во-

шёл беззвучно, но его монотонный голос вынудил развернуть трон от закатного вида, и увидеть синеволосого паренька, со стопкой бумаг.

– «Реокрацу», верно? – прищурился король. Фрол скуповкивнул, не шевельнув ничем, кроме шеи. – Вы с отцом вместе готовили эту группировку... расскажи мне о ней подробнее.

Секретарь не обрадовался тому, что придётся говорить много, но повиновался быстро.

– Когорта «Реокрацу» – входит в структуру внутренних правоохранительных органов с возможной реорганизацией во внешний защитный батальон; состоит из прошедших особую подготовку людей от 18 до 35 лет; в состав входят семь отрядов, разделённых на специфические обязанности; отбор в каждый отряд проходит двумя этапами: практическим и теоретическим; отбор в капитаны отряда проходит спаррингом, гарантируя капитанский пост сильнейшему в отряде; иерархия когорты предусматривает расположение номеров отряда капитанов в порядке убывания возможностей, таким образом, первый капитан – сильнейший от лица когорты, а седьмой – слабейший из капитанов.

Фролу словно приказали стоять смирно, смотреть прямо и говорить, пока рот не пересохнет. Но вот он затих, по знаку короля подал документы, и бегло их просмотрев, Артур молвил:

– Судя по жалованию и привилегиям, захотеть пройти от-

бор должен каждый. Это мой отец тоже предусмотрел? – В правителе разыграла гордость, за мудрость отца. Королевский секретарь свёл руки за спиной, как это свойственно делать Кану, и кивнул, невольно взглянув на пейзаж за окном. Артур, упиревшись руками о стол, резко развернулся на троне и, оказавшись лицом к заходу – тихо спросил:

– Тоже любишь закаты? – растаяв под последними поцелуями солнца этого дня.

– Да, – синеволосый паренёк, в кой-то веки изменил выражение лица. – Наш мир куда красивее без солнца. Только во мраке, можно растаять, – глядя на последние лучи, с прежним безразличием произнёс секретарь. Артур не за это любил закат, но всё же поджал губы и выдохнул:

– «Реокрацу» – разумное решение. От элитной когорты хуже не станет. Я займусь подписанием бумаг, а ты объявишь условия и проследишь за подготовкой. Хорошо? – король обернулся к секретарю вместе с тронном, и паренёк кивнул. Его руки разошлись из-за спины у самой двери, когда он покинул тронный зал. Покинул также чопорно и сухо, как зашёл в него.

Там, за дверью, из коридорного окна на стенах заплясало зарево уплывшего в ночь солнца. Оно, наконец, распрощалось с Евразией, как и с Империей.

Вроде бы ничего необычного – каждый день завершался именно так. Но только этим закатом, на окраинах «холодного» мира, там, где дома едва держались, чтоб не обратиться

песком наползавшей пустыни, показался нэогар – чья массивная нога оставила очередной след в остывавшей золотой пыли. Глядя яркими красными глазами в самое сердце Империи, туда, где тоскливо возвышались девять лучших этажей южного полушария – нэогар едва слышно пробормотал тонким, женским голосом, при этом, не раскрывая сомкнутых твёрдых уст:

– Во имя Джайна, и всех людей – я выясню твои намерения, Империя...

8 эпизод. Вести

Скромность и добродушность, пожалуй, главная черта всего рода Джайна, даже если пока её унаследовал только его сын. В свой день рождения, двадцать третий по счёту – он проснулся как всегда пораньше, и в компании милой, эффектной девушки, чьи карамельные волосы роскошно вились до самых лопаток – завтракал. Свой утренний мини-пир они провели в королевской столовой, неподалёку от покоев Артура. На длинном белом столе, небогато украшенном цветами и сервизом, накрыли будто и не праздничный завтрак; хотя свежие соки и ещё тёплые пироги, там нём присутствовали.

Артур пребывал в своих домашних вещах: футболке с длинными рукавами и тёмных брюках, а компания его – девушка, нарядилась в более уместный для праздника туалет: белое до приталенного пояса платье, с темно-фиолетовым низом. Глаза не могли упустить слишком большой для её

стройной фигуры живот; с первого взгляда было понятно – барышня ожидала малыша.

Непринуждённо разговаривая, королевская чета «избавляла» стол от тяжести.

– Почему ты так не любишь собственные праздники? – снисходительно спросила девица у короля. – Если б ты так мой день рождения провёл, я бы точно сидела надутая! – напрасно стараясь казаться строгой, выдала она.

– Я не то, чтобы не люблю, просто... до сих пор не понимаю, как правильно вести себя с гостями... – слегка переживая, ответил король. – Мне не по себе в больших компаниях незнакомых людей, поэтому, я лучше проведу свой праздник с тобой и мамой... – улыбнувшись, изложил паренёк.

– Ага, знаю я тебя, ты только собираешься маму навестить, – поднимая брови вместе с новым куском торта, возразила девушка, – но очень скоро займёшься делами, и обо всём забудешь...

– Нет, я не стану повторять ошибок отца! – более уверенно ответил паренёк. – Мне известно, что такое постоянно кого-то ждать, и я ни кого не заставлю ждать себя.

– Вот сегодня и проверим, – хмыкнув, ответила обладательница самых изящных рук. Артур застенчиво посмеялся, и позволил себе непохожую на него фразу:

– Надеюсь, наш ребёнок, не будет таким же вредным.

Только его спутница собралась, в такой же шутейной манере возразить – в королевскую столовую вошёл секретарь.

Услышав стук сходящихся дверей, отвлеклись и король, и королева, которая уже пользовала этот титул, хотя закон позволял носить его лишь после того, как чрево разродится наследником короля. Советчик – тот самый, чьи эмоции, в отличие от синих волос, оставались за семью печатями, монотонно объявил:

– Встречи с королём требует один из капитанов «Реокрацу». По установленному регламенту, вы обязаны уделить ему внимание. – Умел же Фрол изъясняться, даже не глядя на собеседника.

Сия новость смутила как Артура, так и беременную девушку, но король выдохнул, и ответил:

– Раз уж мой отец создал именно такой регламент, придётся подчиняться, – решил король, вставая из-за стола. – Я постараюсь вернуться поскорей, – взглядом извиняясь перед Инессой, последовал Артур.

Паренёк довёл короля до двери тронного зала и, открыв её – уступил ему дорогу. В этот момент властитель увидел всех четверых членов государственного совета, рассеявшихся на стульях вдоль стен, а так же девушку, стоявшую в самом центре кабинета – напротив королевского стола. Её утончённую фигуру скрывала необычная форма: чёрные обтягивающие брюки, белая рубашка с широким воротником, и зауженная чёрная жилетка. На правой руке – немного выше локтя, крепко вязалась синяя повязка, с выгравированной на металлическом протекторе цифрой «3».

При виде короля с мест встал весь совет, а девушка – развернулась к Артуру лицом. Увидев что-то кроме собранных в тугой хвост рыжих волос – паренёк сконфузился, ведь у настолько статной девушки оказалось весьма приятное лицо, покрытое редкими веснушками.

– Разрешите представить, – закрыв дверь в зал, промолвил секретарь, – капитан третьего отряда «Реокрацу» – Лира, – указав рукой на стройную девицу, огласил он. – Она капитан со стажем в день; вчера, вызывая на бой каждого лидера когорты, начиная с седьмого, Лира повышалась в звании, но второго по силе, одолеть не сумела... – ввёл советчик короля в курс дел.

– Я извиняюсь, – развернувшись к королю, приклонила капитан голову, – что отвлекла вас от праздника. Позавчера я вернулась с засекреченной миссии Джаина, и дабы поскорее с вами встретиться – затеяла шумиху в «Реокрацу».

Эти слова смутили Артура; брови нахмурились, а в глазах блеснуло недоверие.

– Хотите сказать, что отец раскрыл мне не все свои тайны? А вы, сумели обойти пятерых сильнейших людей Евразии, хотя совсем недавно вернулись с какой-то миссии? – тихо озадачился он. Ему давно пора было сесть на трон, но удивление и смятение, затмившие разум – не позволили отойти от двери.

– Поверьте, король, – вступился вдруг самый известный Артуру советник – нынешний глава программно-развития.

Он запомнился сыну бунтаря тем, что не старел, и тем, что всегда был близок с умершим Джаином. Герд за всё время так и не изменился. – Это я, совместно с вашим отцом, возглавлял особый проект, необходимый для нашего безопасного будущего. Но будучи неуверенными в его успехе, мы решили сохранить всё в строжайшей тайне, до тех пор, пока не вернётся Лира... если вернётся, – исправился советник, заметно поникнув.

– Полный отчёт и фото-доказательства – на вашем столе, – вмешалась девушка, более бодрым гласом.

Артур кивнул, и спешно дойдя до трона, наконец на него сел. После этого свои места заняли и советники; стоять остались только капитан, напротив стола короля, и секретарь, справа от трона.

Подняв плотную стопку фотографий, Артур поочерёдно откладывал их на стол, и чем дальше он заходил в своей проверке, тем более явное удивление приобретало его лицо.

На отложенных фотографиях виднелись улицы Империи, по которым мирно разгуливали нэогары. Это очень походило на людские переулки, только здесь улицы были заметно шире, здания гораздо выше, а вместо привычных глазу людей – поражали фантазию нэогары. Отложив первые шесть фотографий – король увидел седьмую, на которой запечатлелась арена «Бойсдракс» – со своей западной стороны. Слегка приоткрыв рот и почувствовав громкие стуки сердца в груди, Артур немного припустил стопку. Посмотрев капитану в

самые глаза, король тихо, хрипло произнёс:

– Это ведь не могут быть, фотографии... Империи?

– Простите, но это именно они, – ответила девушка серьёзно, хотя совершенно спокойно. – Моя миссия состояла в сборе сведений о нынешней нэогарской жизни. В частности, об их планах, касаемо нас.

– И... каковы они? – будто не отойдя от шока, переживая, поинтересовался паренёк.

– На следующем фото, – недалеко протянув руку, начала капитан, – запечатлён сам император, – сказала она, и король положил на стол седьмую фотографию. Увидев размытый, хотя понятный облик Вэнтэра – Артур растерялся ещё сильнее. Его глаза забегали по фотографии, на которой легендарный император, с надетым на руку Кулаком, сидел в далёком ложе «Бойсдракс». Он был единственным человеком, в окружении трибун, забитых нэогарами. – Мне удалось кое-что разузнать, – снова вступила Лира, но король её перебил; в голосе послышалась неловкость, но Артур не сдержался.

– Это просто чушь. Человек не мог следить за Империей и делать эти снимки! Нэогары бы устранили разведчика, – максимально громко изложил паренёк, хотя звучало это несколько смиренно.

– Артур! – воскликнул самый ближний к нему советник. – Мы понимаем, что тебе не хочется признавать тайны своего отца, но они существуют, и с этим придётся мириться, – на повышенных тонах, заявил он со всей строгостью. – Ты –

король Евразии, и на тебе лежит огромная ответственность, которую твой отец даже умерев, пытается облегчить. Так может, стоит принять его помощь? – устремив грубый взгляд в королевские глаза, предложил главнокомандующий основными войсками.

Напряжённо выслушав разумные поучения, Артур сжался и вынужденно произнёс:

– Извиняюсь за грубость... продолжайте.

– Вы были совершенно правы, сказав, что меня бы устроили, будь я человеком, – без обид или пауз, согласилась девушка, – но кому как ни вам знать размах гениальности своего отца, – улыбнувшись, добавила она. – Он почти самостоятельно спроектировал идеально схожую с настоящим нэогаром броню, которой способен управлять человек. В этой конструкции очень важно подгадать с пропорциями внутренней камеры, ведь в противном случае – управление нэогаром превратится в муку. Я – как раз подошла под критерий конструкторов и, пройдя отбор – заняла место главного агента внедрения. Познакомившись со мной – Джаин убеждал передумать, но я настояла.

– Это чистая правда, – вмешался Герд, ныне глава развития техно- Отраслей. – Над подобными костюмами, только более адаптированными к боевому использованию, мы работаем прямо сейчас. Правда, без Джаина и его свежих взглядов, дела идут не очень... – некогда колкий пессимист теперь стал сентиментальным реалистом.

– Хорошо, способ внедрения я понял, – согласился король. – Но ваша миссия, наверняка, была долгой. Как вы обходились без еды, воды и регулярного сна?

Король даже вопросы задавал, будто через силу; он слишком привык молчать, чтобы так много спрашивать. Но любопытство, некое внутреннее недоверие – принудили его интересоваться.

– Отбор, устроенный вашим отцом на мою должность, созывал только выдающихся людей, – стараясь спрятать глаза, тихо начала Лира. – Я отношусь к первому поколению созданных Джаином женщин, но со мной он допустил погрешность... взамен способности продолжать наш род, я получила удивительную выносливость, а также – внешне я не старею. В настоящем деле, мне уже больше тридцати, и моё здоровье далеко не идеально; но выгляжу я на двадцать, а без еды и воды могу обходиться неделями. Как объяснял Джайин, это генетическая ошибка – сверхзамедленный обмен веществ и пониженный расход энергии на жизнеобеспечение. Благодаря этому, я могу мало спать и почти не есть, но никогда не смогу... стать матерью, – выдохнув, поведала девушка, заметно опечалившись. – За те полгода, что я провела в Империи, мне везло съесть по одной консерве в неделю, и выпивать по сто граммов жидкости в день. Даже с этим, я не теряла самообладания, – бодрее, закончила капитан.

– Мне жаль, что с вами так вышло. Уверен, отец безмерно сожалеет, – сочувственно глядя на третью, молвил Артур.

На этом, доклад зашёл в тупик. Король слишком опечалился бедой девушки.

– Практически все последующие снимки, посвящены императору, – недолго помолчав, продолжила капитан тему Империи. – В нэогарском мире о нас ходит всего один слух. Будто ещё в те времена, когда Гегар только увёл людей из рабства – на императора напал человек, желая лишить его жизни. Само с собой, затея не удалась, но роптание Вэнтэра вышло за все рамки, и он приказал создать для себя идеальную защиту; приспособление, способное обеспечить стопроцентную безопасность. За разработку взялся его лучший технолог; насколько я поняла – именно он в своё время создал Джаина, а впоследствии и остальных людей. Но у разработчика было условие: он создаст нужную Вэнтэру вещь, если тот пообещает никогда, и ни за что, не трогать Евразию. Технолог выполнил обещание: он создал стальную перчатку, получившую название Кулак. Уверяю, её защитные показатели стремятся к идеальным.

– Похоже, и Чан и император честны. Войны ведь всё ещё нет... – добродушно подметил Артур.

Со своего места тут же подскочил главнокомандующий основных войск, и с недовольством заявил:

– Вы меня, конечно, простите, но не может быть ничего глупее, чем доверие императору! – махнув рукой, почти крича выкинул он в сторону короля. – Вы и правда считаете, что для подобных ему тварей, обещания что-то значат?! Он уже

получил свой Кулак и столько времени его носит. Что ему стоит послать Чана куда подальше и пойти на нас войной?! – забавно шевеля густыми чёрными усами, возмущился генерал. Его слова вызвали короткую паузу, после чего остальной совет погрузился в тихий ропот.

Пока Артур переживательно бегал глазами в попытках найти поддержку, Лира занервничала.

– Совершенно не исключено, – продолжил свою речь мужчина на вид лет сорока пяти, грубый и статный, но позабывший своё место, – что император просто проверял совершенство своей защиты, и теперь – убедившись в её идеальности, решит снова получить таких прекрасных рабов, как мы. Разве итоги этой разведки не кричат, что мы должны немедленно приступать к мобилизации? – задал он свой последний, провокационный вопрос.

– Нет! – ответила Лира, глядя генералу в самые глаза. – Вам не кажется, что проверять свою защиту пятнадцать лет, многовато, даже для императора? Хотел бы он войны, она успела бы уже закончиться, – отрезала девушка, став на удивление серьёзной. – Уж поверьте тому, кто своими глазами видел Империю – нам ни к чему сеять в народе страх! – речь капитана даже шепот прекратила, удивив всех, кроме Артура, который скорее восхитился.

– В деле с подобным Империи врагом, – снова собравшись, продолжил гнуть своё генерал, – важнее всего избавиться от лидера, и победа в твоих руках. Осознавая подоб-

ную слабость – император не может действовать без подготовки. А учитывая его запас времени, что пятнадцать лет, что двадцать – не больше, чем миг, – сбавив свой пыл, додумал он. – Мне всего-то очень не хочется, чтобы спустя пять или десять лет, наши с вами дети испытали тот ужас, который может принести рабство... – выдыхая, поник суровый генерал. – Знаете, однажды на собрании под руководством Джана, я услышал слова, что считаю единственно верными по сей день: «До тех пор, пока есть Империя – есть опасность».

– Я тоже не раз слышал это от отца, – дрожащим голосом, поддержал военачальника король, – но, что же делать? Я готов пойти на что угодно, лишь бы сохранить нашу свободу, но само существование нэогаров – ставит это под угрозу, – на редкость уныло, рассудил Артур. – Идти на Империю войной – всё равно, что засунуть в рот ружьё и спустить курок... Как же тогда обеспечить нашему континенту долгую, и мирную жизнь? – объявил король проблему, ставшую главной.

– Как я уже говорил, – сразу вступил генерал, – стоит убить императора, и Империя надолго забудет об идее захватить нас!

– А вам не кажется, что золотое место не пустоует? – вмешалась Лира, с очередной учтивой претензией. – Да и даже если у нэогаров не принято мстить – император слишком стойкая фигура, чтобы позволить себя убить. Тут сил всех капитанов «Реокрацу», может не хватить...

– Я не хочу вмешиваться в не свои дела, – привлёк внимание Герд, решив встать со своего места, – ведь я далёк до военных дел и мало что в этом смысле... но, как говорится в моих отчётах, наши попытки создать нэогарский костюм – более адаптированный к сражениям, чем тот, что носила Лира – едва можно назвать успешными. Такое пополнение как солдаты-нэогары, стало бы очень ценным в нашей армии, а разработать что-то более совершенное, мог бы помочь императорский Кулак. Эта стальная перчатка была бы эквивалентна легиону облачённых в броню солдат, что стало бы вторым козырем, после Гегара. Получить бы нам Кулак, и мы бы стали заикаться даже о победе – над самой Империей...

Такая новость не вызвала бурных обсуждений и надоедливого шёпота, но глаза всех прибывших в тронный зал расширились, а мысли смешались в попытках переварить новую информацию. Пока прожившие нелёгкую жизнь члены совета молча обдумывали за и против – юный король, в чьём сердце загорелось стремление к подвигу, тихо сжал край стола руками. Это помогло ему набраться сил, для более звучного заявления:

– Мы обязаны заполучить Кулак! Любой ценой, за любые сроки – главное его достать.

– Король, такие решения не принимаются в спешке... – вмешался секретарь Артура, смотря на него справа от трона. Его голос, как и раньше, был монотонным, хотя безразличное лицо, приобрело более взволнованный вид. – Вам необ-

ходимо больше времени на раздумья, ведь допустить ошибку – вы не в праве, – напомнил он.

– Нам впервые выпал шанс избавиться от угрозы Империи. . . В праве ли я раздумывать? – стеснённо молвил паренёк, повернувшись к советчику.

– Перед любым решением, раздумья необходимы, – выделяя последнее слово, вмешалась капитан. – Нам с советом лучше оставить вас наедине с мыслями; действовать наобум – как минимум опасно. . . – закончила она, давая всем понять, что сейчас самое время покинуть зал.

Члены совета, поняв намёк поднялись и, откланявшись – разошлись. – Ещё раз простите за то, что мой доклад вас оторвал. И. . . примите мои поздравления, – улыбаясь, попрощалась Лира, прежде чем закрыть за собой дверь.

– А как бы поступил мой отец? Что бы предпринял он? – ответ на этот вопрос Артур глазами взмолил у Фрола. Синеволосый паренёк недолго помолчал, но всё же молвил:

– То же, что вы, – с этими словами воцарилась тишина, наполненная беззвучными думами. Король трепетно обдумывал свой выбор, советчик его твёрдо стоял на месте, выжидая, ему одному известно чего. Немую сцену рассёк звук открывшейся двери, за которой показалась будущая мать наследника.

– Я жду тебя уже битый час, весь твой совет разошёлся, а ты сидишь тут и переглядываешься со своим подчинённым? – с дверей, со стандартным недовольством, вмешалась

она. – Это так ты «не заставляешь людей себя ждать»?

– Прости, Инесса, это было трудное совещание, я не до конца пришёл в себя, – устало ответил король. Он поднялся с малахитового трона и, направившись к девушке, обернулся к советчику.

– Я не стану спешить, но и медлить нельзя. Прошу, оповести капитанов «Реокрацу» о новостях, и пусть будут готовы к ассамблее. – Фрол степенно всё выслушал и, скрепив руки за спиной – кивнул. – Думаю, самое время навестить маму, – улыбнулся король своей спутнице. – Надеюсь, ты не разрушила мой сюрприз, – выводя её из зала, поинтересовался паренёк. Дверь тихо соединилась с проёмом, и слова вместе с шагами смазались между собой.

– Нет, я ей ничего не говорила... – только и смог разобрать Фрол легкомысленный голос.

Из пяти чистых словно сам воздух окон тронного зала виднелось многое, и вид был красив. Переживший свою зарю центральный город радовал чистотой и уютом; деревья не толпились лесами и чащобами, они были приглашены как гости к тротуарам. С окон заботливых хозяек свисали вазоны с цветами, улочки и переулки были узкими, зато ровными, и шедшие по ним сердца чувствовали себя семьёй. Город виднелся с любого этажа, ведь в отличие от Империи – главный дворец Евразии не ограждала стена. «Если нам есть чего бояться в родном доме, то мы и со стеной обречены» – так сказал Джайн архитекторам, и стены у Белого дворца не

оказалось. Теперь, из окон виднелось многое, но не всё. Разглядеть короля, занявшего место в автомобиле под крыльцом, секретарь не мог. И уж тем более ему не было видно, как Инесса, обняв Артура за руку, прилегла на его плечо – пока сам король, глубоко дыша, изучал вид в окне.

– На вашем собрании что-то случилось? – обеспокоенно поинтересовалась девица, пытаясь заглянуть будущему отцу в глаза. – Когда я открыла дверь, мне показалось, что ты напряжён...

– Долг обязывает, – когда Артур так вяло улыбался, и долго не убирал волосы с лица, можно было понять, что тема не нравилась ему. – Кстати, я так давно не встречал Кира. Как он? – а вот и новый веток. Будущая королева знала, что паренёк сменит тему, но не догадывалась, что на эту.

– А- То ты не знаешь, что я встречаю его ещё реже, чем ты, – колко ответила Инесса. – С тех пор, как он возглавил первый отряд «Реокрацу», дома ночует лишь раз в неделю...

– Не удивительно. На его плечах немалая ответственность... – поникнув, согласился король. – Хотя, тебя должна брать гордость, ведь твой старший брат – сильнейший во всей Евразии! Такому любой бы позавидовал, – улыбнувшись, добродушно промолвил Артур.

– Да уж, я бы и сама себе завидовала, если бы он не забывал о своей сестре... – с тенью печали, согласилась девица. – И вообще, Ты ведь король, Ты командуешь «Реокрацу», мог бы и недельку отпуска своему лучшему другу выписать. Я

уже молчу о его пользе – хотя бы как давнему другу, – со стандартной претензией, возмутилась девушка.

– Ты так говоришь, будто я не пробовал. Я постоянно прошу Кира взять перерыв, но он воспринял титул сильнейшего в Евразии слишком близко, и теперь стремится оправдать любые надежды. Что я в такой ситуации, могу сделать? – взглянув на Инессу, отчаянно спросил король.

Доводы заставили девушку затихнуть и задуматься, но лишь недолго поведив глазами по салону, она снова встретила с Артуром взглядом. Спокойно, слегка улыбаясь, барышня произнесла:

– Ещё с тех пор, как детей только начали собирать в самом дальнем Евразийском укрытии – ты и Кир постоянно следили за мной, старались уберечь от любых проблем... Он делал это по велению мамы, и отдавал на мою защиту все силы, а ты – ни с кем больше не ладил, и во всём ему помогал... – опустив глаза, с некой тоской, но при этом улыбаясь – завела Инесса рассказ воспоминаний. – Тогда, ещё будучи глупым ребёнком, я строила мечты о том, как было бы здорово, если бы вы всегда оставались друзьями и защищали меня, даже от пролетающей мимо мухи. И, как ни странно, когда Евразия стала расширяться и детей разобрали по семьям, ты, я и Кир виделись каждый день, продолжали играть и делиться новостями, мыслями, мечтами... Это только продолжало разгонять мои опасения ссор и расставаний, но вот – ты стал королём... Джаин придумал «Реокрацу», и под предлогом мо-

ей защиты Кир стал-таки сильнейшим капитаном. Вот только, именно тогда – мир моей мечты рухнул... – совсем уж расстроено, даже прослезившись – закончила девушка своё откровение.

– Инесса, я, – попытался успокоить её Артур, стараясь приобнять и утешить, но будущая мать, лишь утерев слезу – перебила его:

– И знаешь, за что я себя ненавижу, – наконец взглянув красными глазами в самую душу Артура, – за то, что до сих пор мечтаю вернуть, то золотое время...

Король несильно удивился, услышав это. Но он не знал, что тут можно ответить. Его спасло только то, что машина плавно остановилась, и дверь со стороны Артура – открыл его секретарь.

– Вы прибыли к месту назначения, – сообщил он, слегка приклонив голову.

– Что? – удивлённо промямлила Инесса, – но... он ведь остался во дворце, – шепнула она Артуру.

– Не заморачивайся, – отвлечённо ответил паренёк и, встав с сидения – подал девушке руку. Не менее удивлённо Инесса вышла из машины и, не сводя изумлённых глаз с советчика – направилась вместе с Артуром в дом его мамы.

Это место – его семейное гнездо, здесь он рос и крепчал, брал уроки у отца и познавал как внешний мир, так и свой. Так уж вышло, что именно здесь были посажены ростки потомства первого законного короля, а вовсе не в Бе-

лом дворце, куда вскоре Артур пригласил Инессу, как свою избранницу. Он позвал её жить в самое сердце Евразии, такое же светлое, как его намерения относительно их семьи.

Личные покои монархов были раскинуты на шестом этаже. На первом же, разместились служебные комнаты, к одной из которых подступила новоиспечённая капитан третьего отряда «Реокрацу». Дважды стукнув дверь тыльной стороной кулака, Лира приоткрыла её, сразу спросив:

– Простите, не отвлеку? – она старалась выглядеть бодро, но переживания душили её.

У дальней от входа стены, свои уставшие, красные глаза, под которыми красовались глубокие синие мешки – поднял человек, не менее поразительной внешности, чем секретарь короля.

– Ни в коем случае, – дружелюбно ответил паренёк, с волосами огненного цвета.

Лира вошла и, закрыв за собой дверь – подошла поближе к столу, за которым сидел нужный ей человек. Видом взрослее Артура, он на два года был его младше. Его поразительного цвета волосы лежали непослушно, заминать их приходилось силой; овальное и, по всей видимости, доброе лицо, пачкал груз усталости и недосыпа. Одевался он в ту же форму, что Лира; на правой руке заметна была синяя повязка, но металлического протектора было не увидеть; так уж сидел этот непонятный капитан.

– Меня зовут Лира; со вчерашнего дня – я капитан третье-

го отряда «Реокрацу» , – собравшись с мыслями, сообщила девушка, глядя немного выше головы собеседника.

– Точно, вот где я вас видел, – встав с места, протянул он девушке руку. – Моё имя Кир – я капитан первого отряда, – представился он, с улыбкой пожав собеседнице кисть. Только когда капитан встал – девушка увидела и его повязку, и внушительный рост; Кир оказался на голову выше третьей по силе.

– Да, мне сказали, что от вас я должна законно получить свою должность. Вчера так вымоталась, что было не до этого... – затараторила девушка, не отпуская руку первого капитана.

– Могу представить; я видел ваши бои только с четвёртым, третьим и вторым капитаном, – кивая, опустил Кир длань вниз, – но даже после этого, пожалел, что сам с вами не сражусь, – не решаясь сесть, выказал капитан должное уважение.

– Для меня бой с вами был бы честью, но король ведь не зря держит Второго так близко к себе. Только вчера, я поняла почему... – улыбаясь, рассказала Лира, искренне добрым голосом. Она отошла от переживаний за приём, и раскрепостилась, что языком, что телом.

– Согласен, Второй не так прост, как умеет казаться, – кивая, подтвердил первый. – Ну а что до вас, идёмте знакомиться с третьим отрядом, – выходя из-за своего стола, озвучил первый порядок дел.

– Вот этого я и боюсь. Они наверняка невзлюбят меня за случай с бывшим третьим ... – пряча глаза, заволновалась Лира.

– Не переживайте, третий отряд как раз базируется на разведке; я думаю, вы поладите, – спокойным голосом и добрым взглядом, утешил капитана Кир.

– Да, именно на это я надеялась, продолжая драться с капитанами слабее третьего, но всё же... – не как не унималась Лира, уже разворачиваясь за Киrom и неспешно подходя к дверям.

– Если у вас возникнут трудности – как первый капитан, я обязательно помогу, – пообещал сильнейший в Евразии – улыбаясь шире, чем раньше. Когда он открыл дверь и, пропустив девушку, стал её закрывать, третий капитан с осязанным любопытством молвила:

– Простите мне мою бестактность, но, сколько дней вы обходитесь без сна? – при этом, не сдерживая дружелюбный смех.

– Сегодня третий – ерунда, – непринуждённо ответил уходивший голос Кира, вначале хмыкнувший.

И разве такой мирный день не радовал сердца всех проживших его людей? Проблемы Евразии были слишком мелки, чтобы из-за них заморачиваться; по крайней мере, пока...

9 эпизод. Отважный шаг

Праздники людям необходимы; тёплым головам важно

знать, важно быть уверенными в том, что хотя бы день в году внимание точно будет направленно на них. Но судьба ни всегда милостива к тем, кто что-либо празднует, и порой даже дни именин приходится встречать с грустными вестями. Но начало празднования, не определяет его конец.

Встречу двадцать третьего года король Артур довершил вблизи своей мамы и той самой девуш, что ждала от него ребёнка. Солнце предательски растворилось под натиском луны, и теперь её дуга просвечивала с той стороны небосвода. Но даже тусклость освящения не стала помехой императору, в присутствии только лишь Чана и двух стоявших позади технолога кентавров, устроить очередную проверку своего Кулака. Он, и свита, находились на окраинах Империи – далеко за жилой чертой. Там располагался заброшенный полигон. Хотя с виду, и спустя века, так сказать не смог бы никто.

Под чистым небом, на широкой поляне, окружённой старым проржавевшим забором, утёсом держался император, примерно в центре участка. На расстоянии не больше двух метров от него, вдалеке друг от друга – установлены были громадные чугунные котлы, округлой формы и внушительной массы. Внутри каждого из них давно застыл свинец, нужный для утяжеления предметов. Император, чьи ровные волосы слегка колыхал ветер, спокойно и строго смотрел на левый котёл, в полной тишине. Похоже, он размышлял о чём-то. Пристальное внимание Чана не смущало его; уже ко-

торый век все глаза обращались только к нему. Но пришёл миг, когда владыка сжал пальцы в кулаки, и его тело облачилось нэогарской бронёй. Тогда думы окончились; вытянув к левому котлу правую ладонь, чьи пальцы неровно растопырились, Вэнтэр тихо произнёс:

– Киораку! – после чего котёл моментально откинуло назад. Его будто снесло с места резким порывом ветра – незаметного глазу, и на вполне приличной скорости, тяжеленный чан, немного приподнявшись с истресканого асфальта, умчался в сторону забора. Император, лишь слегка пригнувшись – за пару секунд взял незаметный глазу разгон и, только иногда мелькая по направлению к котлу, в конце – концов опередил его. Мощным ударом ноги с тыла, Вэнтэр отбил «снаряд» в обратную сторону – куда-то туда, где сам раньше стоял. Конечно, удар такой силы оставил на котле заметную вмятину, и заставил его завращаться вокруг себя. Теперь, неуправляемый чугунный метеор устремился напрямиком в Чана, что никак не успел бы спастись. Хотя, ещё задолго до столкновения – Вэнтэр вновь догнал котёл и, появившись в этот раз над ним, со всей силы, обеими руками, сжатыми в один кулак – ударил по нему сверху. Всего за мгновение, груда помятого железа протаранила собой покрытие полигона; на и так разломанном асфальте появилось раза в три больше трещин, а вошедший в землю почти наполовину котёл, судя по всему – сумел даже нагреться; лёжа в дыре – он дымился. Император аккуратно приземлился на

колени рядом с игрушкой. Он плавно поднял голову, и так уж вышло, что на глаза ему попался перепуганный Чан, за алым защитным куполом кентавров. Опустив задранные в разные стороны руки, и поправив свой запачканный пылью халат, учёный обиженно прогундосил:

– Похоже, из всех способов меня убить, вы решили выбрать не самый гуманный.

Вэнтэр же, выпрямившись, сквозь шлем взглянул на нэо-гара, как на комара.

– Я бы извинился, но ты ведь по-прежнему жив. Стало быть, я ни в чём не виновен, – после чего, без передышки – согнул ногу в колене и слегка развернувшись – ударил ею торчавшую из земли грудку чугуна. То, что недавно было котлом – оставляя за собой глубокий кривой ров, отъехало сквозь грунт ещё дальше, а император, взглянув в сторону второго котла, пока ещё целого – довольно хмыкнул и, вытянув к нему ладонь, пролепетал:

– Киобаку! – Котёл снесло с места, только в этот раз – направляя к императору.

Вэнтэр и сам решил не ждать; он снова оттолкнулся от земли и спустя секунду – долетел до цели, которую со всей силы ударил Кулаком. Это стало первым ударом, оставившим глубокую вмятину, но далеко не последним. Сразу после того, как правый кулак отлетел от столкновения, новую вмятину оставил левый, и снова правый, и в таком порядке Вэнтэр продолжал наносить удары, да с такой силой и ско-

ростью, что новые вмятины появлялись будто бы в бочке с мёдом, а размахи рук – мелькали в глазах, множеством тёмных силуэтов.

Не больше семи секунд носителю Кулака потребовалось, чтобы насквозь пробить чугунный котёл, сделав в его центре покорёженную, промятую дыру. Император пролетел сквозь измятую пробойну, созданную множеством следов от кулаков, а продырявленный котёл – с грохотом упал на землю и слегка дымясь, остановился на месте.

Вэнтэр, до придела возвысившись – обернулся к результату своих трудов. Он собрал внутри брони шлем с головы и, настоящим лицом – довольно осмотрел измятый до неузнаваемости котёл.

– Единожды, каждую неделю, – сказал вдруг Чан, – начиная с пяти вечера, вы из раза в раз проводите плановые тесты Кулака – устраивая новые и, как правило, более безумные испытания, чем были в прошлый раз, – напомнил технолог, пока Вэнтэр с недоумением на него глядел. – Я понимаю, что тесты вашей перчатке необходимы, но они могут проходить не чаще раза в год. К чему вам так часто искать изъяны? Да и вы их, кстати, ниразу не нашли... – гордо, но из приличия отводя взгляд, выдал Чан.

– Ну, видишь ли, – начиная шагать в сторону технолога, спокойно завёл император беседу, – тренировать своё тело мне ни к чему – ты создал его и так идеальным; привыкать к способностям Кулака тоже, я их лучше тебя заучил, – усмех-

нувшись, подметил он, продолжая шагать, – но любое изобретение, имеет свойство терять форму из-за простоя, или же выпускать в свой строй мелкие сбои, которые могут стоить мне жизни, – наконец остановившись прямо перед Чаном – на время затих владыка, смотря снизу вверх, но всё равно надменно – прямо в глаза нэогару. – Так, что плохого в моём желании не допустить подобного? – грубо проговорил воевода, со слабой улыбкой на детских устах. Обойдя оставшегося недовольным Чана, не спеша шагая к личному транспорту – Вэнтэр собрал броню в перчатку и, вздыхая, закончил мысль:– На этом свете полно дураков, что могут возжелать мести. Каждого из этих глупцов, я жажду наказать лично!

Императора из столицы доставили сюда одиноким, а обратно он уж тем более двигался таким. Властитель бросил своего технолога, зная, что тот доберётся до замка, но ни на секунду не интересуясь как. Вэнтэр бросил Чана, а луна сбросилась с черного полотна, и её вновь нагнало солнце.

В ранних его лучах, когда расстояние меж горизонтом и светилом не превышало ладони, Евразийский король уже разлучился со сном, и с Инессой. Сделал он это в пользу совещания с «Реокрацу», запланированного на этот день, но не имевшего точного времени. Когда Артур огласил его, капитаны, не смев опоздать, прибыли все до единого, за исключением второго. Перед сидевшем на бархатном троне королём, в ровную линию выстроились самые выдающиеся люди Евразии, в согласии с номером отряда и, соответствен-

но, с уровнем сил. Правее всех стоял Кир, он заодно был и выше всех; выглядел, как и раньше, уставшим, хотя старался это скрыть. Сразу после него теснилась Лира, на чьей руке блистала цифра «3». Далее был мальчуган на вид лет шестнадцати; его торчавшие вверх волосы, окрашивал черный. Пожалуй, только его затылок и виски были стрижены коротко, а разбитая на локоны чёлка – торчала вверх, немного наклоняясь влево. Пятый отряд представлял паренёк на вид лет двадцати; у него, как ни странно – волосы были ярко жёлтые. Шестая и седьмая капитаны – были девушками, явно строгими и спортивными. Хоть их лица выражали покой, они часто пылили. Самый слабый капитан носила волосы фиолетового оттенка; шестая же – зелёного. Каждый глава отряда стоял максимально ровно и держал руки за спиной. Униформа капитанов также была одинакова: чёрные брюки, белая рубашка с широким воротником, и чёрная жилетка – не обязательно застёгнутая. Позади Артура – правее него, стоял секретарь, чьи синие волосы неплохо вписывались в «карнавал».

– На этом собрании я хочу решить, как быть с принесёнными третьим капитаном новостями, – напряжённо отчитался король, лишь изредка поднимая потупленные глаза. – Надеюсь, второй капитан ввёл вас в курс дела? – с блеском надежды в зелёных очах, молвил Артур.

– Меня ввёл не второй, но суть ясна, – первым ответил сильнейший капитан, серьёзный перед лицом короля. – Но

ни мне, ни моим коллегам не понятно, что вы планируете решать? – тишина и пять острых взглядов поддержали Кира; королю пришлось поёжиться.

– Мой отец был безмерно прав, когда говорил, что пока существует Империя – существует опасность, – несколько опечаленно, припомнил он. – Королевская семья и совет министров считают, что пока силовой перевес у Империи, мы вынуждены жить в страхе. Нам приходится бояться нэога-ров, которые могут вторгнуться в Евразию, бояться за своих детей, и внуков... я тоже думаю, что это вопрос времени – когда император воспользуется преимуществом, – каждое слово короля преисполнял трепет; его голос дрожал, как колокольная сталь во время звона.

– Король Артур, – вступила и Лира, – вы сочли необходимым заполучить Кулак императора? – приподняла девушка бровь, и эшелон взглядов сдвинулся к ней. Капитаны «Рео-крацу», хоть и старались не подавать вида, всё равно заперезивали, ведь именно такую весть, они боялись услышать.

– Если, чего доброго, разразится война с врагом имперского масштаба, мы её проиграем, – тихо посулил наследник Джаина. – И, даже если, пока живы мы с вами – она не начнётся, боюсь, нашей расе – её не избежать. И я считаю, что если есть шанс раз и навсегда забрать силовой перевес на нашу сторону, мы обязаны это сделать, – робко молвил Артур. Его идеи были легки для понимания; он был первым королём, и хотел увековечить своё имя не только этим. Если в

период его правления будет добыто оружие, способное склонить Империю, память о нём не исчезнет. А какому королю это не желанно...

– Простите, если я недопонял, – Кир снова опередил своих коллег, – но император обзавёлся Кулаком как раз ради того, чтобы быть неуязвимым перед новыми покушениями на свою жизнь. Ведь так? – Кивки сильнейший получил и от короля, и от Лиры, а затем продолжил: – В таком случае, это всё равно, что лечить здорового. Кулак делает из императора нэогара, человеку с таким не справиться. Нам нужен свой нэогар, а его не получить без Кулака. Это абсурд, как и надеяться на победу в игре, по его правилам.

– В этом я с капитаном первого отряда солидарен, – холодно вмешался королевский секретарь. – Мы могли бы надеяться на успех миссии, если бы обладали и своей боевой бронёй, но, как вы помните, атакующие способности имеющихся костюмов, далеки от совершенства, – выпрямляя спину, помедлил Фрол, – как и защитные...

Нападение сразу с двух сторон заставило короля опустить глаза и подперев ладонью щеку – призадуматься... Даже напряжение среди капитанов спало, но стоило Лире зашевелить устами, как волнение вновь накрыло тронный зал.

– Если наш король считает эту миссию настолько важной, один выход есть, – невинно улыбнулась девушка, и Артур с надеждой впился в неё взглядом. – Я обсуждала наши нэогарские облачения с главой роботизации, когда сдавала свой

покрыв, и он кое-что предложил, – Лира осеклась, обдумывая, с чего начать. – Мы выяснили, что с моей сетчатки можно списать все сведения о нэогарских телах и на их основе внести коррекции в наши костюмы, но процесс этот длительный, – поделилась третья по силе. Она мужественно и ответственно умолчала о том, что он также болезненен, и способен привести к неприятным последствиям. – Я не хотела бросать свой отряд едва став капитаном, и вежливо отказалась, но если король прикажет, я пойду на это.

– Постой, Лира, – обычно капитаны избегали фамильярностей, но Кир себе её позволил. – Если в твоей голове и так хранятся нужные знания, зачем нам риск с Кулаком?

– Того, что я видела, будет мало, ведь я не капалась внутри живых нэогаров... этого хватит на улучшение базиса, и костюм станет совершенней, но если мы им воспользуемся, акцент должен быть на внезапности, а ни на силе, – добродушно пояснила капитан, чьи рыжие локоны на свету краснели. В этом они с Киrom сходились; только локоны паренюка краснели всегда...

– Это ведь замечательно! – взбодрился Артур, выпрямив спину на мягком троне. – Это значит, у нас всё же есть шанс.

Капитаны восприняли новость без радости, которой отозвался король. Они сохраняли спокойствие, и всем сердцем возжелали своему дому победы, но понимали, что исполнителем придётся стать одному из них, а учитывая, что сильнейший – королевский друг, второй по силе избавлен от та-

кой участи заранее, Лира нужна в Евразии и её повторно не пошлют, выбор падёт на кого-то из последней четвёрки.

– Если броню и улучшат, кому доверить её использование? – секретарь стал первым, кто главный вопрос озвучил. Его монотонный голос опечалил короля сильнее, чем новая проблема. – Как ваш советчик могу заметить, что разумнее всего назначить сильнейшего из нас, – указав чопорной ладонью на первого, молвил Фрол, – капитана Кира.

– Нет! – возразил Артур, как только секретарь закончил. Ради громкости слов ему пришлось сжаться, и стиснуть кулаки. – Первый капитан нужен в Евразии. Он лидер когорты, и на него я возлагаю безопасность своей семьи.

Всё верно, этого ожидал каждый. Кир не только друг короля, но и брат его возлюбленной; Артур ни за что не стал бы им рисковать.

– Ваши опасения оправданы, – согласился пятый капитан, – но кому, в таком случае, доверить столь ответственную миссию? – раз Фрол замолк, пришлось озвучить новый вопрос вместо него.

– Полагаю, разумнее всего, – с дрожью произнёс король, – следующему после первого... – не желая это озвучить, тянул Артур время, – капитану второго отряда, – учащённо дыша, наконец выдал король.

– Что?! – воскликнул его секретарь. – Да... да как вы можете такое говорить?!

Не часто лицо синеволосого паренька бывало настолько

обескураженным. Его глаза расширились и сверкнули страхом, руки сжались в кулаки и растопырились как ноги, перебирая которыми, он отошёл от трона. Стоя в стороне от стола, чтобы лучше видеть взволнованного короля, советчик оскорблённо изрёк:

– Вы хотите оставить Кира в Евразии только потому, что с детства водите с ним дружбу! Вам плевать на самого верного королю человека! – не скрывая раздражённости, явил свой истинный характер самый безразличный капитан. – Вас совесть не замучает, когда пусть и второй по силе, но безмерно верный вам – погибнет ради несбыточной мечты о безопасности?! – наконец замолк второй капитан «Реокрацу», пока остальные главы прибывали в не особо ярлом шоке.

Артур, сжимая кулаки, стыдливо прятал взгляд. Понимая, что тишина слишком затянулась – встревоженный секретарь, упиревшись о королевский стол – более тихо, хотя не менее гневно добавил:

– Я поклялся вашему отцу, что вы не познаете серьёзных невзгод. Но раз вы сами решили скормить меня провальному плану – пусть Кир с вами носится, – вытянув в сторону первого указательный палец, заявил Второй со всей наглостью.

Друг короля сдерживался из последних сил; взором, он вот-вот просверлит в советчике дырку.

Раскалившуюся обстановку, охладило громкое слово Лирь:

– Секундочку! – заявила она, обратив к себе всеобщее

внимание. – Нам понятны мотивы как короля, так и капитана второго отряда; но ни Кир, ни Фрол – не годятся для этой миссии.

– Правда? – вслух озадачился синеволосый парень. – И что в такой ситуации делать? Радоваться, или считать себя оскорблённым? – иронично спросил он у Лир, вернув безразличный лик.

Девушка перевела взгляд на короля, и в своей стандартной, рассудительной манере, пояснила:

– Пусть сильнейший в Евразии и второй после нег, обладая хорошим боевым костюмом, смогли бы победить императора один на один – без прочих помех или неудачных нюансов, это дело не обойдётся, – слегка покачав головой, замолкла барышня. – Император достаточно осторожен и внимателен; чистой силой, его не одолеть. Именно поэтому, против него необходимы навыки и знания, которые словами не передать, – опустив глаза, притихла девушка. – Я же, целые полгода изучала его, наблюдала за его жизнью; мои глаза и память станут Вэнтэру более страшным врагом, чем кулаки первого или второго капитана, – Лира подвела итог и, не смотря ни на что, улыбнулась.

– Только не говори, – вмешался Кир, взволнованно глянув на третью по силе, но Лира – взглянув ему в самые очи, решительно вставила:

– Если кто и способен выкрасть Кулак – то это я! Я – вызываюсь добровольцем! – замешкавшись лишь на секун-

ду, взглянув выше трона Артура, объявила капитан, скрасив безмолвие шагом вперёд.

– Но это безрассудство! – вновь вмешался Кир. – Пусть ты знаешь больше всех об Империи и повадках Вэнтэра – этим, его не одолеть!

– Ошибаешься... – тихо, глядя первому в глаза, со слабой улыбкой возразила девица. – Я досконально знаю его привычки, места уединения, распорядок дня и правила собственной безопасности. К тому же, только я уже управляла нужным костюмом, а значит, на тренировку его эксплуатации – время тратить не придётся. За те тяжкие полгода – броня стала мне второй кожей, и даже стаж в имперском деле говорит сам за себя, – рассудительно и спокойно, убедила Лира весь тронный зал, в своей пригодности к новой миссии.

Каждый капитан, как и король, заморожённый доводами, и так склонился к одобрению её плана, но девушка, элегантно улыбаясь, перевела взгляд на хозяина престола, и добавила:

– Да и разве, добровольцам отказывают?

Артур, услышав это, отодвинулся назад и, зашевелив глазами, стараясь спрятать их, слегка стукнул ладонями о стол. Посмотрев на более низких званием капитанов, он объявил:

– Я считаю, что столь серьёзные вопросы, как выбор творца нашего будущего – можно доверить только совету капитанов «Реокрацу». Будьте добры поднять руку в знак согласия с отправкой первого капитана, – закончил король, подняв в воздух дух напряжения.

Без промедлений руки подняли Кир, и его сосед по званию – второй в «Реокрацу».

– Кто согласен с кандидатурой второго капитана?

Поднятых рук не последовало.

– Спрашивать уже ни к чему, но всё же... кто за отправку Лиры?

По очереди, начиная с седьмого капитана, которая оказалась самой решительной – руки подняли остальные. Фиолетововласую девушку поддержала шестая по силе в «Реокрацу», а затем пятый капитан, после которого руку поднял четвёртый; даже сама третья, проголосовала за себя.

Кир, встревожено за этим наблюдая, осознал результат. Понимая, что он не в силах был что-либо исправить, сильнейший отвернулся в сторону.

– Я, очень благодарна вам, за доверие, – искренне улыбаясь, тёплым голосом молвила Лира. – Я обещаю сделать всё возможное, чтобы Кулак помог нашему делу, – заявила она, сжав руки за спиной.

– Боюсь, только «возможного», для успеха не хватит... – сухо проямлил секретарь короля, отвлечённо глядя в сторону.

– По-твоему так, – вступился за девушку Кир, – благодарят прикрывших твой зад?!

– По-моему так, – безразличным голосом, но с призрением глядя в глаза сильнейшего, – констатируют факты, – ответил второй капитан.

Артур поднялся с трона, предупреждая конфликт, и вначале запнувшись, молвил:

– Я – от лица всего народа, благодарю вас, Лира. Ваши поступки заслуживают вечной памяти... – опустив глаза, за- тих король.

– Пока их слишком мало, – самокритично ответила Лира, кивнув.

– Благодарю всех за участие. Вы свободны, – объявил на- следник Джаина, вернувшись на трон.

Тронный зал быстро почти опустел; в это «почти»– вошли капитаны первого и второго отрядов. Кир так и продолжил стоять на месте, смотря на Артура, что с некоторым смущением оглядывался по сторонам, не зная, как себя вести. Королевский советчик, спокойно стоял справа от трона, беспристрастно глядя на сильнейшего в Евразии.

– Я так понимаю, – с явной неловкостью начал Артур, – разговора с тобой, мне всё равно не избежать?

– В точку, как всегда... – опуская руки, сжатые за спиной, согласился капитан.

Король, посмотрев на секретаря, лишь собрался что-то сказать, как синеволосый паренёк изрёк:

– Подожду за дверью... – после чего, размеренным шагом – покинул тронный зал.

– Зачем ты утвердил на эту миссию Лиру?! – во весь опор начал капитан. – По-твоему, она мало пережила?! – подходя к королевскому столу, не сбавлял он тон. – На долю этой де-

вушки и так выпал град испытаний, а тут ещё и бой с императором! – разводя руками, ошетинился Кир.

– У меня толком не было выбора... ты ведь сам видел, она лучший кандидат, – не выказывая смятения, начал оправдываться Артур, хотя в конце своей речи сник...

– Ты запросто мог... да не то что мог, ты должен был отправить меня! – указал на себя первый.

– Нет, не мог! – огрызнулся король, повысив голос. Он держал сжатые в кулаки руки на столе, а голову опущенной вниз, пытаясь таким способом унять переживания. – Даже если и был должен, всё равно не мог, – наконец взглянув Кире в глаза, добавил он. – Можешь наплевать на себя, на меня, но я не позволю тебе плевать на Инессу.

– Ей можно было ничего не говорить! Я и так вижусь с ней редко... – отводя взгляд, стих капитан.

– Вот именно! – прижавшись спиной к трону, согласился король. – Я и сам не замечал, какую боль ей причиняет твоё безразличие, пока вчера, она не раскрыла мне глаза... – со слабой дрожью пояснил он, припустив голову. – Она действительно обожает тебя, и не перестаёт благодарить ваших родителей за такого брата... – приподняв голову, король слабо улыбнулся. – Но чем сильнее ты от неё отдаляешься, тем больше ран оставляешь в её душе... – услышав это – Кир занервничал. – Инесса очень мне дорога, и так же сильно я дорожу ребёнком, зреющим внутри неё. Я настолько сильно хочу для них счастья, что не позволю ничему на этом све-

те, навредить им. Твой уход ранит Инессу даже больше, чем смерть – ведь если ты покинешь дом, ты от неё откажешься. А я – не в праве этого допустить!

– Я понимаю тебя. Твоё решение стало неплохим выходом, – поникнув, согласился Кир, глядя вниз и говоря довольно тихо. – Ты позаботился о тех, кто тебе дорог; семья должна быть на первом месте – ты всегда чтил это правило, – переведя взгляд на друга детства, безрадостно продолжил капитан. – Вот только, ты король, и твоя семья – вся Евразия. Пусть ты и стараешься обеспечить комфорт каждому человеку, порой совсем не замечаешь, – смяв рукой свою форму в ближайшем к сердцу месте, замолчал паренёк, – как рушишь чужие миры, – после чего, развернувшись к королю спиной – окончил разговор.

– А как я должен был поступить?! – вскочив с трона, воскликнул Артур. – Отправить в Империю тебя и уничтожить мир твоей сестры? Рискнуть единственным, ближайшим другом, когда вместо него можно положиться на более разумный вариант?! – накинул на капитана кучу вопросов король, волнуясь и не скрывая злинку.

– Я не вправе отвечать на это королю, – даже не повернув голову, сжал Кир дверную ручку, – но другу я бы ответил, что порой, ради чужого счастья – можно позабыть и о своём... – наконец покинув тронный зал, вместе с дверью закрыл тему сильнейший капитан.

У самого вступления в кабинет по-прежнему стоял второй

по силе; его взгляд – дарованный Киру, был безразличен и вял.

– Я думал мою истерику никто не переплюнет... – монотонно произнёс он. – Ты меня даже в этом обошёл, – за всей своей сухостью, он был остёр, как бритва.

– И не надоело тебе, прятать страх за каменной миной? – подняв брови, будто с насмешкой ответил Кир. – Хотя, прости за вопрос. Тебе ведь не удаётся его спрятать, – после чего, всё тем же спокойным шагом, продолжил уходить.

Много всего возжелал второй предпринять, но все попытки сместить Кира с титула сильнейшего – провалились, и как бы не хотелось Фролу отнять у того жизнь прямо здесь и сейчас, за это придётся отдать свободу. Итог не лучший... пусть себе идёт куда шёл, всё равно Артур узнает и поймёт, кто из них преданней и сильней.

Конкуренцию на это у второго с каждым днём прибавлялось; вот Лира заявила, обольстительная и рассудительная, всё знает наперёд и на всё у неё готов ответ. Кто следующим станет помехой? Сопляк четвёртый? Слабоумный пятый? Что однозначно, так это отсутствие повода переживать за двух слабейших капитанов; они на своих постах с самого момента формирования «Реокрацу», и даже не делали попыток расти в звании. После сегодняшнего совета, они задержались в замке дольше всех.

Шестая и седьмая всегда держались вместе, вместе пребывали даже сейчас – прогулочным шагом выходили на ули-

цу из Белого дворца.

– Мне одной кажется, что третья провалится? Она сильна, и много знает, но даже первый вряд ли завалит неогара, а тут аж третья, – шестая любила сплетни, и любила поддерживать свой облик в порядке. Она всегда держала под рукой зеркальце, тушь и румяна, подчёсывала волосы и подкрашивала губы.

– Эта девица не внушает уверенности, – категорично ответила седьмая в «Реокрацу» – девушка с фиолетовыми волосами. Её короткой стрижке шли мужские вещи, и в целом она была мужеподобна. – Я бы ей свою жизнь не доверила. Но навыки порой куда важнее силы, а у неё они отточены.

– Прошу прощения, – послышался позади голос Кира, а чуть опосля и его гулкие шаги. – Вы не знаете, куда направилась Лира? – поинтересовался он, у слегка удивлённых капитанов. Шестая была бы рада ответить, но покраснела и отвлеклась на рост сильнейшего, на широкие плечи, на его плавные скулы и цветом напоминавшие огонь волосы.

– Вроде, собиралась в Евразийский центр развития наук... – поделилась седьмая, после чего локтем пихнула свою подругу. Та закивала, пожимая плечами, как набитая дура.

Поблагодарив коллег – сильнейший капитан отправился в указанную сторону, к центру, где шефствовал Герд. Располагался он совсем не близко к дворцу, а скорее – далеко. В желании увидеться с Лирой обретя спешку, первый набрал скорость, а спина его набрала взгляды двух слабейших ко-

горты.

– Везёт же новенькой, – неустойчивость глаз шестой явно хвалила не спину в чёрной жилетке.

– Ты не там и не та, чтобы об этом думать... – вздыхая, взялась за упрёки седьмая.

Свой путь сильнейший в «Реокрацу» проделал на личном транспорте, и добрался до центра научного развития в сроки, что можно назвать скорыми, но это не обеспечило его быстрой встречей с Лирой. Кира заставили ждать под дверями лаборатории Герда, пока тот всё не закончит, а дел у него с девицей оказалось много.

Когда девушка со светло-рыжими волосами, часто собранными в тугий высокий хвост, вышла за двери Евразийского храма наук – сменилась дата; один день, перетёк в другой. Какого же было её удивление, когда сидевший на встроенных скамьях паренёк поднялся; его рост – снова поставил Лиру в неловкое положение.

– Твоя сетчатка уже прошла нужные тесты? – спросил Кир, озарённый лёгкой улыбкой.

– Д- Да, вот только результаты долговато ждать... – рассеянно ответила девушка. Заглянув первому в глаза, она от радно добавила:– Если ты здесь, чтобы отговорить меня от миссии захвата Кулака – не трать время даром, – добродушно отрезала она, качнув головой.

– Я понял, тут бесполезно пытаться, в этом мы с тобой схожи, – уперев руки в бока, хохотнул Кир. – Я перед тобой

с другой целью.

Лира с интересом согнула уста, намекнув на желание услышать конкретику. Блеск оттенявших красным глаз Кира, и чем-то тигровым очей барышни, и так говорили меж собой.

– Я буду прям, – приблизившись к ней, натянул сильнейший серьёзность. – Предлагаю тебе совместные с моим отрядом тренировки. Твой третий и мой первый отряды пойдут по одному пути обмена мастерством, а твоим главным куратором подготовки к миссии – стану я, – приобняв Лиру за плечо, изложил Кир. – Возможно, я не лучший учитель, но как первый капитан – стану хорошим наставником, – упоенно пообещал паренёк, незаметно уводя Лиру за собой. Третий капитан, в свойственной ей нерасторопной манере, улыбаясь, поинтересовалась:

– А кто-то, кроме нас с тобой, знает об этих реформах?

– Чем меньше люди знают, тем крепче они спят... – не скрывая рвение побыть рядом с капитаном – заключил Кир, продолжая уводить Лиру...

10 эпизод. Последний дар отца

Среди двух миров, что сосуществовали на полушариях материка, разогнанные друг от друга перешейком и враждой – меньше в отдыхе нуждались нэогары, но именно люди пренебрегали им.

Вплоть до самого вечера бессмертный Герд пробыл на рабочем месте, в пустующем кабинете, что походил на скром-

ную лабораторию, где места было не так уж мало, но оборудование нещадно его крало. Он вкрадчиво перебирал сотни фрагментов памяти единственного человека, видевшего Империю совсем недавно. Изучая и сохраняя самые нужные данные, профессор, куняя носом и потирая глаза между зевками – настороженно приободрился. Его глазам вернулась ясность, а лицу любопытство; не иначе, он наткнулся на что-то странное. Вскоре на лицо накатила восторг; он изумился тому, что показалось ему гениальным.

Рабочее место слилось с Гердом в единое целое до глубокой ночи, и осталось таковым до самого утра, ибо некогда главный конструктор Гегара, не стерпел усталости и против воли своей уснул. Даже пальцами нежного солнца не удалось согнать сон с его разума.

Светило водрузилось над горизонтом совсем рано, а когда поднялось повыше, к компании бодрствующих присоединился Евразийский король. Не сменив измятую сном пижаму, Артур лишь сонно приступил к своему завтраку, когда его покой потревожил секретарь. Время, по меркам монарха, было весьма раннее, и когда скучный Фрол, закрыв за собой дверь, молвил:

– Простите, король; начальник технологического развития требует вашей аудиенции, утверждая, что нашёл в памяти третьего капитана нечто важное, – реакция паренька отобразила нежелание никого слушать. Не зря ведь он отправился на трапезу раньше Инессы; любому порой хочется

уединения.

– Я не готов к приёму советников... – обескуражился Артур, оглядев свой непристойный вид.

– Простите, – вмешался вдруг сам профессор, голосом сдавленным и быстрым. Он умудрился пропихнуть голову чуть ниже локтя секретаря, где места на полные вздохи не хватало. – Ждать моя находка не может! – сообщил он, как в былые годы спорил с Джаином.

Подобная дерзость прогневала телохранителя Артура, но король, поняв, что стесняться ему теперь нечего, безысходно решил:

– Только прошу, поторопитесь... если Инесса увидит, что я ушёл без неё, она обидится.

Второй капитан пропустил бессмертного, и тот подоспел к столу короля с последними его словами. Вблизи, как разглядел Артур – Герд выглядел ничуть ни лучше; его халат был измят, волосы растрёпаны, под глазами собрались синяки, а на правой щеке красовалась розовая вмятина от складок рукава.

– Из множества документов об одобренных и закрытых проектах, найденных в подсознании третьего капитана, я наткнулся на этот, разработанный самим Джаином тип нэогаров, – сухая рука вручила королю подробную схему роботизированного тела. – К сожалению то, что вы видите, не пригоден к использованию как внешний скелет, зато как отдельная боевая единица – он, не побоюсь этого слова – идеален! –

заявил член совета, пока Артур, нахмутив брови, рассматривал не самый понятный рисунок нестандартного нэогара

– Ну, внешне мне этот нэогар нравится... – замешкался король, не отрываясь от схемы, – но, даже если я чего-то не понимаю, разве наша основная цель – не приспособленный к ближним сражениям нэогарский костюм? – приподняв бровь, уточнил паренёк. Он солгал насчёт внешности; её он тоже не разобрал, ведь состояла она из цифр и чёрточек.

– Поверьте мне, лаборатории хватит ресурсов хоть на пять запущенных проектов, без вреда нашей главной цели. Переверните лист, и вы поймёте, почему я позволил себе вас потревожить, – заявил профессор, без малейших сомнений. Артур, с любопытством поднял первый листок вверх и, увидев содержимое следующей схемы – перестал шевелиться. Он вцепился взглядом в последующий чертёж, а вдоволь насмотревшись, улыбнулся.

– Это в духе моего отца – придумывать трудное для реализации, но полезное в эксплуатации... – радушно огласил король, и опустил верхний лист. – Скажите, нам удастся заменить этим нэогаром выбранного агента внедрения? – возвращая фиксатор с документами, спросил король.

– Очень сомневаюсь. Для создания нэогарского костюма у нас почти всё на руках, а для этого проекта – мы совершенно не подготовлены, – пояснил профессор, пожав плечами. Станным получился его визит, он ведь не мог прийти просто похвастаться находкой?

– Как последний подарок моего отца – этот нэогар должен увидеть свет. Вы смогли бы заняться параллельно и им?

– Если вы прикажете, – ошачливился советник, низко кинув. – Но потребуются спонсирование, и не малое, – только Фрол почему-то нахмурился, сделав острый взгляд мрачным. Его лицо заострилось ещё сильнее, хотя Артур догадывался, что этим диалог и завершится. – Проект «Спидрайдэр» обойдётся нам дороже, чем отправка Лиры, и придётся привлечь новых сотрудников... но разве подарок Джаина того не стоит? – Герд не боялся вождя, и не боялся его ведомого наследника.

– Вас снабдят всем необходимым, – тихо кивнул Артур. Товарищ его отца расплылся в улыбке, откланялся, и не обратив на нелюдимого Фрола внимание – ушёл, получив своё. Хотя профессора не в чём было винить; он действовал в общих интересах, пусть и отклонялся от приоритетного задания... но время стояло ранее, а за день, начатый рано, можно успеть много.

Это однозначно стоило сделать личным девизом Кира, который, сколько себя помнил – подрывался со сна едва отсветит зарево рассвета. И с сегодняшнего дня он возжелал взрастить корни этой привычки в своей подопечной, ставшей таковой уж точно не ради ранних подъёмов. В этот час, для кого-то чуть ли ни ставший поздним, в центральном штабе первого отряда «Реокрацу», располагавшегося на границе столицы и северного окружного города – сильнейший

в Евразии, и его новоиспечённая ученица – третья по силе, спарринговались под лозунгом обмена мастерством. Они обучали друг друга использованию мечей, нанося удары и подбирая блоки, на размеренных скоростях. Танец их движений проходил в просторном зале, чей пол был услан матами, а из двух маленьких окошек сочился утренний свет. В его белёсых лучах переливались выступавшие капли пота, и раздавалось отягчённое дыхание.

Лира, совершенно не желала уступать Киру; нескончаемый обмен ударами завершился тогда, когда первый капитан поддел ногу девушки тыльной стороной тренировочного оружия, из-за чего Лира упала на спину. Не самое приятное ощущение, но устало посмеиваясь – она с тяги Кира поднялась.

– И как ты изворачиваться успеваешь? – поправила она норовившую задраться безрукавку.

– Проблема в твоей стойкости, – указывая на ноги, пояснил Кир. – Пока ты наносишь удары, твой центр тяжести слишком уязвим. Ты не придаешь ему должного значения, – глаза его мерцали серьёзностью, но уста сердечно изгибались лёгкой улыбкой.

– Тогда, может научишь следить за ним, а оружие на ком-нибудь другом собьёшь? – колко предложила Лира, глядя в на редкость бодрые глаза первого капитана, с привычными усталыми синяками.

– Мне известен только один способ добиться идеальной

стойкости, – растягивая улыбку, сжал Кир свои мечи, – Практика! – после чего снова напал на девушку. Лира этого ожидала и первые удары парировала, как опытный разбойник, но нанести свои – ей мешала безупречная техника сильнейшего.

Тренировка первого и третьего капитанов, показавшаяся последней бесконечной, продлилась до самого обеда, когда они оба, наконец, согласились хоть немного перекусить. Их желудки потребовали этого громче голосов, которые лишь изъявили согласие.

Множество на свете ощущений неприятных; их, пожалуй, можно насчитать даже больше, чем приятных. Но только пару из них император ненавидел всей душой – это старость, и голод. Он навсегда отринул первое, а со вторым не прекращая боролся; свежие соки, мягкая выпечка, пироги, торты и джемовые конфеты, которые уж очень ему полюбились – поддерживали Вэнтэров аппетит на сытом уровне непрерывно, и мальчик уже давно отказался от расписания приёма пищи. Время переходов от трона к трапезной можно было потратить на разбор бумажек, извечно обставлявших его стол. Но если не обед, так Чан отвлечёт его.

– Император, – выглядывая из-за двери, прогундосил технолог, – сможете на меня отвлекаться?

– Как показывает опыт, ради тебя отвлекаться стоит, – взгляд синих глаз, сместившись с документов на нэогара – дозволил войти. Чан дошёл до края стола, и вот настал мо-

мент говорить, но учёный поник.

– Я... даже не знаю, как бы начать... – Вэнтэр хмыкнул, недружелюбно посмеявшись.

– А я думал, ты свои вступления заранее продумываешь, – собрал мальчик руки на груди.

– Обычно, так и есть, – подтвердил технолог, – но в этот раз, я решил импровизировать... – пояснил он, снова увидев ждущий взгляд Вэнтэра. – Думаю, начать стоит с вопроса о том, какой вы представляете жизнь после смерти? – выдал вдруг профессор, изумив мальчишку. Откинувшись на спинку трона – воевода заёрзал на месте, словно сидел на еже.

– Я думаю, в головах практически всех нэогаров, на этот счёт одинаковое мнение. И тебе оно известно, не хуже, чем мне, – медленный и тихий голос говорил о недовольстве больше, чем слова.

– Да, вы правы. До тех пор, пока вы не наложили запрет на информацию обо всём, что касается других жизней – нэогары получали одни и те же знания, – напомнил Чан, и император нахмурился ещё сильнее. – Раньше, в нас встраивали информацию о том, что помимо нашего измерения, известного как Материальное, существует другое – названное Ментальным. Всё, что было удостоено жизни в нашей вселенной, после своей смерти – сохраняется как память, знания, характер и образ мышления, только в Ментальном мире. Это давно надвигало лучшие нэогарские умы на мысль о возвращении

сознания из Ментального мира, в Материальный, но...

– Техники воскрешения запрещены! – перебил главного учёного мальчишка, грубым и даже злым голосом. – Я не знаю, зачем тебе то измерение, но думать забудь трогать чужие души! – буквально приказал он, привстав с трона.

– Вы очень зря меня перебили, – спокойно подметил Чан, – ведь я как раз хотел сказать, что практика воскрешений не приводила ни к чему хорошему, и техники – рушащие завесу миров, ни в коем случае не должны снова нам вредить.

– Тогда к чему разговор о Ментальном мире?

– Я нашёл один способ, очень даже трудоёмкий, но всё же реальный...

– Ближе к делу! – нетерпеливо выкинул воевода.

– Имея на руках тело мёртвого нэогара – его можно вернуть к жизни, не выискивая новых сосудов для души, как это необходимо при обычных техниках воскрешения. Такой вариант – не навредит ни одному из миров... – наконец огласил суть доклада профессор, и владыка, чьи глаза, расширившись, опустели, лишь медленно прижался спиной к трону.

– Думаю... ты хочешь предложить вернуть к жизни кого-то конкретного? Иначе, ты б изложил всю суть идеи в простом отчёте, – не сдвинувшись с места, проговорил он на одном дыхании, ощущая в груди сильные, глухие стукки...

– Практически сразу после вашего становления челове-

ком, – глядя в сторону, пробормотал технолог, – вас настигла, та самая неприятность, вызванная слабо контролируемые человеческими эмоциями. В этом, отчасти виновен я, – опечаленно загнул нэогар, стараясь скрыть своё сожаление.

– Если неприятностью ты назвал ту грандиозную ссору, то не переживай, в ней нет твоей вины... мой заместитель – не контролировал свои эмоции даже будучи нэогаром, – уныло оправдал Чана Вэнтэр.

– Я просто подумал, – фанатично затараторил Чан, – что если смогу вернуть к жизни причину ваших разногласий – эта вражда будет окончена.

– Нет! – сразу же вставил Вэнтэр, в такт удара кулаком о стол. – Перестань думать о вмешательстве в другой мир! Это тот самый случай, когда цель не окупит средства! – махнув рукой, приказал властитель.

– Как скажите, – не решился возражать технолог. Вариантов, кроме как уйти – у него не осталось.

Вэнтэр редко отвергал разумные, и масштабные его предложения, но сегодня властитель сделал это, и не в пример грубо. Хотя, сама по себе Империя располагала быть грубой, ведь население её составляла холодная живая сталь, и даже первый бессмертный, всё ещё жил теми днями, когда был силён и жесток.

Евразия же – лучшая, от того что единственная её противоположность, не растрачивала дни на документы и воскрешения неназванных лиц. Она погрязла в делах и обязатель-

ствах, поставленных пред её носом первым королём. Научные центры и верха когорты «Реокрацу» – неделями напролёт всё разрабатывали, улучшали и совершенствовали возделанный план по захвату Кулака. Нельзя не представить, ни сосчитать – сколько сил, ресурсов и стремлений было вложено в проект безопасности от и так мирной Империи, за последние два месяца. Целых четыре недели понадобились самым лучшим Евразийским умам, чтобы собрать готовую к работе боевую броню нэогара. Столько же – ушло на исправление мелких неполадок и подгон костюма точно под третьего капитана – выбранного для повторной имперской миссии. Вызвавшийся доброволец, из всего этого времени, и часа впустую не потратила. До тех пор, пока её облачение не было доведено до совершенства, она тренировалась совместно с сильнейшим в Евразии, и оттачивала каждое движение, каждый удар, каждый приём...

И вот наступил тот самый день, когда для отправки Лиры в Империю – приготовили всё. Завершив свои важные дела, которых у девушки оказалось непредсказуемо мало, на закате долгожданного дня, третий капитан – облачённая в созданную по её же памяти броню, и остальные капитаны «Реокрацу», вместе с королём и сестрой Кира, желавшей посмотреть, куда это её муж направлялся в столь позднее время – собрались на границе Евразии и пустыни; в том самом месте, где солнце запросто могло даже песок превратить в красную россыпь, на фоне алого неба.

Секретарь Артура стоял позади него – с правой стороны, сохраняя безразличие и отвлечённость. Инесса находилась слева от короля, держась за его руку; её уж очень большой и соответственно тяжёлый живот, будто намеревался лопнуть, хотя этого, к счастью, не происходило.

Торчавшая из громоздкого нэогарского тела голова милой, рыжеволосой, покрытой редкими веснушками девушки, чья шея была закрыта со всех сторон – смотрелась довольно несуразно. Никто из присутствовавших, кроме самой Лиры, даже не улыбался. Она единственная обеими ногами стояла в песке; позади неё виднелся внедорожник, чьи колёса наполовину «затянула» пустыня; король с капитанами, стояли на территории Евразии, там, где земля была прочна хотя бы от того, что усеивалась мелкими камнями. Ближе всех к Лире стоял Кир; в этот раз, именно ему приходилось смотреть вверх, ведь теперь, это он был на пол головы ниже «нэогара».

– Надеюсь, вы простите меня за то, – разрушил тишину Артур, – что снова мы всё оформляем по-тихому... Просто, если придавать этому огласку, в народе начнутся лишние беспокойства...

– Ничего, – спокойно ответила девушка, – и вы и ваш отец поступили мудро; чем меньше люди знают, тем крепче они спят, – широко улыбаясь, усмехнулась капитан, взглянув на Кира.

– Будь осторожна, и возвращайся поскорей! – неумело пряча заботу под наставлениями, изложил сильнейший ка-

питан.

Ли́ра лишь умилённо кивнула и, развернувшись лицом к своему транспорту, собранному как раз для поездок по пустыне – решительно пошла в его сторону. Подняв с переднего сидения шлем – идеально походивший на настоящую голову нэогара, она надела его, и в конец обратилась враждебным роботом. Оседлав место у руля – отважный капитан завела мотор, и все её коллеги, кроме только Кира со вторым по силе в «Реокрацу», громким хором крикнули:

– Удачи и до встречи!!! – синхронно, чеканно.

– Ждите меня с Кулаком! – подняв левую руку, ответила Ли́ра, после чего на полной скорости умчалась вперёд – туда, где горизонт размывался окраинами Империи...

Даже спрятав лицо под нэогарским шлемом – девушка не смогла сдержать слёзы, отдаляясь от того, к кому успела прикипеть. Кир, из-за которого сердце Ли́ры не хотело более покидать дом – опустив махавшую руку поник, и вяло произнёс:

– Надеюсь, ты вернёшься скоро... – будто даже не сомневаясь в возвращении своей последней – самой дорогой ученицы.

– Ох, не нравится мне эта девица, – сморщив лоб, прошептала Инесса, смотря в спину своего брата. – Ведёт себя так, будто уже возвратилась с успехом.

– Её отвага и решимость заслуживают всех похвал, – не сводя взгляд с удалявшейся машины, пробормотал король. –

Она сама вызвалась вновь побывать в аду, ради того, чтобы заполучить наш силовой перевес. Лично я – не знаю более смелых людей.

Хоть Артур понимал, что такие слова вызовут в Инессе бурю самых неприятных чувств – совесть, не позволила ему ответить иначе.

– Вам стоит радоваться; она уберегла от этой участи вашего брата, – глядя на королевскую жену, позволил себе вставить секретарь короля. Присутствие Фрола с давнего времени вызывало у Инессы смятение; этот острый видом и каменный нутром человек с синими волосами пугал её, но сейчас, впервые получив от него наставления, она разозлилась.

– Тебя спросить забыли! – огрызнулась будущая мать.

Король оставил их перепалку без внимания; он рукой обнял плечи своей возлюбленной, и бережно сопровождал к транспорту, управление которым доверил секретарю. Королевская чета отстояла положенный срок, и теперь они со спокойствием могли возвратиться домой. Они дождались, пока с последними лучами сегодняшнего солнца вездеход Лирры не растаял за буграми опалявших воздух дюн; четвёртый, пятый и шестой капитаны, тоже направились к своему транспорту, включавшему всего семь мест. Но Кир остался на месте. Он не сводил болезненный взгляд с горизонта; глубоко вздохнув, сильнейший опустил голову так, чтобы в поле зрения был только всё ещё горячий песок. В такой же позе, он нерешительно зашагал по территории пустыни, соблюдая

направление точно к следу транспорта Лиры. Его голова была опущена и глаза спрятаны, но, судя по уныло висевшим рукам и будто уставшим шагам, было понятно – первый капитан отчаялся.

– И куда ты собрался? – прозвенел вдруг голос седьмого капитана, чьи фиолетовые волосы теперь казались тёмными. Она подловила Кира на очередном шаге, когда он добрался до начала следов внедорожника. Его нога так и застыла в воздухе, а из опущенной головы – донеслись тихие слова:

– Я никогда себя не прощу, если позволю ей рисковать. Я должен...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.